

ЗЛАТОУСТ

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ

Следы исчезнут поколений,
Но жив талант, бессмертен гений!..

Федор Глинка «К Пушкину»

2
4

АЛЬМАНАХ

Себе ты равных не имел, поэт вольнолюбивый!
Всегда душе моей близки твоей души порывы.

Габдулла Тукай «Пушкину»

225 лет со дня рождения А.С. Пушкина

Встреча с Раисом Республики Татарстан Рустамом Минихановым
в музее им. Е. Боратынского, посвященная Дню русского языка

Литературный форум БРИКС 2024

ТАТАРСТАНСКОЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ»

ЗЛАТ²ОУСТ

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ

2
4

АЛЬМАНАХ

Издательский дом Маковского
Казань, 2024

*Альманах издан при финансовой поддержке
Министерства культуры Республики Татарстан*

Главный редактор – **Сушенцова Татьяна Ивановна**,
Председатель Татарстанского отделения Союза писателей России.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ:

Иванов Николай Федорович – Председатель Союза писателей России;
Хапланова Елизавета Николаевна – секретарь Союза писателей России;
Латынин Валерий Анатольевич – заместитель Председателя Союза писателей России по национальным литературам.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Мингазова Светлана Васильевна – член правления Татарстанского отделения Союза писателей России, руководитель секции поэзии отделения.

Члены редакционного совета:

Журавлева Ольга Владиславовна – поэт, журналист, драматург, сценарист, член Союза писателей России, член Союза писателей РТ;
Зикеева Валентина Владимировна – поэт, член Татарстанского отделения Союза писателей России;
Галимуллина Альфия Фоатовна – российский литературовед, литературный критик, доктор педагогических наук, профессор КФУ, член Союза писателей Республики Татарстан;
Иванова Ольга Ефимовна – Председатель русскоязычной секции Союза писателей Республики Татарстан;
Булатова Галина Ивановна – поэт, прозаик, переводчик, член Союза российских писателей, член Союза писателей Республики Татарстан;
Драгунова Елена Васильевна – литературный консультант.

Златоуст – 2024. Литературно-публицистический альманах, – Казань:
Издательский дом Маковского, 2024. – 208 с. илл.

ISBN 978-5-904613-48-8

Литературно-публицистический альманах «Златоуст» посвящен 225-летию со дня рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина и предлагает вниманию читателей произведения поэтов и прозаиков нескольких писательских Союзов и объединений, в т.ч. Союза писателей России, Союза писателей Республики Татарстан и др. В данном издании присутствует авторская поэзия и проза, а также научно-исследовательские материалы и публикации.

Мы надеемся, читатель останется довольным содержанием и разнообразием литературной подборки альманаха.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Литературно-публицистический Альманах «Златоуст – 24» посвящен важнейшему литературному событию 2024 года – 225-летию со дня рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Поэт, чье наследие остается образцом настоящей русской поэзии, примером высо-

чайшего мастерства и истинного творческого вдохновения. В Казани Александр Сергеевич был только один раз, в сентябре 1833 года, собирая материалы по Пугачевскому бунту, на тему которого, планировал написать свое произведение. Пробыл он здесь недолго – три ночи и два дня, но казанские краеведы до сих пор изучают каждый час пребывания А.С. Пушкина в нашем городе, те самые 55 часов, в течении которых Александр Сергеевич встречался с очевидцами тех далеких событий, посещал своих казанских знакомых, читал стихи, слушал произведения местных авторов и, конечно, говорил о литературе прошлого, настоящего и о многом, что на тот момент было актуально для российского общества.

Татарстанское республиканское отделение Союза писателей России особо приветствовало те материалы альманаха, которые посвящены заданной теме, но, безусловно, мы рады всем произведениям, опубликованным в этом издании.

В альманахе представлены публицистика, проза и поэзия, в нем приняли участие члены Татарстанского отделения Союза писателей России, Союза писателей России г. Москвы и других городов, Союза писателей Республики Татарстан, а также прозаики и поэты других писательских Союзов и литературных объединений. Среди гостей альманаха Председатель Русского национально-культурного объединения Республики Татарстан, инициатор издания книги «Пушкин и Казань: три дня и три века», посвященной пребыванию А.С. Пушкина в Казани, Ирина Алексеевна Александровская. В гостевой рубрике – поэзия известных авторов. Очень важно для нас участие в альманахе поэтов Донецкого республиканского отделения Союза писателей России.

Пушкинская тема произведений гармонично сочетается с гражданской, патриотической, духовной, философской и природной лирикой. Представлены рассказы и выдержки из книг прозаиков. Темы произведений актуальны и интересны большому кругу читателей.

Татьяна Сушенцова,

*Председатель Татарстанского отделения
«Союз писателей России»*

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	3
ПУБЛИЦИСТИКА	7
Ирина Александровская Героям нашего Отечества посвящаем	8
Анатолий Елдашев Наталья Николаевна Ланская (Пушкина) в Казани и Вятке	10
Владимир Крупин «О, как бы жили мы без Даля?»	15
Игорь Шумейко Тюркский Совет и русский язык (выдержки из статьи)	19
Андрей Николаев Вектор к размышлению (Казань)	22
Валерий Латынин Литература призвана объединять народы	26
ТАТАРСТАНСКОЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ	30
Татьяна Сушенцова Сквозь века к нам протянута нить	31
Светлана Мингазова В запустенье вишневом сада	40
Юрий Хара Вселенная живая как слеза	48
Валентина Зикеева Где память светлая осталась	53
Валерий Орлов А надо победить и выжить	58
Олег Стоянов Вновь тепло пригнали ветры	62
Дина Мухамедзянова Однажды кончится война	67
Владимир Антонов Вдовы России	72

Юрий Ларионов	
Я скучаю по хорею.....	75
Александр Лебедев	
Зарождалось лето	79
Андрей Драгунов	
Санька Казанский (отрывок из повести)	81
Юрий Бормотов	
Любовь с экрана	88
Денис Сидт (Сугоняко)	
ALT+F4 (отрывок из романа).....	92
Ольга Журавлева	
Бабушка.....	96
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ (МОСКВА).....	99
Виктор Кирюшин	
Времена	100
Леонид Сергеев	
Трава у нашего дома.....	105
Ольга Борисова	
И пойду я полем русским.....	113
ГОСТЕВАЯ РУБРИКА.....	116
Алексей Остудин	
Дождь стучит по клавишам березы.....	117
Диана Кан	
Вокруг владычествует осень... ..	124
Филипп Пираев	
И будет наша длань щедра... ..	129
Натан Солодухо	
Молчит прискорбное ничто.....	133
Галина Булатова	
Волга, Вятка, Ока и Кама... ..	141
Светлана Летяга (Кашеварова)	
Сквозь миллион оттенков серого.....	146
Светлана Макашова (г. Самара)	
И хочется молчать о сокровенном.....	152

ПОЭТЫ ДОНЕЦКОГО РЕСПУБЛИКАНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ..... 156

Игорь Лысый	
И Солнце родится до срока.....	157
Анна Сыромятникова	
За хрупкое счастье осеннего дня... ..	161
Владислав Русанов	
Поля надели маскхалаты	163
Людмила Гонтарева	
До вечности только миг	168
Виктория Семибратская	
Печаль и нежность	171
Ирина Горбань	
Колокола	172
Лилия Полшкова	
И молчали небеса	175
Михаил Афонин	
Но мы останемся, как стража	178

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЗЛАТОУСТ» Г. КАЗАНИ

Сергей Губанов	
Всё бледней луны краюшка.....	182
Алла Железнова	
Мой мир, придуманный не мной... ..	186
Вера Корнилова	
Георгиевский крест.....	189
Ирина Владимирова	
Заберу твою боль	193
Наталия Крылова	
Мне приятна лета середина... ..	195

ПУБЛИЦИСТИКА

Ирина Александровская,

*Председатель Русского национально-культурного объединения,
заместитель Председателя Совета Ассамблеи Народов Татарстана,
директор гимназии №93 г. Казани*

ГЕРОЯМ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА ПОСВЯЩАЕМ

Указами Президента Российской Федерации В.В. Путина (2021) и Раиса Республики Татарстан (2023) «О 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина» нынешний юбилейный год объявлен особенным памятным годом многогранной яркой личности России – Александра Сергеевича Пушкина, величайшего национального русского поэта, драматурга, прозаика, историка, публициста, журналиста, издателя, литературоведа, литературного критика, основоположника современного русского языка.

В Татарстане ещё в прошлом году состоялся цикл важных событий, посвящённых 190-летию со дня пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Казани. За последние 5 лет по инициативе Русского национально-культурного объединения при поддержке Раиса Республики Татарстан Р.Н. Минниханова торжественно открыты памятники и бюсты, мемориальные композиции и памятные доски писателям, поэтам, певцам и актерам: С.Т. Аксакову, М. Горькому, Ф.И. Шаляпину, Я. Купале, А. Баталову и, конечно, А.С. Пушкину в Казани, Нижнекамске, Бугульме, с. Красновидово Камско-Устьинского района, с. Печищи Верхнеуслонского района Республики Татарстан и др.

Организованы многочисленные выставки, посвященные памяти А.С. Пушкина в Культурном центре имени А.С. Пушкина, в музее Е. Боратынского, на набережной Казанки Казани.

Присвоено имя А.С. Пушкина Гимназии №93 города Казани, Лицею №3 города Нижнекамска, возвращено имя А.С. Пушкина Центральной библиотеке Елабужского района, которое было утрачено около 100 лет назад.

Стали традицией ежегодные встречи Раиса Республики Татарстан Р.Н. Минниханова с активом Русского национально-культурного объединения и творческой интеллигенцией республики, приуроченные ко Дню рождения всемирного гения мирового масштаба А.С. Пушкина. На территории театра оперы и балета имени М. Джалиля по традиции ежегодно проходит торжественное возложение цветов, поэтический концерт, праздничная церемония с вручением наград лучшим представителям сферы культуры, науки, образования. В преддверии этого кульминационного события в течение пяти лет по инициативе Культурного центра имени А. С. Пушкина организуется ставший популярным недельный Пушкинский фестиваль («ПушкинФЕСТ»), собирающий ценителей русской литературы, культуры, науки от мала до велика.

Среди книжных изданий, посвященных жизни и творчеству поэтов и писателей, живших в Казани, созданных по инициативе Русского национально-культурного объединения при поддержке Раиса Республики Татарстан Р.Н. Минниханова нужно назвать историко-литературный сборник «Казанский край – поэзии душа», сборник литературных сказок А.С. Пушкина «Герои моего детства», иллюстрированный мастерами лоскутного шитья. В Год 225-летия со дня рождения А.С. Пушкина состоялась презентация историко-культурного и просветительского издания «Пушкин и Казань: три дня и три века». Названная книга создана большим коллективом ученых, краеведов, специалистов музеев, учреждений культуры и образования – активистов Русского национально-культурного объединения Республики Татарстан.

Казалось бы, лишь около трех дней Александр Сергеевич Пушкин был в Казани, изучая историю Крестьянского восстания под предводительством Е. Пугачева. Но этот визит всколыхнул литературную Казань, вдохновил на новые творческие открытия, на создание Пушкинского общества, на появление улиц и скверов имени А.С. Пушкина. И вот уже третий век поэты и писатели Татарстана прославляют в своих произведениях символ русской литературы – Александра Сергеевича Пушкина. В книге «Пушкин и Казань: три дня и три века» представлена часть таких творений. Юбилейный год Александра Сергеевича дал новый импульс в развитии прозы, поэзии, публицистики на просторах Татарстана.

Продолжая традиции гения русской и мировой литературы А.С. Пушкина, наши творческие современники стараются своей лирой пробуждать добрые чувства, как это делал великий Пушкин.

Анатолий Елдашев,
*писатель, историк-краевед,
член Союза писателей России*

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ЛАНСКАЯ (ПУШКИНА) В КАЗАНИ И ВЯТКЕ

Статья посвящена пребыванию в Казани в конце сентября 1855 года генерала от кавалерии П.П. Ланского и его супруги Н.Н. Ланской, бывшей жены А.С. Пушкина. Цель посещения: встреча с Казанским генерал-губернатором И.А. Боратынским. После краткого пребывания в Казани они отбыли в Вятку, где Петр Петрович должен был сформировать Вятское народное ополчение для участия в военных действиях Крымской войны. В Казани Н.Н. Ланская присутствовала на званом балу, данном начальницей Родионовского Института благородных девиц Е.Д. Загоскиной, где ее персона оказалась в центре внимания.

*Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейший прелести чистейший образец. [1]*

Эти строчки из сонета «Мадонна» 8 июля 1830 г. посвятил своей любимой супруге Наталье Николаевне великий Пушкин.

Через семь лет, 10 февраля 1837 г. (новый стиль) поэт покинул сей скорбный мир. Наталья Николаевна осталась одна с четырьмя малолетними детьми. Еще через семь лет, в 1844 г. она вышла замуж за командира конногвардейского полка Петра Петровича Ланского, родив ему еще троих детей, хотя поэт, прощаясь с супругой, завещал носить по нему траур только в течение двух лет.

Казань

Известно, что Пушкин, изучая историю пугачевского восстания, посетил Нижегородскую, Казанскую, Симбирскую губернии и Оренбургский край. В частности, он побывал в нашем городе с 5 по 8 сентября 1833 г. Исследователи досконально изучили казанские места его посещений и все эти 55 часов, когда он был в нашем городе и общался со свидетелями тех грозных событий.

Но до сих пор малоизученной остается страничка, связанная с посещением Казани Натальей Николаевной Ланской (Пушкиной). Попытаемся приоткрыть и эту завесу неизвестности.

Приоритет первооткрывательницы в изучении этой темы, несомненно, принадлежит казанской исследовательнице Загвозкиной В.Г., которая еще в конце 1980-х гг. в архивных фондах Института русской литературы (Пушкинский дом) обнаружила часть архива дореволюционного ученого Агафонова Н.Я., и в его фонде нашла следующую запись: «В 1850-х гг. Наталья Николаевна Ланская (Пушкина) приезжала по какому-то делу в Казань, и здесь, на балу в Родионовском институте, некоторые любители русской литературы имели случай представиться ей в качестве почитателей памяти и таланта ее первого мужа». [2]

Она же обнаружила в «Казанских губернских ведомостях» (печатный орган Казанского губернского правления, издававшийся с января 1838 г. по март 1917 г.) в рубрике «Приехавшие и выехавшие» информацию, что среди выбывших из Казани с 21 по 28 сентября 1855 г. в Вятку значится генерал-адъютант Ланской. [3]

Ланские остановились в Казани по дороге в Вятку. Их радушно принял в своем доме генерал-губернатор Ираклий Абрамович Боратынский (1802-1859).

Ланские могли бы более коротким путем добраться до Вятки, минуя Казань, но, видимо, Петру Петровичу необходимо было решить ряд организационных

вопросов в отношении ополчения с генерал-губернатором Казанской губернии. После женитьбы Ираклия Абрамовича на Анне Давидовне Абамелек в 1835 г. Наталья Николаевна с А.С. Пушкиным была у них дома, встречалась в светских гостиных, на раутах и балах.

Гибель Пушкина Боратынские восприняли как личное горе и с глубоким сочувствием отнеслись к его вдове и малолетним детям. Здесь, в Казани, Анна Давидовна принимала Наталью Николаевну в своем доме на Грузинской улице.

В один из августовских вечеров Ланскую ждали в Родионовском Институте благородных девиц. Начальница Института Екатерина Дмитриевна Загоскина, знавшая А.С. Пушкина, оказала Наталье Николаевне самый теплый, дружеский прием.

Бал был неофициальным, и, видимо, на нем присутствовали только постоянные посетители гостиной Екатерины Дмитриевны: бывший в 1852-1854 годах Казанский губернский предводитель дворянства, надворный советник генерал-майор Дмитрий Борисович Мертваго, майор Лев Иванович Молоствов, молодой судья Алексей Степанович Оголин, Мария Федоровна Ростовская, писательница, поэт Иван Кротов.

Душой общества была старшая дочь Загоскиной – Варвара Николаевна (в замужестве Краснокутская), блестяще образованная, прекрасная музыкантша.

На балу присутствовали и воспитанницы Родионовского института. Звучала музыка, исполнялся полюбившийся всем романс «Ты пленительной неги полна», читал свои стихи Иван Кротов. И, естественно, в центре внимания была Наталья Николаевна, и «любители русской литературы» имели счастливый случай представиться ей «в качестве почитателей памяти и таланта ее первого мужа».

Казань принесла Наталье Николаевне много отрадных, для нее неожиданных минут. Также гостеприимно в сентябре 1833 г. в нашем городе был принят, особенно семьями Перцовых и Фуков, А.С. Пушкин. Поэта тогда невольно поразила «казанская приветливость».

Слухи и сплетни долго еще после гибели поэта преследовали его супругу. Она знала об этом и поэтому крайне редко посещала великосветские собрания. В нашем городе ей не было оказано пышных приемов, но нужно полагать, что встречи с культурной и образованной частью казанского общества надолго остались в памяти Натальи Николаевны Ланской.

Автор не может не продолжить повествование о пребывании четы Ланских на Вятской земле, тем паче, что там они провели больше времени, нежели в Казани (почти четыре месяца), осталось больше конкретных воспоминаний очевидцев их пребывания там, и по этим воспоминаниям мы можем судить о манерах, внешности, поведении Натальи Николаевны, об отношении к ней со стороны светского общества, священства, простых жителей; и переносить это и на нашу казанскую действительность того времени.

Известие о вступлении России 4 октября 1853 г. в Крымскую войну ознаменовалось патриотическим подъемом среди населения. На призыв послужить Отечеству откликнулись и многие вятчане.

В 1855 г., когда Севастопольская кампания близилась к концу, в Вятке формировалось ополчение, начальником которого был назначен генерал-адъютант Петр Петрович Ланской (1799-1877). Чтобы лично наблюдать за формированием ополчения, Ланской приехал в Вятку в конце сентября 1855 г. Его сопровождала Наталья Николаевна и оставалась с ним там до конца января 1856 г., когда Вятское ополчение уже выступило в поход.

История сохранила подробности ее поездки в Вятку, Слободское, танцы на местном балу, общение с вятскими жителями. Известно, что Наталья Николаевна привезла в губернию собрание сочинений Пушкина, тома которого были торжественно подарены Вятской мужской гимназии. [9] Директором гимназии в это время был Николай Николаевич Позняков (12 марта 1850 – 1856), по существу учредитель библиотеки, который с благодарностью принял этот ценный дар.

Интересные и достаточно насыщенные воспоминания оставила нам Л.Н. Спасская, дочь известного тогда вятского доктора Н.В. Ионина. Она сама не являлась свидетельницей тех событий, ибо родилась значительно позже и использовала воспоминания своих родителей и старых знакомых. По дороге из Казани в Вятку у Натальи Николаевны заболели и распухли ноги: *«Отец мой поспешил на ее приглашение и говаривал, что с волнением вошел в комнату к больной, заранее рисуя ее в воображении самыми привлекательными красками как избранницу великого поэта. Однако свидание несколько разочаровало его, Наталья Николаевна была чрезвычайно высока ростом (ее рос 1 метр 77 см, Пушкина – 1 метр 67 см): не многие мужчины выше ее. Между тем голову она имела небольшую – это при тогдашних гладких прическах очень портило впечатление. В молодости, когда она носила букли, этот недостаток был, вероятно, незаметен. Цвет лица она имела очень белый, волосы темные, но не черные, черты лица тонкие, синие глаза были прекрасны. Действительно, некоторые лица, выдавшие Наталью Николаевну только издали, на балу в декабре 1855 г. в день торжественного прибытия ополченских знамен остались в убеждении, что она была несколько косая; но другие, рассмотревшие ее поближе, с негодованием отвергали это и с восторгом хвалили ее величественную наружность и богатый бальный наряд».* [10]

Личность Натальи Николаевны вызвала неподдельный интерес местного провинциального общества. *«Многие нарочно приезжали в Вятку из уездных городов, чтобы только посмотреть на жену великого русского поэта. Я знала в молодости одну даму, теперь покойную, которая приезжала из гор. Котельнича (а это почти 200 верст!) единственно затем, чтобы «хоть одним глазком посмотреть на Пушкину», – это подлинные слова помянутой дамы».* [11]

Супружеская чета Ланских поселилась в особняке, который находится на пересечении современной улицы Герцена и улицы Казанской. Позже этот дом принадлежал купцам Машковцевым и Рязанцевым. Ланские хорошо сошлись с управляющим Палатой Государственных Имуществ Пашенко, состоявшим чле-

ном Губернского Комитета по созыву ополчения и его супругой, которая и поведала Наталье Николаевне о ссыльном Салтыкове-Щедрине (1826-1889), который за выражение вольнодумных мыслей в печати находился в Вятке с лета 1848 г. Он был лично представлен ей, которая приняла живейшее участие в его судьбе и решила помочь молодому талантливому человеку и походатайствовать за него в Санкт-Петербурге письменно и лично, как говорили в память о покойном своем муже, некогда бывшем в подобном положении. Наталья Николаевна через двоюродного брата Ланского добилась скорого помилования писателя: *«Успех не замедлил обнаружиться. Наталья Николаевна уехала из Вятки в январе 1856 г., а в июне того же года Салтыков был уже назначен чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел и возвратился в Санкт-Петербург»*. [12]

Слухи о необычайной красоте Натальи Николаевны дошли тогда до Вятки, но знаменитая красота ее в те годы уже поблекла. Ей было 43 года, у нее уже было семеро детей: четверо от Пушкина – Мария, Александр, Григорий и Наталья и три дочери от Ланского – Александра, Софья и Елизавета.

О манерах Ланской Спасская Л.Н. пишет: *«В обращении Наталья Николаевна производила самое приятное впечатление сердечной, доброй и ласковой женщины и обнаруживала в полной мере тот простой, милый аристократический тон, который так ценил в ней Пушкин»*. [13]

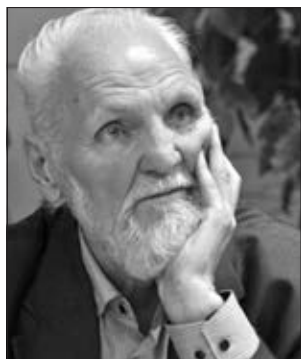
По служебным делам Петр Петрович с супругой посетил и город Слободской, что в 40 верстах от Вятки. Интересные воспоминания о Наталье Николаевне оставил местный священник, протоиерей Иоанн Васильевич Куртиев: *«теперешняя супруга Ланского была прежде женой Пушкина. Дама довольно высокая и стройная, но пожилая (а ей всего-то было 43 года), лицо бледное, но с приятною миною. По отзыву нашего архиерея (Елпидифора) дама умная, скромная и деликатная, в разговоре весьма находчивая»*.

При участии генерал-адъютанта Ланского П.П. формирование вятского ополчения значительно ускорилось. В начале 1856 г. жители губернии торжественно провожали ополченцев. 7 января 1856 г. прошли чествования двух дружин, расположенных в Вятке, Слободском, Демьяновской слободе, Холуницком заводе.

Выполнив свою задачу по формированию ополчения, Ланской вместе с ратниками отправился в Нижний Новгород, а Наталья Николаевна отбыла в Москву.

В 1863 г. на карнавале в Ницце она в последний раз блеснула своим неувядаемым очарованием. В ноябре поехала на крестины внука в Москву, где и простудилась. 26 ноября Наталья Николаевна почилла. Так закончилась земная жизнь этой удивительной женщины, которую, как при жизни, так и после ее кончины окружало множество легенд и сплетен, тайн и преданий.

P.S. После кончины супруги Петр Петрович продолжал заботиться как о своих детях, так и о детях Натальи Николаевны от Пушкина. Он пережил супругу на четырнадцать лет, скончался 6 (18) мая 1877 г. Был похоронен на Лазаревском некрополе Александро-Невской лавры в одной могиле с женой.

Владимир Крупин,
русский советский писатель, публицист, педагог,
сопредседатель Правления Союза писателей России

«О, КАК БЫ ЖИЛИ МЫ БЕЗ ДАЛЯ?»

**ПРЕКРАСНЫЙ РУССКИЙ ПОЭТ
Алексей Решетов написал:**

*Владимир Даль, Казак Луганский,
В отставку выйдя, пишет сказки.
И даже сам Виссарион
Белинский
Ими восхищён.
Но в Академии имперской
Его пословицам и песням
Свободный вход не разрешен,
Зане народу служит он.
Увы, вошло в слепую моду
Натурой называть природу
И двести тысяч слов родных
Менять на насколько ввозных
Слов, супротивных, чуждедалных.
О, как бы жили мы без Даля?
Кого бы Пушкин попросил
Поднять его, лишаясь сил?*

Да, именно Пушкин благословил
Даля на создание Словаря русского
языка, и именно Даль был около поэта
в его последние земные часы.

Однажды, заполняя анкету и отвечая на вопрос: «Какими языками владеете?», я ответил: «Русским со словарём Даля». Сочли за шутку. Но ведь это и в самом деле так. Считать, что ты владеешь русским, и не знать Даля – это значит говорить неправду. Словарь Даля – это не собрание слов по алфавиту, это самая национальная книга русских. Гнездовое размещение слов в его словаре, к которому всегда придирались, оказывается очень полезным для расширения не только знания слов, но и для постижения русской жизни.

Интересно, что о Дале я впервые узнал из статьи Крупской, жены вождя всемирного пролетариата, статьи обязательной к чтению: Статья, конечно, о Ленине. Крупская пишет: «Когда Ильич расстраивался, то брал словарь Даля и листал его. И вообще говорил, что кабинет интеллигента, это: стол, стул, Даль». Как было мне,

комсомольцу пятидесятых, не учиться у вождя? Но ещё интереснее то, что сам-то Ленин читал Даля, а издавать его не давал, обзывал областническим, устаревшим. Так и не издавали. И нигде его было не достать. Хотя до революции словарь выходил трижды.

Еле-еле в 1957-м Михаил Шолохов своим авторитетом добился его издания, но вначале не словаря, а книги «Пословицы русского народа». О, это было событие! Тираж в 75 тысяч исчез из магазинов за день – два. И стоил немало, 25 рублей. Но это была такая драгоценность, что не один я был готов лишиться себя чего-то необходимого, лишь бы взять в руки этот желто-золотой 990-страничный том, и потом многие дни и годы утешаться душеполезным его чтением. В нём была такая магнитность, что рука сама тянулась к книжной полке, а чаще всего книга и до полки не добиралась, жила на столе и часто согревалась теплом моих ладоней.

Ложка дёгтя, увы, имела место быть в словаре. Не в самом тексте, а в предисловии. Уж так не хотелось атеистам давать дорогу, как они говорили, «пропаганде религии», что до смешного скрупулёзно выискивали примеры, по их мнению, безбожия русского народа. А Белинский, похвалив Казака Луганского за сказки, тут же написал своё, полное мракобесия, письмо Гоголю, где безобразно говорил о вере православной. Утверждал: «В русском народе ещё много суеверия, но нет и следа религиозности...», это как понимать? Ну не говорили же в народе, «почёсываясь», про иконы: «Годится – молиться, не годится – горшки покрывать».

Русь оттого и непобедима, что выращена Православием. «Постоим за Русь, за веру

Православную!», – это главный возглас наших предков во всех испытаниях.

Предисловие относит пословицы «На Бога надейся, и сам не плошай», «Бог-то Бог, да и сам не будь плох» к разряду неверия в Бога. Но они же очень православны. Да, на Бога надейся, но и сам спасайся. И Богу молись, и к берегу гребись. Из одного дерева и икона и лопата. Так и что из того? Лопатой работай, на иконы молись. Не дереву же молишься, а образу святого, на нём написанному. Икона – окно в Божий мир.

Свой труд Даль не мог издать десятилетие. Мытарили академики Академии Российской словесности, упрекали в расшатывании устоев власти и религии. Но Даль никогда никаким врагом властям не был: он, как всякий православный, был монархистом. Несправедливые упрёки вынудили его написать объяснительную записку. С горечью писал: «Академия не только признаёт печатание сборника небезопасным, но даже опасается от него развращения нравов. Один из сочленов её для большей вразумительности придумал даже для моего сборника свою собственную пословицу, сказав, что это куль муки и щепоть мышьяку. (Конечно, переделка пословицы «В бочке мёда ложка дёгтя. – В.К.) Если 35-летний труд мой мог побудить почтенного и всеми уважаемого академика к сочинению и применению такой пословицы, то сборник мой очевидно развращает нравы. Остаётся положить его на костёр и предать всесожжению».

Даль вспоминал тех, кто горячо поддержал: его первые публикации в 1932 году: Пушкина, Гоголя, Киреевских, Погодина, Греча. «Жуковский был

как бы равнодушнее к этому, боялся мужичества». Но что, запоздало спросим Жуковского, есть Русь, как не страна мужичества? Кто же побеждал на полях Куликовом и Бородинском, кто Измаил штурмовал, кто Берлин брал? Мучились собранные воедино русские слова в учёных застенках, не пускали их к печатному станку. А время шло, а Даль был уже не молод. И он, желая сохранить кладовую народной мудрости, сделал несколько рукописных копий сборника.

Когда всё-таки сборник был издан, успех его был не сравним ни с одной книгой того времени. Некрасов не выпускал сборник из рук, лично послал один экземпляр в русскую колонию Ниццы. Толстой просил Страхова достать для него сборник, но это было и для Страхова нелегко. В рукописях романа «Война и мир», в характеристике Платона Каратаева есть выписки из словаря Даля. Все русские классики: Островский, Салтыков-Щедрин, Чехов, Достоевский, Лесков, Шмелёв, Бунин, Шолохов – все они, конечно, и без Даля обладали знанием народной жизни, примет, обычаев, но единодушно оценили подвиг собрата по русской словесности; это было равно, может быть, труду Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». А в наше время рядом с ними, конечно, «Лад» Василия Белова. Но, несомненно, словарь Даля первый в этом ряду.

Да, воистину, «как бы жили мы без Даля?». Владимир Даль – из русских русский. Собственно, русскость может быть присуща и нерусскому. Уж как любят либералы талдычить, что Лермонтов шотландец, а Пушкин эфиоп. Что ж это в Шотландии нет Лермонтова, а в Эфиопии Пушкина? А немец Фасмер – автор Этимологического

словаря русского языка – он русский? Дело же в любви к народу и языку. Да и есть ли хоть в каком народе такое золото народной мудрости, выстраданное столетиями, уходящее в народ как учебник жизни. Любой ребёнок, вырастая в языковой среде, слыша пословицы, поговорки, невольно проникается их учительной силой. Не бойся никого, только Бога одного. Свет в храме от свечи, в душе от молитвы. Кто без крестов, тот не Христов. Менять веру и совесть менять. Страшна могила без кадила. В ком стыд, в том и Бог. Небо – престол Бога, земля – подножие. Всем рекам река Иордан, всем городам Иерусалим-град, всем деревьям дерево кипарис, лев всем зверям зверь, всем птицам птица орёл.

Да начини читать любой раздел из двух сотен разделов сборника, не оторвёшься. О жизни, о неизбежности её конца: Сегодня жив, завтра жил. Умрём – ничего с собой не возьмём. Только во сне сдалось, будто на свете жилося. Каково житьё, таково и на том свете бытьё. Кто как живёт, тот так и умирает. Собираемся жить с локоть, а живём с ноготь. И царь, и народ – всё в землю пойдёт. Родится человек на смерть, а умирает на живот. (То есть рождается в жизнь вечную). Тяжел крест, а надо несть. А сколько о любви, о семье, о детях, о труде, о жадности и лени. Сколько о грехах: Церковь близко, да ходить склизко. Обрящешь кротость, найдёшь и мудрость. Тихая вода берега подмывает. Да любое место открываешь, любое, и везде не мука, а вперёд наука: Лучше споткнуться ногою, нежели словом. Ждать да догонять – хуже нет. Не ищи царства земного, ищи небесного. Смирение побеждает гордыню, как Давид Голиафа.

Есть большие разделы житейских правил: С собакой ляжешь, с блохами встанешь. Вяжись лычко с лычком, ремешок с ремешком. Материнское сердце в детях, детское в камне. Батька нажил горбом, а сынок прожил горлом. Коли внуков маю, так и сказку знаю. Спать долго – встать с долгом. Домашняя гривна крепче заезжего рубля. Не потопаешь – не полопаешь. Не для Иисуса, а ради хлеба куса. Или наоборот: Для Иисуса, а не ради хлеба куса. И каждая пословица – это пища уму, повод к размышлению, к взрослению разума.

Но как тороплива жизнь, как жестоки достижения науки и техники к народному говору. Стал исчезать крестьянский двор, труды в поле и лесу, и огромный пласт пословиц, поговорок, загадок ушёл в прошлое. Ушли из жизни девушек зимние вечера, подготовка приданого. Где те кружевницы, где их крючки, спицы и коклюшки? Кто теперь угадает ответ на загадки: Бычок кованый, хвост верёвочный, Сам железный, хвост портяной, Конь стальной, хвост льняной, Волк железный, хвост конопляный, Зверок с вершок, а хвост семь вёрст...? Да это иголка с ниткой, это малая о них часть загадок. А это? На яме сто ямок. Или: Бежит свинья из Питера, вся истыкана. Это уже не угадать, это напёрсток. Два борова дерутся, промеж их пена валит. И это не угадать, это мельничные жернова. Скоро ест и мелко жуёт, сама не глотает и другим не даёт. Что это? Пила. Кланяется, кланяется, придёт домой, растянется. А это что? Топор. И о тополе, и о любом инструменте десятки уже умерших и похороненных в памяти загадок. Ведь и работать было интересно. Весь мир

окружающих человека вещей был жив. Невозможно оторваться. Вновь и вновь листаю словарь Даля. Это наш язык, наши правила жизни. Нет, писателям ещё расти да расти до народного языка. Может, уже и не вырасти – уходит язык. Уходит. Горе-горькое. Давит, оглушает шаблонная трескотня политиков, засыпает язык серой пылью полчище уголовных жаргонов, забивает мозги интернетская англоязычная смесь и спесь. Да ведь, и в интернет уже загнали Словарь Даля, приручая его к новым порядкам. Как же ему там тоскливо. Нет, Словарь Даля, сборник пословиц надо держать в руках, надо листать, надо бродить в нём, как в золотом осеннем лесу. Такие тебя встречают поляны, такое небо над тобой, так легко дышится. В сборнике пословиц слово Бог везде напечатано с маленькой буквы. Это пигмеи замахивались на солнце. Но как от него ни заслоняйся, оно же есть. В конце восьмидесятых переиздали, наконец, и словарь Даля, но там были такие купюры, такие выдиры, чтоб лучше бы и не позорились.

К 200-летию Владимира Ивановича Даля, в 2001 году, были всё-таки изданы его труды, была даже отчеканена юбилейная медаль. Это заслуга нашей Государственной библиотеки. И всё-таки нет ещё такого, чтобы далевские труды были непременно настольной книгой в каждой русской семье и у тех, кто пытается постичь загадочную русскую душу.

Владимир Даль был прекрасным военным хирургом. Особенно прославился тем, что возвращал зрение, искусно удаляя катаракту с глаз. Так и его словарь – возвращает нам национальное зрение.

Игорь Шумейко,
историк, писатель, поэт, журналист.
член Союза писателей России

ТЮРКСКИЙ СОВЕТ И РУССКИЙ ЯЗЫК

(выдержки из статьи)

ВЕРХОВНЫЙ МУФТИЙ РОССИИ
Талгат Таджуддин на трибунах «Всемирного русского Народного Собора» неустанно говорит о значении Святой Руси для российских мусульман.

Организация «Тюркский Совет» создана по инициативе первого Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, поддержанной Президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом, затем Президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым. Первый саммит: октябрь 2011 г. в Алматы. В 2019 г. к первоначальной четверке: Казахстан, Азербайджан, Турция, Кыргызстан, присоединился Узбекистан.

Поступали многочисленные приглашения войти в «ТС» России. Формальные условия: «Необходимо иметь тюркское население и один официальный тюркский язык» – соблюдено. В числе публикуемых доводов:

«Татарстан может выступить мостом между РФ и Тюркскими странами, что положительно повлияет на

экономики всех стран. Кроме того, после вступления России в союз, «Тюркский Совет» может составить конкуренцию ЕС, с учетом численности населения и территории России. Усиление и расширение состава «Тюркского Совета» является историческим важным событием для членов союза. Сегодня в мире, когда укрепляется Китай, США проводит агрессивную внешнюю политику, усиливаются Арабские страны и Индия, развитие в рамках «Тюркского Совета» может служить защитой и гарантом суверенитета братских тюркских стран».

Лица, чаще всего представляющие Россию в тюркском, мусульманском сообществах хорошо известны. Это уважаемые председатель Центрального духовного управления мусульман, Верховный муфтий России Талгат Таджуддин, главы Татарстана Рустам Нургалиевич Минниханов и Чеченской республики Рамзан Ахматович Кадыров.

Вслушиваясь в их выступления и всматриваясь в дела – мне эти люди кажутся символами нашей *новой нормальности*. Если уж Россия на рубеже века, тысячелетия решила продолжить свое евразийское существование (не абсолютно предопределенный в 1990-х вариант), то наши турки, мусульмане должны контактировать с соплеменниками, единоверцами – свободно, в меру интереса и желания.

Свободные, не стесняемые контактами по турецкой, мусульманской линиям сегодня позволяют их участникам подробнее уточнять смысл традиционных российских форм их жизнедеятельности.

Запомнились иллюстрации этих тезисов. В первые дни весны 2014 года, возвратившей Крым, для налаживания взаимопонимания с крымско-татарской общиной туда срочно был командирован Рустам Нургалиевич Минниханов. Военная полиция из Чеченской республики на развалинах Сирии, Рамзан Ахматович Кадыров в арабских столицах, борясь с ДАИШ (ИГИЛ) [запрещённая в РФ террористическая организация, – *ред.*], -помогают очистить ислам от «чистого», салафитского ислама. Верховный муфтий России уважаемый Талгат Таджуддин на трибунах «Всемирного русского Народного Собора» неустанно говорит о значении Святой Руси для российских мусульман.

В Казани, Якутске я приводил знаменитые строки Пушкина: *«И назовет меня / всяк сущий в ней язык, / и гордый внук славян, / и финн, и ныне дикий / тунгус, и друг степей калмык»*. И комментировал: Пушкин не желал себе успеха – ценой обращения всех в усредненных «носителей русского

языка», ему нужен был *«всяк сущий в ней язык»*, то есть всякий российский народ со своим языком!

Не только веский аргумент для конференций, возможных споров, – но и самое глубинное ощущение подсказывает: самый надежный, долговечный, успешный борец за наше единство: русский язык и культура. Образно выражаясь: всё уже сделали Пушкин, Толстой – нам бы только всё не испортить!

Лермонтов... помню, передача на НТВ 1994 примерно года. Долгая беседа с Джохаром Дудаевым, наизусть по несколько минут читавшего стихи Михаила Юрьевича. Это даже в период, когда, кажется, уже «всё испортили» – оставались русские Язык и Культура.

Благодаря роли играет русская литература, со своими малоизученными, но интуитивно всем в Евразии понятными духом, матрицей жизневосприятия. Читая и почитая Пушкина, Толстого, Лермонтова, мы воспринимали их как «наше всё», суть русской культуры.

Помним, как в учебниках отмечали, что они, наши классики: «Усваивали и передавали нам все лучшее из западной литературы, культуры». Но задуматься бы над другим, пока обойденном учебниками феномене: что-то было такое в их текстах, характерах, судьбах, что обеспечило им понимание наших татар, всех «нерусских» России. Они, Пушкин, Лермонтов и другой, «главный наш Лев Николаевич» – не читали Льва Николаевича Гумилева, о глобальной своей «евразийской миссии» если даже и задумывались, то уж явно о ней не вещали, не проповедовали. Но что-то было в са-

мом строе их произведений работавшее на светлое единство.

И еще о главном «великом и могучем» борце за единство России – русском языке.

Выводы наших ученых: лицо нации меняется при 20% разбавлении родного языка иноземными словами. Мы вплотную подошли к этой черте, лингвисты бьют тревогу. Ведь еще И.А. Бунин призывал: «Берегите чистоту русского языка как святыню! Русский язык так богат, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас». Так давайте же прислушаемся к этим мудрым словам (...).

Тут и корень вопроса. Как относиться к нашему языку? Упокоить как в капсуле, вывезенной в эмиграцию? Положенной на каминной полке домика на Лазурном берегу, среди сувениров, гербариев, милых безделушек: «напоминаний о моей несчастной России»? Русский язык потому и выполняет свою поистине великую Евразийскую миссию, работает и порой сражается за нас, несуразных, потому что неостановимо вбирает слова, обороты,

акценты всех входящих в неё народов. «Назовёт всяк сущий в ней язык»!

Вывод более общий. «Защита русского языка» – игра, игрушки, или освоение выделенных бюджетов. Это – **Он нас защищает!** Вбирая лучшее из «всех сущих в Руси великой языков», он, в частности, препятствует самоизоляции всех наших татар (опять в значении русских летописей и официальных документов Российской империи). Его «не-чистота», вплоть до едва-понятности языка Сергия Радонежского нашему современнику, это, собственно, и есть – наша История, её печать.

В сей статье так много о русском языке» – во-первых, потому, что он наш общий. Ранее я уже делился тем самым первым чувством восхищения, благодарности татарам, якутам за их чистейший русский: «Как будто слышишь, что цитируют твои стихи». Я слышал, в Якутске мне вполне артикулированно сформулировал Николай Лугинов, а в Казани это же почти слово в слово повторил Айрат Бахтияров:

«Двуязычие дает дополнительные силы разуму».

Автор с Президентом академии военных наук, генералом армии Махмудом Ахметовичем Гареевым

Главы союзов писателей Татарстана и России: Ркаил Зайдулла и Николай Иванов

Андрей Николаев,
*журналист, продюсер,
член Союза писателей России*

ВЕКТОР К РАЗМЫШЛЕНИЮ (Казань)

Если вы родились в Казани, то вам, можно сказать, повезло. Вы избавлены от изрядного количества мифов, окружающих третий по посещаемости туристами город России. Я казанец, с 1983 года обосновавшийся в Москве. И по истечении более чем 40 лет могу утверждать, что для москвича, питерца, новосибирца, иркутянина, да хотя бы и киевлянина, Казань всегда была *terraincognita*.

Была и во многом остается таковой по сей день. Если бы вы знали, какие вопросы мне иногда задавали и задают, если речь заходит о моем родном городе. К примеру, в самом конце 80-х и начале 90-х соседи по купе транзитных поездов на полном серьезе спрашивали: «а можно ли им выйти покурить на остановке в Казани?». Состав вяло постукивал по Кировской дамбе, подползая к нашему городу, а они вжимались в сиденья и опасливо посматривали в окна, боясь увидеть толпы гопников, бегущих за поездом. Почти по Некрасову: «Чу, тень набежала на стекла морозные! Что там!?!»

Конечно, такое случалось не сплошь и рядом, но ровно настолько, чтобы мне запомнилось. Это «Взгляд» постарался. Была такая программа на Центральном телевидении в позднее перестроечное время. Внесла огромный вклад в развал Союза. О Казани по московской традиции «взглядовские мальчишки» тогда совсем нечего не говорили. А потом вдруг «Бац!», и в прайм тайм на всю страну в кадре снимают крышку черепа, типа, консервную банку открывают. И всё так крупно, как будто наглядное пособие для начинающих каннибалов, а потом сразу боевой танец гопников «коробка на коробку». Вот вам и казанский феномен,

явленный затем через 35 лет в сериале «Слово пацана». Но ведь не только Казань за него была ответственна. История его возникновения тёмная и, по некоторым данным, уходящая к противоречиям между шефом КГБ СССР Андроповым и главой МВД СССР Щёлоковым.

Но позднесоветская пресса постаралась на славу. Создали репутацию городу. Весной 93-го сопровождал в Казань пресс-тур представителей западной прессы. И шеф московского бюро Los Angeles Times Керри Голдберг, улыбаясь всеми зубами, спросила: «Андрей, а ты можешь показать нам место, где казанские гопники убивают друг друга?». Построившиеся за Керри люди из EFE, FrancPress, Danmarks Radio, Süddeutsche Zeitung и примкнувший к ним Хамадзаки-сан из Yomiuri Shimbun радостно закивали головами. Все они только что прибыли в Россию и были полны стереотипов. Но что-то пошло не так. Пьяных медведей с балалайками по дороге из Шереметьево не встретили, но на экшен с казанскими гопниками очень рассчитывали.

Я объяснял, что в Казани далеко не все бандиты. Приводил в пример свою семью, мол, родной брат активный участник интересующих их событий, а я ботан в очках. Но мне не верили, причём больше всех Хамадзаки-сан. И я не понимаю, почему, ведь его в принципе интересовали только, так называемые, северные территории: Итуруп, Кунашир и другие острова Курильской гряды.

Спустя семь-восемь лет вопросы о Казани поменяли интонацию. Несколько раз при заселении в отели того или иного города России слышал в своей адрес: «Какой у вас хороший русский язык! Ой, у вас ещё и гражданство российское?!». Так как в СССР мне такого слышать не приходилось, то без падения Союза и истории хождения Татарстана за суверенитетом здесь дело точно не обошлось. Ну да, неискушённые в политике граждане не уловили точно, когда центробежные процессы, доминировавшие в Российской Федерации в конце 1990-х и начале нулевых, сменились на центростремительные. А что делать, глубинный народ он таков: долго запрягает.

Ну, хорошо, оставим комплимент моему русскому языку самым простодушным. Однако прямо сейчас, когда Россия занимает первое место в Европе по распространению интернета, я регулярно из соцсетей и случайно подслушанных разговоров узнаю, что Казань – мусульманская столица! Вы легко можете убедиться, что это так, расспросив экскурсоводов, встречающих московских и питерских туристов.

В таких случаях я рассказываю, как сосуществуют и переплетаются в Казани Ислам и Православие. Люди доброжелательно и со вниманием выслушивают, интересуются. И вот что удивительно, практически все из них слышали про икону Казанской Божьей Матери и про Казанский собор в Петербурге. Но далеко-далеко не все идентифицируют эти христианские символы со столицей Татарстана. Конечно, значительно чаще такую реакцию на «Казанскую» икону можно встретить в Европе или Латинской Америке. Там для католиков и протестантов «Казанская» самодостаточная ценность. И при этом люди зачастую вообще не знают о существовании нашего города. Сталкивался с подобным, к примеру, в Доминикане. Хотя, наемдн АПЛ «Казань» всплыла в Гаване. Всех,

кто хотел, пустили поглазеть на лодку. Значит количество латиносов, наконец-то начавших связывать одну из самых почитаемых икон в мире с нашим городом, должно было возрасти. Наверняка пазлы у многих сложились.

Но в России-матушке, учитывая, как тесно ключевые точки существования государства связаны с иконой Казанской Божьей Матери, каждый школьник должен знать, что Казань город исключительный. Однако это не происходит. К примеру, я недавно посетил Казанский собор в культурной столице. Бродил за группами туристов, прислушивался. Экскурсоводы говорили о том, что собор возведен для хранения чудотворного списка «Казанской», и ни слова не сказали, почему икона так называется. Когда я поинтересовался причиной, то мне в ответ удивлялись: «Надо же, не пришло в голову!»

То есть, Фатима, Лурд, Ченстохов, в которых в разное время являлась Дева Мария, сейчас мировые центры христианства, куда стремятся миллионы паломников со всего света. А Казань, которую мать Христа навестила значительно раньше этих упомянутых городов, мусульманская столица. Нонсенс! Но тем не менее он укладывается в голове очень многих, если не большинства, россиян.

А вот ещё парадокс. В России продвижением культа иконы Казанской Божьей Матери заняты значительно больше мусульмане Р.Н. Минниханов, М.Ш. Шаймиев, К.Ш. Исхаков. Да и у Дмитрия Хафизова, посвятившего лучшие годы жизни поиску украденной иконы, тоже нерусская фамилия. Между тем, параллельно существует Дивеевское братство. Это влиятельнейший орден, занятый поддержкой местечка Дивеево под Нижним Новгородом. По преданию здесь побывала Богородица, что привлекает сотни тысяч православных в поисках просветления и исцеления. В России еще около двух тысяч мест, вроде бы отмеченных Богородицей. Но только её явление в Казани признается Русской православной церковью и всеми остальными христианскими церквями планеты. Зато узнав, какие люди состоят в Дивеевском братстве, многие вытягиваются в струночку и понижают голос!

Если вам после моих строк покажется, что Дивеево раскручивают, как альтернативу Казани, то я с вами соглашусь. Ведь ежели признать первенство Казани в христианском мире, то тогда надо принять Казань, как духовный центр России. А это невозможно. Поэтому Казань будет оставаться мусульманской столицей.

Главное, подчеркнуть, в данном случае я не агитирую за Ислам или Православие. Я за то, чтобы граждане задумались над вещами, которые кажутся *им сами собой разумеющимися*. И тогда мир откроется совершенно новой гранью. Но это едва ли. И я не удивлюсь, если, в конце концов, услышу, что наш город получил название в честь иконы Казанской Божьей Матери.

Ну хорошо, так или иначе эту проблему москвичу или питерцу с грехом пополам, но можно растолковать. Значительно сложнее с другим. В качестве ветерана фандвижа ХК «Ак Барс» я взаимодействовал со всеми столичными хоккейными и футбольными клубами, лидерами их фандвижа и профильными журналистами. Неоднократно сталкивался с недоумением собеседников. Говорили мне все одно: мол, татарская диаспора в Москве – примерно миллион. Они же

все должны за ХК «Ак Барс» или ФК «Рубин» болеть. То есть, гостевой сектор стадионов «ЦСКА», «Динамо», «Спартак», «Локомотив» должен быть под завязку забит татарами. Но казанский «Рубин» московским татарам совершенно не нужен. И не только сейчас, когда это ничего не решающий середнячок отечественной премьер-лиги. На него не ходили в Москве и в годы безоговорочной гегемонии команды Бердыева. Самый татарский футбольный клуб в Москве и России это московский «Спартак». Сектор ХК «Ак Барс» в столице заполняется на две трети, но татар там не большинство. Для огромного количества русских людей, если, конечно, они не из Татарстана, это непостижимо.

Я в таких случаях рассказывал о, так называемых, служивых татарах XV-XVI веков, выбравших для себя Москву, а не Казань в качестве главного города, о татарах касимовских, о недосказанности между казанскими татарами и мишарами, о многоцветии культуры татарских субэтносов. Но экскурсия во времена Золотой и Большой Орды вызывала зевоту у футбольно-хоккейной общности: «Да уж, загадочный город Казань!», – говорили мне в ответ.

Автор на презентации своей книги

Валерий Латынин,

российский поэт, прозаик, журналист, переводчик.

Член Союза писателей России, заместитель председателя

СП России по национальным литературам

ЛИТЕРАТУРА ПРИЗВАНА ОБЪЕДИНЯТЬ НАРОДЫ

Последние 30 лет рыночного отношения к литературе и процессу книгоиздания в России нанесли колоссальный ущерб межнациональным литературным связям и переводам талантливых авторов с языков народов Российской Федерации на русский язык и современных русских писателей на национальные языки. Значительно сократилось количество профессиональных переводчиков и снизилось качество переводов. Это обусловлено отсутствием стимулов на такую деятельность со стороны большинства издательств и государственных структур, курирующих книгоиздание и писательские сообщества. Личные творческие связи писателей и переводчиков, подвижническая работа горстки энтузиастов, подобных Центру перевода, работающего 10 лет при Астраханском региональном отделении Союза писателей России, не в состоянии решить проблему в объеме страны.

Однако, поток талантливых произведений национальных авторов, несмотря на существующие трудности в развитии литературы и книгоиздания, не иссякает.

Традиционно лидирует на данном направлении Республика Дагестан. Благодаря великому аварцу Расулу Гамзатову и его соратникам Дагестан в советский период превратился в своеобразную литературную Мекку СССР, притягатель-

ную для всего читающего мира, и сегодняшние руководители республики не рискуют разрушить этот духовный образ в нынешней рыночной России. Дагестанские писатели имеют возможность печататься на родных языках в финансируемых властями литературных журналах, выпускать книги по планам Дагестанского книжного издательства, получать гранты главы республики, почётные звания и ряд других льгот.

Значительная поддержка литературному процессу оказывается в Республике Коми, Чеченской Республике, в Республике Саха-Якутии, Кабардино-Балкарии, Республике Карелия, Республике Башкортостан, Республике Татарстан и некоторых других.

Но на всероссийский уровень выходят далеко не все талантливые национальные авторы. И причиной тому – нехватка достойных переводчиков. На профессиональном уровне художественным переводом по своей инициативе, реже при поддержке местных властей, сегодня занимаются несколько десятков писателей СП России, среди наиболее известных: Марина Ахмедова-Колюбакина (Дагестан), Анатолий Аврутин (Минск), Юрий Щербаков, Борис Свердлов, Александра Жмурова, Николай Загребин (Астрахань), Николай Переяслов, Владимир Карпов, Наталья Лясковская, Сергей Гловюк, Нина Попова, Вячеслав Куприянов, Ксения Ногайцева, Александр Герасимов, Анна Токарева, Андрей Галамага, Геннадий Иванов, Иван Голубничий, Игорь Витюк (Москва), Андрей Попов и Надежда Мирошниченко (Коми), Нина Ягодинцева (Челябинск), Светлана Чураева, Фарид Ахмадиев, Рустем Вахитов (Башкортостан), Альбина Борисова-Слепцова (Саха-Якутия), Андрей Расторгуев (Екатеринбург), Юрий Татаренко (Новосибирск), Мамед Халилов (Ярославль), Марина Зарубина (Архангельск), Виктор Балдоржиев (Бурятия), Наталья Ахпашева (Хакасия), Сергей Телевной (Адыгея), Наталья Куличенко (Северная Осетия-Алания) и некоторые другие. Это очень маленький отряд подвижников для такой многонациональной страны, как Россия. Недавно их ряды пополнили талантливые молодые переводчики: Екатерина Цуммер, Денис Ткачук, Кристина Андрианова-Книга, Наилия Акбулатова, Альфина Карагузина, Зарина Бикмуллина и другие «волонтёры», прошедшие через учёбу в Литературном институте имени А.М. Горького, семинары СМЛ (Совета молодых литераторов) и региональные мастерские. Это даёт основание надеяться, что школа художественного перевода будет и в дальнейшем пополняться достойными преемниками мастеров перевода. Но для серьёзной активизации переводческой деятельности их энтузиазма и возможностей недостаточно. Для сохранения и развития школы перевода необходима системная работа каждой писательской организации и финансовая поддержка государственных структур.

В последние годы некоторые усилия в этом направлении предпринимаются в Москве и регионах. Система подготовки переводчиков с языков народов Российской Федерации возобновлена в Литературном институте имени А.М. Горь-

кого. Продолжает работу над выпуском переводных поэтических антологий «Из века в век» инициативная группа во главе с поэтом и переводчиком Сергеем Гловюком. Союз писателей России после своего 15 съезда предпринял меры для укрепления истончившихся межнациональных литературных связей. Был создан Совет по национальным литературам, стал проводиться всероссийский конкурс художественного перевода поэзии и прозы с языков народов Российской Федерации «Услышь, Россия, наши голоса». Произведения лауреатов и дипломантов этого конкурса публикуются на сайте СП России, в литературных журналах «Молодая гвардия», «День литературы», «Север». Союз писателей России и Совет молодых литераторов СПР ежегодно в рамках всероссийского совещания молодых литераторов в Химках проводят семинары по художественному переводу, подобные школы перевода практикуются и в регионах – республиках Дагестан, Коми, Башкортостан, в Астраханской, Челябинской, Новосибирской областях. Большой вклад в активизацию переводческой деятельности вносят редакции «Литературной газеты», публикуя из номера в номер подборки материалов национальных авторов под рубрикой «Многоязыкая лира России», организаторы ежегодного международного фестиваля поэзии и перевода «Берега дружбы» в городе Таганроге Ростовской области, организаторы областного конкурса литературных переводов «Дружба литератур – дружба народов!». Центра переводов Астраханского регионального отделения СП России. Издательство «Российский писатель» начало выпуск книг серии «Национальная библиотека поэзии России» (пока за средства авторов или попечителей). Уже вышли в свет двуязычные книги стихов даргинки Аминат Абдулманаповой, лезгинских поэтов Билала Адилова и Владика Батманова, замечательного аварского поэта, недавно умершего, Магомеда Ахмедова и других.

Большой творческий всплеск у авторов из всех регионов РФ, в том числе из национальных республик, вызвала Специальная военная операция. В правление СПР со всех уголков страны нескончаемым потоком пошли письма со стихами и поэтическими переводами, выражающими отношение авторов к происходящим событиям и искреннюю поддержку российским воинам, мужественно противостоящим агрессивным устремлениям извечных ненавистников России. Уже через несколько месяцев после начала СВО СП России совместно с издательством «Вече» начал выпуск массовым тиражом поэтических сборников, посвящённых участникам спецоперации, в том числе антологии национальной поэзии «Мы с вами, братья!». и антологии «За други своя» с большим участием национальных поэтов. Эта инициатива была подхвачена многими региональными отделениями СП России и она, безусловно, будет продолжена. Недавно издательство «Вече» выпустило книгу новых переводов стихов классика туркменской литературы Махтумкули Фраги «Истины», подготовленную мной к 300-летию великого поэта и мыслителя. Новые переводы стихов Махтумкули вышли в России впервые за весь постсоветский период. В Тувинском книжном издательстве к 80-летию добровольного вхождения Тувы в состав СССР гото-

вится к выходу двуязычная «Антология тувинской поэзии», в переводе стихов на русский язык приняли участие московские поэты.

Заметным стимулом для возрождения школы переводчиков послужило и начало издания силами АСПИР и издательством «ОГИ» в 2022 году серии переводных книг «Местоимения» и публикации переводов в специальных выпусках журналов «Дружба народов» и «Аврора». В писательских организациях затеплилась надежда, что литературный процесс, в том числе художественные переводы, наконец-то выходят из разряда самодеятельности на профессиональный уровень и получают, пусть и не прямую, но государственную поддержку. И то обстоятельство, что ни в 2023, ни в 2024 году процесс выпуска данной литературы не был продолжен, подрывает веру писателей и к АСПИР, и к государственным структурам, курирующим процесс книгоиздания в стране. Необходимо в сжатые сроки найти альтернативный вариант для продолжения выпуска книг национальных авторов в Москве и их широкого распространения по всем регионам России.

Этим вопросам был посвящён круглый стол «Система художественного перевода в России: проблемы методики и организации», проведённый Союзом писателей России 5 сентября текущего года в Литературном институте в рамках Национальной литературной премии «Слово». Ведущие переводчики СП России были единодушны в убеждении, если в ближайшее время не предпринять серьёзных совместных усилий писательских сообществ и государства для решения этой проблемы, то никакие локальные меры не смогут обеспечить ни развития крепких межнациональных связей народов нашей страны, ни способствовать её национальной безопасности. К этому призывает сегодняшняя обстановка внутри страны и в мире. Без консолидации всех сил государственников и патриотов России не добиться ни победы в Специальной военной операции, ни укрепления страны, ни построения нашего достойного будущего. Только вместе – мы сила, только вместе победим!

ТАТАРСТАНСКОЕ
РЕСПУБЛИКАНСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Татьяна Сушенцова,

*поэт, Председатель Татарстанского Республиканского
отделения Союза писателей России*

СКВОЗЬ ВЕКА К НАМ ПРОТЯНУТА НИТЬ...

ПОЭТУ (ВЧЕРА И СЕГОДНЯ)

Ведомый найденными ритмами
И дерзким духом непокорности,
Он заряжал пространство рифмами
Стихов, парящих в невесомости.

Строка, как мера откровения,
Как след затерянного прошлого.
Она растянута во времени
До тонкой грани невозможного.

Она – вчерашнее соцветие,
Что в книге восточку оставило
Того далекого столетия,
Где для нее слагались правила.

Веков раскрученная мельница
Шумит над старыми могилами,
И кто-то снова будет мериться
В корнях разбуженными силами,

С капризной музой хороводиться,
На дрожь листа ложиться нервами,
Страдать и буйствовать, как водится,
И сотрясать устои перлами

В горячем вареве бессонницы
До холодка рассветной млечности...
Стихи стремятся к невесомости,
А может быть, в объятья вечности.

ПУШКИН В КАЗАНИ

Ранней осени тихая грусть,
Ночь прохладна, и дни коротки.
Протянулся извилистый путь
В древний город на склонах реки.

И ночной нарушая покой,
Сразу видно: приезжий, не наш,
По булыжной стуча мостовой,
Показался его экипаж.

И три дня в напряженье, в накал,
На пределе растроченных сил,
Что он в городе нашем искал,
Где бывал и о чем говорил?

Тают звёзды, все ярче заря,
Жёлтых листьев немая печаль...
Те же видел он стены Кремля,
И соборы, и волжскую даль.

Все ушло, и за давностью лет
Видим прошлое словно впотьмах;
Где-то здесь, на земле, его след,
Где-то тень на забытых домах.

Растревожив осеннюю ночь,
Мир уездный поднял на дыбы
И опять в неизвестное, прочь,
По ухабам превратной судьбы.

Расстилались луга перед ним
Золотым обрамленьем пути,
Он был молод, известен, любим
И казалось, что все впереди...

Белый саван зимы роковой,
Остановка на полном скаку,
Чёрной речки излом ледяной
И горячая кровь на снегу...

Бог нас учит любить и прощать,
Править жизнь покаяньем своим;
Мы по крохам готовы собрать
Всё, что здесь было связано с ним.

Сквозь века к нам протянута нить,
Груз вины, он не падает с плеч,
Нам сегодня дано сохранить,
Что вчера не смогли мы сберечь.

ПО СЛЕДАМ Е. ПУГАЧЕВА (А.С. Пушкин в Казани)

Покрыта патиной веков
Его судьбы витаяковка,
Где так причудливо и ловко
Сплетались кольца завитков.

А время, вечности броня,
Опять забвение пророчит,
Но где-то там три долгих ночи
И где-то два осенних дня.

В дороге, выбившись из сил,
Он не имел к пирам охоты,
Его житейские заботы
Давно смирили прежний пыл,

Но где-то в недрах зрел сюжет,
И он, историей гонимый,
Шел по следам того, чье имя
В запрете было много лет.

И сам не ангел, не святой,
Не уступающий без боя,
Он понимал того героя
С мятежной, страстной душой.

Кто напичкал, кто вдохновил?
Бунтарь, закончивший на плахе!
Перо носилось по бумаге
И воскрешало прежний мир.

И все ушло! И, как всегда,
Блуждает прошлое в тумане,
И снова тонет в океане
С небес упавшая звезда.

Пока летит, она живет,
И видит старая планета
Огонь, что ярко вспыхнул где-то,
И тьму рассеявший полет!

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ (на смерть А.С. Пушкина)

Дух тленья и натопленных печей,
Шаги, тревожный шёпот за дверями,
А ночь металась бликами свечей
И набухала черными тенями.

Сквозь марево опущенных ресниц
Теряли очертания предметы,
И наплывали пятна белых лиц
Из темного портала кабинета.

Забвение, как милость, и опять
Огонь внутри все яростнее гложет,
И только бы сдержаться, не стонать –
Там, за стеной, она услышать может.

Он уходил, тот прежний весельчак,
Талантливый, напористый, крамольный.
На столике церковная свеча,
Читает иерей у изголовья,

И он уже не тот, что был вчера,
Оправданный, очищенный в страдании,
И плакал исповедник у одра,
Последнее услышав покаянье.

А за окном все тот же Петербург,
Пресыщенный, надменный, равнодушный...
Нева, мосты, повозок дробный стук
И та же злая, северная стужа.

Он уходил, назад не повернуть.
Как безутешно, горько воеет ветер!
А где-то открывался звёздный путь
И вечность, уступавшая бессмертью.

М.Ю. ЛЕРМОНТОВУ (210-летие)

Проникаемся духом столетий,
Сила мысли не знает предела,
Прикажи, и она полетела
К той звезде, что из прошлого светит

Сквозь застывшую толщу вселенной,
Чуть играя оттенками бронзы,
И пульсирует азбукой Морзе,
И кого-то тревожит, наверно.

Все ушло: и обиды, и страсти,
Той поры беспощадные нравы,
И гусаров хмельные забавы,
И гоненья рассерженной власти,

И поэт, непокорный, ранимый,
На того, кто в чести, не похожий,
Но стихи пробирают до дрожи,
Проникая куда-то в глубины.

В них Дарьяла несутся потоки,
Рвется к воле отчаянный Мцыри,
Дух изгнания коварствует в мире,
Просит бури челнок одинокий.

Там печален финал Маскарада
И, вбирая всю ярость на свете,
Крик души об убитом поэте,
Чей конец повторит он когда-то.

А созвездья плывут над землёю,
Млечный путь – разметававшейся пеной...
Может правда, он там, во вселенной,
Безымянной далекой звездою?

СТРЕЛЕЦ (декабрь)

Давай надеяться на лучшее,
Что будет, даже не гадай,
Когда декабрь брутальным лучником
Берет на мушку календарь

И, пробивая напряжение
Небес, потерянных во мгле,
Он обещает очищение
Пустой, неприбранной земле.

В прорехи, колотые стрелами,
Как из мешка, сорит слегка
Такое тонкое и белое,
Как-будто с мельницы мука.

И в этом ритме невесомости
Начнут стихии ворожить,
И день увязнет в белом омуте,
И заморочат миражи.

Скиталец звёздного надмирия,
Чей контур грезится во тьме...
Его сакральные усилия
По восхождению к зиме!

И там, где зиждется Вселенная,
Где Млечный путь уносит вдаль,
Где омывают белой пеною
Чуть запылённую спираль,

Где вьются радужные всполохи
И чёрных дыр безмерный гнет,
Стрелку не ведомы ни промахи,
Ни недолёт, ни перелёт...

Он в этой огненной мистерии
К Земле приписан на века,
И зашаманит мир метелями,
Грядут снега, снега, снега...

Вальяжной поступью, вразвалочку,
Вобрав предзимье до конца,
Войдет Декабрь и сразу – в яблочко
С завидной меткостью Стрельца.

СНЕГОПАД (январь)

Снегопад! Отчего мне так хочется
Задержать этот снежный январь.
А зима, ворожея-пророчица,
Все плетет свою белую шаль.

Невесомое, тонкое кружево
Вырастает в пушистый покров
И скрипит стариковски – простужено
Под напором моих каблуков.

Чистота опрокинутой млечности!
В омут света вольюсь, не спеша,
Может быть, только этим и лечится
Заболевшая тьмою душа.

Растворяюсь в нирване забвения,
Белизна пробирает до слез,
Колдовское мое наваждение,
Этот странный природный гипноз!

Мне, рожденной январскою стужей,
В бледном свете застывшей луны,
Как-то стали особенно нужными
Откровения этой зимы.

Чтобы ночью, бездонною, длинною,
Как снежинка светла и легка
На холодную ровность простынную
Опустилась живая строка.

ПРОЗРЕНИЕ

(февраль)

Этот снежный февраль
подарил мне событий немало:
Были скорби, недуги
и строгость больничных палат.
Все ушло, но потом
я в иную реальность попала,
Где лесок над рекой
и дома между елей стоят.

Здесь спокойно, легко
и ничто не тревожит как будто,
Видно дал мне Господь
ещё время на свете пожить,
Вот иду я тропой
в это тихое зимнее утро,
И сугробами снег
высоко вдоль дороги лежит.

Невесомо снежинки
в замедленном ритме кружатся,
Но темнеет вокруг,
и они незаметно растут.
Вот уж падают хлопья
и звёздным покровом ложатся
На деревья, на крыши,
на эту лесную тропу.

Вольной речки поток
оковали тяжёлые льдины,
Пеленою густой
все окутала серая мгла,
И уже не понять,
где сливаются с небом равнины,
И сугробы на склонах,
и в коконах снежных дома.

Я неспешно иду
сквозь прозрачное кружево леса,
Там где тонкие ветви
сплетают ажурную сеть,
Высоко надо мной
бледный диск, разрывая завесы,
Чуть окрасил теплом,
никого не желая согреть.

Почему я жила
и как будто не видела раньше
Легкий, призрачный свет
и пронзительность зимнего дня?
Словно в этот февраль
заглянула я чуточку дальше
И увидела то,
что вплотную увидеть нельзя.

Рисунок Н. Солодухо

Светлана Мингазова,

*поэт, член Правления Татарстанского Республиканского
отделения Союза писателей России*

В ЗАПУСТЕНЬЕ ВИШНЕВОМ САДА...

ВСПОМИНАЯ ПУШКИНА

*(к 185-тилетию
пребывания поэта в Казани)*

*В безмолвии садов, весной, во мгле ночей,
Когда объято всё истомой сонной,
Заветный том с душою вдохновлённой
В тщедушном лунном отблеске лучей
Открою, и на ветхие страницы
Мой долгий взор с восторгом устремится:
О, наслажденье жаждущих очей!*

*Как славно быть в компании такой:
Онегин, Ленский, Ларина Татьяна...
Но вспышкой телефонного экрана
Нарушен кратковременный покой:
Мой голос для тебя и ласковый, и томный,
Тревожит позднее молчанье ночи тёмной
Непреходящей пушкинской строкой.*

Роняет лес багряный свой убор,
 Пунцовый георгин на клумбе вянет.
 И добрая улыбка старой няни
 Мне чудится из-за кисейных штор.
 С кленовой кроны ветерок проворный
 В колена опустил листок узорный
 И лета бег необычайно скор.

Мне грустно и легко, печаль моя светла,
 Здесь дух отчизны пребывает милой.
 Прощусь пока с Русланом и Людмилой:
 К заутрене зовут колокола.
 Сколь короток звезды далёкой промельк! –
 В руке моей – миниатюрный томик.
 И чистый лист на плоскости стола.

А.С. ПУШКИНУ

(на «Сожженное письмо»)

Тебе Элиза в час прощанья
 Старинный дарит сердолик,
 И это тайное свиданье,
 Печалью омраченный лик –

Предчувствие того, что встречи
 Теперь не будет вам дано.
 Письмо желанной издалече
 До пепла будет сожжено...

Но вашей безрассудной страстью
 Супруг суровый разозлён,
 И данной высочайшей властью
 Из Петербурга гонит вон

Скорей опального поэта.
 И расползается молва...
 От пересудов колких света
 Храните чувства и слова.

Но разлучить какая сила
 Сумеет страстные сердца!
 Кольцо бесценное от милой
 Хранить ты станешь до конца.

Ты помнишь бал у Ланжерона,
Январский шумный маскарад? –
В сиянье светского салона
Блистал изысканный наряд.

Как драгоценная камья
Там, в белом бархате – Она!
В восторге господя немея,
Хмелеют, не испив вина.

Полна изяществом врожденным
И жемчуг плеч, и стройный стан...
О, счастье! Быть вознагражденным
Тебе судьбою жребий дан.

Пленяет и умом, и словом,
И выражением очей.
Любовный пыл ей уготован
Одесских незабвенных дней...

И неподвластно чувство тленью,
Живёт отрадою в груди.
То дорогое впечатленье,
Не угасай! Не уходи!

Казань моя! Неласковый октябрь
Замёл под крыльца мусор листопада,
Нешуточна уже его прохлада
И темными ночами канделябр
Луны угрюмо тускл и грустен...

Давай сегодня мы печаль отпустим,
И бессловесных без абракадабр
Пойдем, ведь слов набор не важен,
Смотреть на живопись мостов и башен...

Сквозь морось утра, что ни говори –
Изысканное зрелище и чувство.
Уметь смотреть и видеть – в том искусство.
Душа моя, любуйся и замри!

Пройдем с тобой по саду Эрмитажа,
И по Лядскому садику пройдем.
Спокойствие неяркого пейзажа
Под непрерывным точащим дождем

Во мне такой же тишью отдаётся
И мысли сокровенные тихи.
И вновь, неугомонной, мне неймётся
Являть на свет осенние стихи.

О, праздник жизни, этот дар бесценный!
Внимаю и дождю, и октябрю.
Мой город, я давно тебя люблю!
За день, за час, за миг благоденственный
Благодарю Казань, благодарю!

ДУША-ПЕЧАЛЬ

Душа-печаль во мне заключена.
Зову её: в уединенье сада
Пойдём смотреть на диво звездопада,
Там блещет легендарная страна:
Небесное златое Эльдорадо.
Ну, признавайся, что опять не так?
Молчаливица моя, прошу, откройся!
Глянь, семизвёздный наклонён черпак:
Небесным молоком его умойся
И созерцай величие Плеяд.
Я, как всегда, начну марать бумагу.
Потом сжигать... Вниманья на писаку
Не обращай, а там, где дремлет сад,
В кустарнике, есть гнёзда неких птиц
С непостижимой скоростью полёта...
Но у печали лишь одна забота:
Чтоб ложку дёгтя в мой бочонок мёда –
С невинным взмахом крашенных ресниц.
Ах, как с чабром великолепен чай!
Он, почитай, на уровне врача,
Плотских недугов разнородье лечит.
Но ненароком даже врач калечит.
И вот уж поминальная свеча...

Адажиетто Малера звучит...
Бренчат в холщовой сумочке ключи
От старого заброшенного дома,
Там, на горе, в районе Танкодрома...
Метро за пять минут туда домчит.
– Уйди! – Печали тихо говорю.
Она с усмешкой смотрит на меня:
– По жизни мы с тобой – ноздря в ноздю.
– Садись, – мне отвечает, – у огня...
Присяду. С ней неразделимы мы.
Шаль на двоих в угрюмости зимы.
И я почти поверила в придумку,
Что будто бы «печаль моя светла...»
На землю толща снежная легла,
А мне – лишь на плечо закинуть сумку...

В запустенье вишнёвом сада
Летаргии глубокий сон.
Не буди же его, не надо,
Не тревожь густолистных крон.

Где бродил-колесил по свету? –
Обещанья вновь не сдержал.
Говорил: по весне приеду...
Сад поверил и долго ждал.

Всё торопишься, кем гонимый?
Сядь под вишней, испей воды.
Словно кровью, полны плоды,
Ты прими их, как дар целымый.

Нам до гроба не кончить дел.
Время словно разменный грошик.
Как бессмысленно день был прожит!
Месяц, год... Серебристо-бел

Оказался ты мимоходом.
Сколько минуло вёсен, зим...
Мы из этой землицы родом!
Купиною, неопалим,

Куст вишнёвый. И доля наша
Здесь, в селе. В утомленье дня
Будто кровь из священной чаши,
Сок вишнёвый целит меня.

НА ОЗЕРЕ ГЛУХОМ

На озере глухом, где каждый пень знаком,
Купель, маня, сладкоголосо шепчет:
«Приди ко мне при золотой луне,
Когда и лист единый не трепещет».

В округе дремлет затаённый лес.
Ты полон ожидания чудес,
Но не стремись на зов необычайный,
Когда услышишь: «Шёлковой водой
Лицо и руки бережно омой,
Войди, и я тебе открою тайны».

Затянет вглубь, травой повяжет грудь,
Не выдохнуть и больше не вдохнуть.
Навек уложит в лоно донной тины.
И растворит следы на берегу...
Ступай домой, к родному очагу,
Не слушай песен ласковых ундины.

*(По мотивам стихотворения М. Лермонтова
«Выхожу один я на дорогу...»)*

О, голос твой, явившийся в ночи,
Торжественной, святой и молчаливой,
Души больной недуги облегчи:
Пристанища под вечною оливой,

Под дубом старым, звонкою ветлой
Мне напророчь. Свободы и покоя
Хотел бы я, когда струится мглой
Шатёр небес. И аромат левкоя

Врачует сладким снадобьем, но всё ж
В груди болит и дышится так трудно.
В какие дали ты меня зовёшь? –
Останься, ночь! В спокойствии безлюдном

Едва мерцает синяя звезда
И говорит с звездой голубою.
Пока окутан мир кромешной тьмою
Мне кануть бы, исчезнуть без следа,

Без проводов и чувственных речей,
Признаний в дружбе, что смешны и чужды.
Мне б напевал задумчивый ручей,
Пока не скован ледяною стужей,

И тёмный дуб склонялся б и шумел...

Нам предречённой не избыть судьбы:
(Для каждого назначена дорога!)
Поэтов наших ранние гробы –
Закономерность: в качестве залога

В обмен на жизнь вручают пистолет
И бездыханный, падает поэт...

.....
Тетрадь моя листами шелестит
В ночной беседке. Свет звезды убого
скользнул. Туман. «Кремнистый путь блестит»
И «Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу»

ГЛЯДЯ В НЕБО

*«Редееет облаков летучая гряда...»
А.С. Пушкин*

Может, бывает красивее – вряд ли поспорю,
Только я взгляд от небес отвести не могу,
Где облака отплывают в безбрежное море,
С ними прощаюсь на дальнем моём берегу.

Кто-то обронит небрежно: обычные тучи!
Сказки почили в хранилищах давних времён!
Только несётся навстречу Голландец летучий
И на лету разрушается медленно он.

На горизонте дрожит очертание шхуны
И парусами вздувается белый фрегат,
Вдруг ускользая в водах изумрудной лагуны.
Держит швартов наготове мальчишка-мулат.

Ветры меняют движение небесной армады:
Ей неподвластны земные законы. И вот,
Алым закатным огнём бригантины объяты,
Пламенем истовым движим вперёд галиот.

И полыхает прощание огненно-лисье:
Сказка жива в фантастичном плену миражей.
Шёлковый парус подняв, он выходит из Лисса
В небо открытое, гриновский юноша Грей...

Рисунок Н. Солодухо

Юрий Хара,

*поэт, член Татарстанского республиканского отделения
Союза писателей России*

ВСЕЛЕННАЯ ЖИВАЯ КАК СЛЕЗА...

ОДА «ОНЕГИНСКОЙ» СТРОФЕ

1

Строфа – четырнадцатистишье,
Сонета младшая сестра;
Как гения перо мальчишье,
Легка, отточена, быстра.
Евгений славой ей обязан,
Какой роман, шутя развязан!
Сам автор приходил в восторг,
Бывало, от внезапных строк,
Но знал, залог успеха – в норме,
Суть в соразмерности частей
(Так юный Вольфганг Амадей
Мир умещал в сонатной форме)
И на «магический кристалл»
Поэт надеяться не стал.

2

Итак, строфа. Она как метод
Организует рой идей,
Циклический порядок этот
Пронумерованных статей

Ведёт счастливого поэта,
Как в сочинении сонета,
К открытиям, которых он
Не сделал бы вовек. Закон
Создания «Второго мира»
Вступает в силу, и творец
Главу романа, как дворец,
Возводит. Торжествует Лира,
Когда в содружестве идут
И вдохновение, и труд!

...Поэт один сейчас, и добрый кто-то
Вдали звезду вечернюю зажёт.
Беседки мая, лиственные гроты,
Луною полон каждый лепесток.
Стиха Александрийского разлёты,
И ночи поэтический восторг.
В глуши под грустным небом Кишинёва
Смятенье чувства и явление слова...
Три года ссылки минуло, и мальчика
Уж не узнать в мужчине молодом,
Не привлекает более романтика,
Молчит герой (спасибо и на том)
Но всё не зря и вызревают образы,
И дерзновенный подступает план:
Роман! В стихах! Одной строфой роман!
Наброски на полях тетради. Полосы
Чернил...Поэмы ранние, элегии...
В тот южный май, девятого числа
Над полем белоснежного листа
Для самых первых строчек об Онегине
Судьба перо Поэта вознесла!

Мой друг беспечный сочиняет песни,
Не зная ни сомнений, ни труда,
Журчит себе, как вешняя вода,
О девушке Олесе, и о лесе;
О снежном человеке, звёздном рейсе,
А то без слов мурлычет иногда.

И всё, что ни «создаст» –несет сюда,
Ко мне, на кухню, в государство лести!
Он искренен, и как тут не солгать.
Хотя давно бы следовало гнать,
Он голос не щадит, очами светит!
И всё – одно и то же, все подряд...
Один я у него на белом свете,
Все остальные правду говорят.

Настала ночь. От нежности и ласки
Мальчонка милый, озорной притих;
И в полумраке тёмненькие глазки
Внимательны и светлый трепет в них.

Малыш – творец: к нему приходят сказки.
Он слушает, как много он постиг,
Когда простой неторопливый стих
Навеял звуки, образы и краски.

И долгий век – разгадка детских снов...
В спокойных волнах тех негромких слов
Сияние любви. У колыбели

Растут и светят звёздные дворцы.
И перед тем, что матери нам пели,
Седые головы склоняют мудрецы.

Домашний мир любви и дел простых,
Душевной тишины покой и нега
Волнуют сердце, и, слетевший с неба,
Цветком живым, благоухает стих.

Я разделяю взгляды лягушат
К сырой погоде, к слякоти пристрастье.
Я понимаю: чудики смешат,
Но что поделать, я люблю ненастье.

Свинцовые штрихи карандаша,
Промозглый фиолетовый фломастер...
И тишина чиста, и дремлют страсти;
Легка замороженная душа...
Уединенье – редкостная штука!
Мои стихи – из лёгонького стука
Листвы холодной по сырым ветвям;
И старый ямб не кажется усталым...
Товарищи! Я благодарен вам
За то, что разбрались по кинозалам!

Бедна тетрадь в конце апреля, в мае:
Палящий вихрь, холодная жара...
Все пусто, бесполезная пора.
Я до июля дурака валяю.
А там и осень, осень молодая!
Войду под сень высокого шатра
И улыбнусь: знакомая игра
Ленивых листьев, детская, простая...
А после – холод, запустенье, сон...
Блестящий предрождественский сезон
Опять дарует мне покой и слово.
Когда приду к буяну-февралю
И марту непутёвому – всё снова:
Устану, заболёю, разлюблю.

МАГИСТРАЛ

Опять куда-то ускакал Пегас.
Не до меня беспечному бродяге.
Устали, сникли рифмы-бедолаги.
Сплошная скука. Невысокий класс.
Пусть полежат в столе мои бумаги.
Истрачено, что было про запас.
Перемудрил. Запутался. Увяз.
Остановился от провала в шаге.
Вокруг меня тоски пустынный зной.
Нельзя поэму начинать весной!
Есть ранние снега, ноябрь на это:
Там линии прозрачны и ясны.
Блуждания теней в странице света,
И замыслы трудами спасены!

НОЧНЫЕ СТАНСЫ

1. Мерцая, угасают головни,
С росой на угольках, как два кларнета,
Как странно притягательны они,
Адажио в ночи земного лета!
Вселенная живая как слеза,
Как мука недосказанного слова,
Гляди на небеса во все глаза
Запечатлей – не повторить такого!

2. Волнуется тревожная герань,
Укрыто лепестком почти полмира,
И взор перемещается за грань
Сверкающей витрины ювелира.
Слезится бриллиант – он одинок
В сосуде газа звёздно-голубого
Как образ новоявленного слова
Сверхновой распускается цветок...

Уж ночь в пространстве Университета.
Но я остался, медлю неспроста:
Ожившее мелькнуло рядом где-то
Мгновение старинного холста...
И вот они, великие секреты!
Я узнаю вишнёвый тон кудрей,
И перстень, бронзой кисти чуть задетый,
И бурый фон извилистых ветвей,
И платье тонкое, из ливней и жары,
Исполненное стрелами прямыми,
И веточки сирени рядом с ними,
И вечера душистые дары.

Валентина Зикеева,

*поэт, член Татарстанского Республиканского отделения
Союза писателей России*

ГДЕ ПАМЯТЬ СВЕТЛАЯ ОСТАЛАСЬ...

БАБОЧКА

Летает бабочка в автобусе
И слепо бьётся о стекло.
Но что же всё-таки «на глобусе»
Сюда бедняжку завлекло?
Иль чьё-то платье цвета алого?
Иль чьи-то нежные духи?
А может, бедная, усталая,
В мои торопится стихи.

ТРИЛИСТНИК

Трилистник у дороги – тайный знак,
Стрела, ведущая в глубь леса,
Где открывается завеса
И исчезает мрак.
Где дразнится из-под листа,
Играя в прятки, земляника,
Где аромат малины дикой –
Мои заветные места.
Там толстый бархатистый шмель,
Забравшись в синий колокольчик,
Смешно-смешно внутри хлопочет,
Цедя росистую капель.

Ромашек белые панамы.
А иван-чай – аж до плеча –
Стоит, как тонкая свеча,
В природно-заповедном храме.
И здесь, под куполом небес,
Я растворяюсь в сонном мире.
Лишь еле слышно, как на лире
Перебирает струны лес...

АВГУСТ

Сегодня день похож на осень.
Стыдливо солнце из-за туч
Ко мне протягивает луч,
Как будто извиненья просит
За то, что дни уже не те,
За то, что август так печален,
Что холоднее всё ночами
И чаще чайник на плите,
За то, что танец для стрекоз
Над лугом скошенным – последний.
Подлиза-луч, скользнув к обедне,
Окрасит прядь моих волос.

ДИНЕ

Не очень-то приветлив город твой,
Когда с вокзала встретил непогодой.
От Невского недолго по прямой
Мне до тебя. Но спорить ли с природой?
То – летом! А сейчас метёт зима.
Я улицей Казанской пробираюсь.
Уже знакомы старые дома.
И я им по-казански улыбаюсь,
Прощаю бездорожие дорог,
Оправдываю город снегопадом.
Через два дома – вон и твой порог.
И ничего мне более не надо...
Мы очень редко видимся с тобой.
Жизнь музыканта – вечные гастроли.
Наверно, называется судьбой
Твоё прикосновение к этой роли.

Звучит красиво: Токио... Париж...
Тебе вся география знакома.
Пусть завтра ты опять туда летишь,
Зато сегодня... целый вечер дома!

* * *

Я витала всегда
Над высокою крышей.
Волопас поднимал
Меня выше и выше.
Мне Большая Медведица
Грела ладони.
Мчались Гончие Псы
Не за мной ли в погоню?
Равнодушное время
Меня остудило.
Но всё так же на звёзды
Смотреть я любила.
Правда, знали о том
Лишь коты на заборе,
Да герань на окне,
Да с иконки Егорий...

* * *

Усади меня в светлой кухне,
Угости ароматным чаем.
Видишь: в окнах уже набухли
Почки клёнов, весну встречая.
Скоро будут трещать сороки,
Обживая сорочьи гнёзда.
Я свернула к тебе с дороги,
Забегала случайно просто.
Просто так, без нужды и дела.
Просто так, без какой-то цели.
Просто видеть тебя хотела
С той далёкой шальной метели,
Когда всё февралём кружило
И гудело в проёмах гулко.
Ворожила метель, ворожила,
Заметая все закоулки.
Но согрела твоя обитель.
Помнишь: пили чай, обжигаясь?
И смотрел со стены Спаситель,
Уголками губ улыбаясь.

НОСТАЛЬГИЯ

Туда! Туда! Хочу туда,
Где гладь озер синее неба,
Где быль сплетается и небыль
И помнит чистая вода
Меня девчонкой босоногой,
Веснушчатой и озорной,
Не знающей, что есть покой
И есть ошибки в жизни строгой.
Там с детством встретиться дано.
Там небо в озеро ныряло.
Переливалась и сверкала
Монетка, падая на дно.
Витали бабочки-мечты
В высоких зарослях рогоза.
И пучеглазые стрекозы
За мной следили с высоты.
Туда! Туда хочу опять,
Где память светлая осталась,
Чтоб ненадолго, пусть на малость,
Но откатилось время вспять...

КАЛЕНДАРЬ

Настенный календарь, всё недосуг
Перевернуть твоих страниц картины.
Какой же обуял меня испуг,
Когда в один из дней своих рутинных
Я взглядом удостоила тебя
И удивилась скорости планеты.
Так день из золотого сентября
Движением руки моей – вот этой –
Вдруг превратился в первый день зимы.
И так сквозь серость солнце в окна билось.
Пусть эту осень прозевали мы,
Но ничего без нас не изменилось.
Стряхнула пыль, как снег, с календаря.
Уже зима в окно моё смеётся.
Я календарь заметила не зря,
Ведь скоро новый покупать придётся.

СТАРЫЙ ДВОР

Мой старый двор, ты узнаёшь меня?
Ведь это здесь мое промчалось детство,
Веселым колокольчиком звеня,
С Ромео и Джульеттой по соседству.
Судачили старушки за углом
Про жениха и юную невесту,
А мы гурьбою бегали потом
И весело дразнили: «Тили-тесто!»
А помнишь, как манила снежность зим,
Как улица в сугробах утопала?
И ветер под одеждою сквозил,
А нам зимы холодной было мало!
Как с гаражей ныряли в рыхлый снег,
Расправив крылья-рукава в полёте?
Остался за порогом прошлый век.
И гаражей тех тоже не найдёте.
Чужие лица смотрят из окна –
Такая непривычная картина.
Но та же в небе круглая луна.
И так же во дворе грустит рябина.

Рисунок Н. Солодухо

Валерий Орлов,

*поэт, член Татарстанского Республиканского отделения
Союза писателей России*

А НАДО ПОБЕДИТЬ И ВЫЖИТЬ...

ЭТА ПУЛЯ НЕ ТВОЯ

Эта пуля не твоя. Этот выстрел не в тебя.
Чёрт чечётку пляшет зря. Брат, не парься.
В высь уходят сыновья. Остриё – в богатыря.
«Градом» вспаханы поля. Плачь и кайся.

Разроднились кумовья. Аист против журавля.
В свежих шрамах тополя. Сожалею.
Вновьпреставленным – заря. С лебедою конопля.
Жрёт венки старуха тля на аллеях.

Ты обманут был не раз. Против веры хитрый глаз.
Не родня стеклу алмаз? Вновь нагнули.
Бой не только за Донбасс. Правый бой за Русь, за нас.
Падает звездой Пегас, сбитый пулей...

СОЛДАТУ

Сердцами ввысь, зубами в жижу,
А надо победить и выжить,
И не ударить в грязь лицом.
Но бьют, зараза, по пехоте...
В моей родной десантной роте
Никто не звался подлецом.

В бою чем можем. Всё на грани.
Опять комбат осколком ранен.
Дай бог, и в третий пронесёт.
А нож и при смерти в кармане.
Не подведёт сестрица Аня,
До медсанчасти донесёт.

Он, если вытянет, я знаю,
Вернётся точно птицей в стаю.
С ним всех порвём и в прах сотрём.
Врагов обманутых научим,
Как обзывать нас ватной кучей.
Легко вомнём их в чернозём.

Мы твёрдо верим, наши «Грады»
Достанут тех, кто не за правду,
Но ближний бой совсем другой.
Здесь мы с тобой в объятьях ада,
Никто не вспомнит про награды,
Когда в раю одной ногой.

Война – тяжёлая работа.
Здесь не сыграешь как по нотам.
В окопы вгрызлись, как в гранит.
От тёплой крови и от пота
Своей любимой пряча фото,
Мой друг под тельником хранит.

* * *

Разговаривал со смертью – что ты можешь сделать мне?
С тёмной маркой на конверте привезёшь письмо жене?

Да, заплачет. Ну, расстроишь сладких, мал мала, детей,
Огорчив родных сокровищ, ждущих светлых новостей.

Разорвало грудь осколком. Как-то непривычно с ним.
Не боюсь тебя нисколько. Путь один: в блиндаж к своим.

Перебиты две коленки. Ран навывлет – тоже две.
Только не поставить к стенке офицера ВДВ.

Нифопамом обезболил и на миг в окоп-кровать.
Под январскою звездою как-то стрёмно пропадать.

Обошлось, договорились, отпустила не спеша.
В снег горячими спустились два рожка от калаша.

Провели разведку боем. Поле мин смогли пройти.
Нас до битвы было трое. Пуля против двадцати.

На замке висит граната. Запросто чеку сорвать.
Покажу шестёркам НАТО, как по-русски погибать.

Через силу вдоль овражка замерзаю, но ползу,
Лишь бы не поймать растяжку, с хрипом в лесополосу.

Верю, поздно, или рано до санчасти доберусь.
Русские – народ упрямый. Бей врагов нещадно, Русь!

ДОНБАСС

Вчера сестрёнке оторвало руку.
Ей левою теперь детей крестить.
Но по гражданским бить нельзя же, суки!
И плакал дед: Да мать твою етить!

А кто подстроил битву против брата? –
Вовеки то душою не приму.
Зачем народам врут лжедемократы,
Боготворя коварную войну?

Кто сам не прав, тот ненавидит правду.
Обманутым на блюдцах не несут,
Но бьют по хлипкой кривде наши «Грады»
Верша искусно, справедливый суд.

Я тот с газировкой гранёный стакан,
Наполненный в СССР.
Я связанный бабкой ночами кафтан,
Где в дружбе с руками мохер.

Я тот телевизор, что помнит кино
«Семнадцать мгновений весны».
Я двор, где с обёрток текло эскимо
Под марши великой страны.

Я лучшая в мире кизлярская сталь
И лучший в бою автомат.
В Афгане с душманами биться устал,
Но взял и Кабул, и Герат.

Я поле, в котором колышется рожь.
Я речки живящая нить.
Я в спячке медведь. Проходя, не тревожь!
Разбудишь – не вздумай винить!

Рисунок Н. Солодухо

Олег Стоянов,

*поэт, член Татарстанского Республиканского отделения
Союза писателей России*

ВНОВЬ ТЕПЛО ПРИГНАЛИ ВЕТРЫ...

Из всех путей, из всех дорог,
Что я когда-то выбирал,
Осталась та, которой Бог
Благословения не дал.

Но мне её не обойти.
Куда бы я ни завернул –
Начало этого пути,
А за спиной моей – баул,

В котором глупые стихи,
Неискупимые грехи,
Да пара стоптанных сапог –
Всё то, что взять с собою мог.

Мой путь не будет освящен,
Но я пройду его, малыш...
Пускай, я Богом не прощён,
Так, может, ты меня простишь?

Я напьюсь сегодня пьяным
И явлюсь к тебе с повинной:
Ты такая молодая,
Мне же сорок с половиной...

Я приду, чтоб повиниться,
Но задумаю другое:
Ты ведь тоже не девица,
Чем не пара мы с тобою?

Беззастенчиво играя
В это грубое кокетство,
Я спрошу: «За что, родная,
Ты мое разбила сердце?

Почему я как посуда,
В гневе сброшенная с полки;
Что с такой поделать грудой?
Собери хотя б осколки!»

Но, осколки собирая,
Вдруг, утратив осторожность,
Ты поранишься, я знаю,
Предоставив мне возможность:

Через ранку эту кровью
Я в твое проникну сердце;
Заболит оно любовью –
Никуда тебе не деться!

Вот за это, дорогая,
Я явлюсь к тебе с повинной:
Ты такая молодая,
Мне же сорок с половиной...

Вновь тепло пригнали ветры.
Полон музыки капельной
От зимы уставший город,
Что за тридевять земель.

Эта музыка подскажет
Мне мотив для колыбельной,
А затем тебе приснится
Тихий скрип дверных петель.

Я проникну в дом незримо,
По притихшим половицам
Прoberусь к твоей постели,
Дверь от мира затворив.
Для единственно любимой
Напою, тебе ж приснится,
Мой капельно-колыбельный
Непридуманный мотив.

Пусть его звучанье на день
Не расстанется с тобою,
День не будет беспокоен,
Я же ночь потороплю...
Только жаль, что тайны новой
Я тебе не приоткрою;
Содержанье в нем простое:
Как же я тебя люблю!

Две линии на руке...
Чтоб жизнь не пропала зря,
Я мчусь к тебе налегке
По золоту сентября.

Быть может, рука в руке
Мы встанем у алтаря...
Нелепо просить ответ
У слякоти октября.

В обыденном смысла нет.
Здесь годы как якоря...
Грядущее шлет привет
Из снежного января.

Кораблик желаний мой
Нечаянно сел на мель...
Потоки по мостовой
Высушивает апрель.

Прикрыв наготу листвою,
Взяв голос у птичьих стай,
Впервые, меня с тобой
К себе приглашает май...

Так уютно с сигаретой
У вечернего огня,
Что легко давать ответы.
Ты поспрашивай меня!

Языки костра как косы –
Так их ветер раскачал.
Но еще острее вопросы
Про начала всех начал:

Почему трудна дорога,
Жизнь – порог и смерть – порог.
Для чего прислал нам Бога
На подмогу старший Бог.

Отчего любить так трудно,
Что не каждому дано.
Почему легко быть мудрым
Лишь когда нащупал дно.

Почему порой рассветы
Нам милей, чем солнце дня?
Я ошибся. Нет ответа.
Не расспрашивай меня.

Лунным светом наши волосы
Окольцованы в ночи.
На постели гладиолусы –
Самурайские мечи.

Рукоятки разноцветные,
Лезвий матовый отлив...
Ты роняешь чуть заметные
Слезы, голову склонив.

Я не в силах с ними справиться,
Коль виновен – отругай!
Видно, я, моя Красавица,
Никудышный самурай.

Ночь к концу, темнея, клонится,
Укрывая нас от бед.
И часы на башне-звоннице
Завершают мой обет:

Пусть с тобою мне не справиться,
Не спеши рубить с плеча:
Я дойду к тебе, Красавица,
Хоть по лезвию меча!

Солнца луч, вцепившись в волосы,
Вырвал нас из темноты...
На паркетe – гладиолусы,
На постели – я и ты.

Мотор авто взревел натужно,
Машину бросило в кювет...
Куда доехать было нужно
Тому, кого теперь уж нет?

Давясь от ругани площадной,
Кляня себя и гололёд,
Вдавил он в пол педаль нещадно
И гнал вперёд, вперёд, вперёд...

И это всё. Что стоит жизни
На том конце его пути:
Любовь, друзья, родные, бизнес? –
Теперь ответа не найти.

Вдруг захотелось попрощаться:
У каждой смерти свой резон.
Себя увидел я в несчастном...
Хоть сразу кончился мой сон.

Не разожмут баранку руки
И буду счастлив я судьбе:
Бежав от боли и разлуки,
Разбиться на пути к тебе.

Дина Мухамедзянова,
*поэт, прозаик, переводчик, член Татарстанского
Республиканского отделения Союза писателей России*

ОДНАЖДЫ КОНЧИТСЯ ВОЙНА...

А.М.

Мне монахиня сказала:
«Божьей Матери молитесь!
Он живым тогда вернётся...»
Это знала я сама.
Молча вышла на дорогу.
На трамвае до вокзала
Молча ехала. Однажды
Мы увидимся. Так будет
Не сегодня и не завтра.
В сердце кончилась зима.

«Чем же я тебе в бою помогу?
Как же я тебя от пуль сберегу?
От «подарков» вездесущей «Яги»
В эту ночь, когда не видно ни зги?»

В эту ночь, когда в Казани луна,
Над тетрадью колдовала одна:
«В том беда моя, но нет в том вины –
Отвлекаю я тебя от войны...»

Как «синицей» стать так быстро могла?
Синей птицей, что живёт без крыла?
В том беда моя, но нет в том вины –
Повстречались мы во время войны...

«Закончится война,
И будет тишина»? –
На кухнях говорят
Который год подряд. –
«Закончится когда
Всеобщая беда?»
Вопросов и не счесть!
Всегда Надежда есть,
Что кончится война
И будет тишина.

Тебя я видела и дочку
С тобою нашу. Где? Во сне!
А явь такая: на войне
О том не думаешь, и – «точка».
Мне снится всякое: опять
У «Неизвестного солдата»
Стоим втроём... Мне сорок пять...
(И в этом я не виновата).
Мне снится всякое: прости,
Что сны становятся стихами!
Молю Всевышнего спасти,
Как это делали веками.
Молю Всевышнего! Иной
Для нас возможности не будет!
И за тебя борюсь с войной.
Никто за это не осудит.

Что я сделать могу, если я далеко?
 Небо мирное здесь, а тебе нелегко!
 Здесь тюльпаны несут на свиданья к Часам.
 Ты однажды придёшь и увидишь всё сам!
 Что мне делать теперь? Вновь молиться и ждать!
 Не могу я войне тебя этой отдать!
 Я привыкла терять, но тебя – не хочу.
 «Ты вернёшься!», – опять, как молитву, шепчу.
 У Часов. Ровно в шесть. А зимой ли, весной...
 Как Всевышний решит... будешь рядом со мной.

Время есть у тебя. Время есть у меня.
 Там с тобою друзья. Все почти что родня.
 Здесь со мною друзья. Здесь спасают стихи.
 Зашифрую любовь я в четыре строки.
 Сквер. Пустая скамья. Смотрит в спину Тукай!¹
 Дворник листья метёт: «Всем Аллах помогай!»
 Да поможет нам Бог, как Его ни зови!
 Время есть для борьбы. Время есть для любви.

Весной мы встретимся, когда
 Шумит на улицах вода.
 Воздушный змей над головой,
 И я жива, и ты живой.
 Что будет дальше? Тишина.
 Однажды кончится война.
 Наступит мир. Где шли бои,
 Споют о счастье соловьи.
 Воздушный змей над головой.
 И я жива, и ты живой.
 Стихи напишутся потом.
 А прежде – сад, скамейка, дом.

¹ Памятник татарскому поэту Габдулле Тукаю

«Переживём! И это тоже!»
 «Переживём, а как иначе?!»
 Хочу заплакать, но не плачу,
 И вся печаль – дождём по коже.
 Не просто здесь, но там не легче:
 Тебе –служить, а мне –молиться.
 Как жаль, как жаль, что я не птица,
 И от тебя пою далече!
 А петь так хочется! Но птицей
 Не рождена. Стихи венчаю
 С надеждой. «Жду, люблю, скучаю!»
 Тебе – служить, а мне–молиться.

«С войны вернёшься!», –говорила
 И в это верила сама.
 Тебе я нежность подарила,
 И в сердце кончилась зима.
 «С войны вернёшься!», –повторяла
 И не устану повторять.
 Как много в жизни я теряла!
 Тебя не в силах потерять,
 А потому молюсь и верю:
 Наступят мир и тишина,
 И встречу я тебя у двери:
 Придёшь, как кончится война!

Яңгырява². К чему у слова?
 На ветках мокрая листва,
 И даже памятник намок.
 Цветы, намокшие у ног.
 Анда³ Тукай. Безлюдный сквер.
 Напротив тот же универ.
 Бегу всё так же под зонтом.
 С тобой мы встретимся потом,

² дождь идёт(там.)³ там (там.)

Когда вернёшься сугышта⁴.
Всё тот же сквер, но я не та.
За сорок мне. Яңгырява.
Искрится мокрая листва.

Дождалась: приехал в отпуск.
Я – всего лишь на три дня.
Между нами – перекрёсток,
Жизнь на линии огня,
Одиночество, разлука.
Листья падают в траву,
Не издав при том ни звука.
Так и я с тех пор живу:
Плакать хочется – не плачу.
Не поётся – не пою...
Там– война, а здесь – иначе...
В той часовне я стою.
Почему? Молиться надо
(Без молитвы нет ни дня),
Чтоб твоя не стала адом
Жизнь на линии огня.

Ты есть, я есть, и это Чудо!
Не разлучила нас война.
У нас судьба с тобой одна:
Пока ты есть, я тоже буду!
А будет так: в конце войны
Поймёшь, насколько стали ближе,
А после я тебя увижу
На главной Площади страны.

⁴с войны (тат.)

Владимир Антонов,

*поэт-песенник, член Татарстанского Республиканского
отделения Союза писателей России*

НЕ БУДЕМ ДУМАТЬ О ГОДАХ

ВДОВЫ РОССИИ

После победы похоронка –
Скупые скорбные слова.
В глаза не смотрит почтальонка,
А женщина как обмерла...
В России горе не в новинку,
Где счастье реже, чем беда
И вот прижалась к фотоснимку
Губами юная вдова.

Её соседки не любили,
Считали гордой и чужой.
Не раз ей предложенья были,
Чтоб снова чьей-то стать женой:
«Погоревать – погоревала,
Пора подумать о себе...»
Она же двери закрывала,
С любимым видалась во сне.

Она не верила в приметы,
Она не слушала молву.
Летали в космосе ракеты,
Снимались фильмы про войну.
И ветераны молодые
С едва заметной сединой,
Надев награды боевые,
Весной вставляли снова в строй.

В России горе не в новинку,
Где счастье реже, чем беда
И вновь, рыдая к фотоснимку,
Припала горькая вдова.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Белым снегом укрыта Россия:
И Москва, и Казань, и Сибирь,
Точно так же, как в годы былые
Выпал снег и очистился мир.

Мир, что с вечера был грязно-серым,
Безотрадным, на краски скупым,
Утром стал удивительно белым
И каким-то до боли родным.

Три недели до Нового года,
И чуть более до Рождества.
За подарок спасибо, природа,
Вот и жизнь по-другому пошла.

Словно после Святого Причастья
Поселилась в душе благодать
Светлой радостью детского счастья,
Что не часто дано испытать.

И лежишь ты под снегом, Россия
В ожидании зимних чудес,
Точно так же, как в годы былые:
Белый сад, белый парк, белый лес...

Шестидесятые года –
Их вспоминают иногда.
Поэты, барды, «Новый мир»,
В брикетах сливочный пломбир.
В кино билеты не достать:
Спешит страна любить, мечтать.
На шпильках туфли – цок, цок, цок...,
Причёсок женских стиль высок.
Страна отходит от войны.
На свет рождаться стали мы.
И Шпаликов, живой вполне,
Идет, шагает по Москве.

НЕ БУДЕМ ДУМАТЬ О ГОДАХ

Пока еще твоя рука лежит в моей руке,
Плывут по небу облака, блик солнца на реке...
Не будем думать о годах, их вспять не повернуть,
И лишь за будущее страх порою давит грудь.
Как многое уже прошло, сменяют ночи дни,
Пахнуло холодом в окно, зная лето позади,
И, что с того, пришла пора немного погрустить,
Вдвоем присядем у стола мы чай вечерний пить.
Не будем думать о годах, их вспять не повернуть,
Пока любовь в твоих глазах, мой бесконечен путь.

Рисунок Н. Солодухо

Юрий Ларионов,

*поэт, член Татарстанского Республиканского отделения
Союза писателей России*

Я СКУЧАЮ ПО ХОРЕЮ...

Разворочена постель.
Мысли мечутся устало.
Сна слетает дверь с петель,
Как не раз порой бывало.
Вроде вот уже Морфей
Залепил снотворным очи.
Но...горит, подлец, дисплей.
Ночь короче и короче.
Загорланил петушок.
Вышли в свет его хохлатки.
Завтра выпишься, дружок.
У поэтов ночи кратки.

Светло, не буднично, не ясно,
Но чую: радуется слог.
Хотя местами всё ужасно,
Но сформулировал как мог.

Я был и есть немногословен.
Мне чужда пафосность речей.
Я к созерцанию больше склонен,
Где я ничей и мир ничей.
Не чужд над книгой распластаться,
Быть взятым автором в полон.
Пустить слезу иль рассмеяться,
Глотая чувственный озон.
Быть одиноким это страшно.
Но в одиночестве мечта:
Поразмышлять о чём-то важном
На близлежащие лета.
Обнять звезду на небосклоне,
Лаская взглядом синь небес.
Подкараулив на балконе
Красавиц, выглянувших без...
И в довершении картины,
Что писана была пером,
Я вспомнил лампу Алладина
И наши тени под шатром.

МОИМ СОВРЕМЕННОКАМ

Я скучаю по хорею.
Ямб влечёт меня сильнее.
От анапеста я млею,
Амфибрахий же милей.

И гекзаметр, порою,
В восхищенье приводил,
Им описывали Трои,
Где Эней коня поил.

Форма вместе с содержанием:
Что она способна дать? –
Одарить мечтой, страданьем,
Метром с Гением связать?!

Улыбнулось чудное раздолье,
Засверкали реки и поля.
И природы царское застолье
Королеву ждёт и короля.

В их коронах утро пламенеет,
Словно град камней из ларца
И любовь мне кажется сильнее,
И дивлюсь премудрости Творца

Тот блаженства миг всего дороже
Словно рядом Божья благодать
И к истокам возвращаюсь все же,
Чтоб звездой вечерней воссиять.

Хожу под градусом любви.
А мне всё кажется: летаю
В объятьях некой ОРВи,
Я безнадежно пропадаю.

Жар не спадает, лоб горит,
А в теле нежится ломота.
И сердце с сердцем говорит:
Им постучать еще охота.

Нас, заходящих в этот храм,
Я узнаю не по походке
Во взоре наших прихожан
Горит свеча и речи кротки.

Пустыни вопиющий глас.
Но есть другие, их немало.
Их души имут, но не нас,
Кого в костёр любви бросало.

Как выстрел прозвучал бекар,
Мир разделив на «до» и «после»,
Оставив пепел от сигар.
Вино, не допитое возле.

Ты уходила в никуда
И за собой прикрыла двери,
Но контур тёплого следа
Еще дрожал в моей постели.

Уже не чуя прежних ран,
Я спал и снился долгий вечер,
Любви мятежной океан,
Во тьме мерцающие плечи.

Твое целебное тепло
Давало шанс моей надежде
Проснуться утром...и светло,
И брызги радости, как прежде.

Рисунок Н. Солодухо

Александр Лебедев,

член Татарстанского Республиканского отделения Союза писателей России

ЗАРОЖДАЛОСЬ ЛЕТО

ЛЕТО

Зарождалось лето
Соловьиным чудом,
Яблоневым цветом
В листьях изумрудных.

Протопталось лето
По лесным тропинкам,
Земляничным цветом
По молочным крынкам.

Пробежало лето
Полям васильковым
В травяной карете,
В сарафане новом.

Промелькнуло лето
Комариным зудом,
Беспробудным светом,
Камышовым прудом.

Просмеялось лето
Урожаем славным,
Солнца жарким пледом,
Влагой долгожданной.

Простонало лето
В паутинной сети:
«Осень в рыжем цвете
Лето не заметит...»

Попрощалось лето:
«Не печальтесь, люди!
Я в цветной карете
Снова ездить буду...»

Рисунок Н. Солодухо

Андрей Драгунов,

*прозаик, член Татарстанского Республиканского отделения
Союза писателей России*

САНЬКА КАЗАНСКИЙ

(отрывок из повести)

Когда в доме их собрались близкие, чтобы проводить Сашку на войну, то все они оставили их с тётёй Глашей в угловой комнате. Монахиня Глаша взяла в красном углу икону Казанской Богородицы и, держа её в руках, велела ему встать перед образом на колени. Затем она тихо прочла молитву и благословила им Сашку. Потом монашка подала ему на ладони желтый потёртый крестик с распятием и сказала:

– Ну, всё, соколёнок, теперь лети! Вот освящённый крестик. А как форму тебе дадут, зашей его под петлицей. Надейся на Господа! Быть в Боге лучше, чем в броне. Молись при всякой опасности и на всяк час, и Бог тебя не оставит...

Вот и стал служить Сашка Кирилов в Красной армии с Богом.

– Артиллерист для нашего брата, гужевого – во всём указ! – наставлял рядового Кирилова сержант Сёмкин, указуя пальцем вверх. – Вот ежели тебе кто из них что скажет, то ты в лепёшку расшибись, а уважь! Мы, ездовые, что, деревня лапотная. А они все инженера важные, все с городу и, почитай, каждый второй партиец-ленинец!

– Всё будет сделано! – бодрым голосом заверил его рядовой Кирилов.

– А ты, Кирюха, я гляжу – пушек боишься? – похлопал его по плечу старший сержант. – Не бойсь! Вот ежели ты из винтовки стрельнуть можешь, то и из пушки сможешь!

Однажды орудие номер два стояло отдельно от трёх других зениток и прикрывало понтонную переправу. День был слякотный, пасмурный: фашистские самолёты в погоду такую не летали. Все бойцы второго боевого

расчета сидели на ящиках со снарядами, усталыми глазами смотрели по сторонам. И вот Санька Казанский удумал, как их поразвлечь. Он подошёл к зенитчикам с винтовкою на плече и спросил:

– Батарейцы-братцы, а вот скажите мне, мужику лапотному, только попросту, чем ваше оружие отличается вот от этой моей винтовки?

И тут глаза у всех бойцов сразу загорелись, все они стали смотреть то на винтовку, то на зенитку, да и призадумались. Потом они посоветовались о чём-то между собой. Одни постелили поверх ящиков со снарядами брезент, а другие сняли у Сашки с плеча винтовку и в один миг разобрали её. Потом каждый из них выбрал себе по одной детали, стал её рассматривать и что-то с другими обсуждать. В конце концов первый из них положил свою деталь на затвор орудия и, как по написанному, доложил обо всех их отличиях. Второй показал на лафет пушки и, активно жестикулируя, стал что-то объяснять. Но не всё из того, что он сказал, другим зенитчикам понравилось, они стали его поправлять, и у них завязался спор.

Сашка Казанский был не уж рад, что заварил всё это – так как батарейцы разобрали его винтовку, он не мог уйти. Так они же ещё взяли его под руки, подвели к затвору орудия, стали что-то растолковывать, что-то передёргивать и вразнобой пояснять, что и как там движется. О, насколько же Сашке было грустно: он ничегошеньки из всего этого не понимал. Но при этом он делал вид, что их слушает, и даже понимает кое-что.

И вот после того, как довольные собой батарейцы «очень доходчи-

во» объяснили ему всё, за один миг собрали его винтовку и повесили ему на плечо, командир боевого расчета, в звании сержанта, то ли в шутку, то ли всерьёз, во всеуслышание сказал:

– Ну что, хлопцы, берём Кирюху в наш расчет седьмым номером?

– Берём, командир! Берём...

– Конечно, берём! – со всех сторон поддержали его бойцы.

– У меня на фрицев глаз меткий! И на бойцов, кто есть кто – намётан, – продолжил командир орудия: – И я вам со всей ответственностью заявляю, что если наш мужик-лапотник чего захочет, то он всего сам добьётся, и даже лётчиком сможет стать! И вот Кирюха наш к артиллерии интерес имеет! Похвально! Ну как его не поддержать! Ну, разве ж мы, друзья его, в том ему не подмога!

– Да мы в лепёшку разобьемся, а поможем!! – дали ему слово бойцы.

С тех пор началась для Саньки ну прямо-таки нелёгкая жизнь. Рядового Кирилова, с одобрения командира батареи (!), то и дело стали отзывать от коней, на учебные тренировки во второй боевой расчёт. На всех учениях ему кричали – «Седьмой номер, сделать то-то или то!»... Конечно же, Седьмой был присвоен номер Сашке в шутку, так как в расчёте было всего пять бойцов. Но гоняли-то его как самого заправского артиллериста! И он ползком да волоком таскал по земле взад и вперёд тяжелые ящики, по песочным часам загонял в пять обойм снаряды, и, отрабатывая движение, много раз вставлял заряженную обойму в магазин орудия до щелчка.

...

Тыловики со станции продолжали разгружать подводы и подтаскивать ящики со снарядами к орудиям. Вскоре все они расселись на свои брички и уехали. Ездовые батареи лошадок своих вместе с подводами повели на северо-восток, туда, где, судя по карте, был большой овраг. Там же командир батареи велел развернуть кухню.

– Рядовой Кирилов, приказываю вам вырыть щель, слева от орудия, вот тут! – указал ему командир орудия и добавил: – Копай махом! Может быть артобстрел!

На том месте, где стояло их орудие, земля была на редкость твердая и каменистая. Её вообще нельзя было копать, а можно было только долбить и долбить, и только так, сантиметр за сантиметром, вгрызаться вглубь. Сашка махал сапёрной лопаткой изо всех сил и очень переживал оттого, что возится так долго. Когда он же зарылся в землю по грудь, в воздухе вдруг засвистели снаряды. Сам-то он до их разрывов успел упасть вниз, но никто больше к нему не прыгнул... И вот вся земля под ним от мощных разрывов заходила ходуном. Сашка понял, что фрицы били по их высоте залпами из мощных гаубиц, издалека.

До начала огненного смерча всех лошадей, брички и кухню ездовые успели укрыть в глубоком овраге, поросшем травой. Теперь они едва сдерживали лошадей, брыкающихся и хряпавших.

Когда артобстрел кончился, Сашка попробовал пошевелиться и, поднимаясь, стряхнул с себя землю. Потом кое-как вылез из щели. Теперь весь зелёный травяной ковер вокруг был

густо изрыт глубокими воронками и засыпан горами вывороченной земли. И было вокруг необычайно тихо. В орудие номер два тяжелый снаряд попал в самое основание. Он разворотил металл, и теперь длинный ствол зенитки упирался в землю. Орудие номер три, что было установлено слева – лежало на боку. А вот орудие номер один казалось целым.

Потом Санька медленно повернулся и поднял глаза на дорогу, да так и присел.

Там внизу, шеренга за шеренгой, огромной массой маршировали солдаты в черных эсэсовских мундирах, с автоматами наперевес. И все они двигались прямо на него. А на руках у них были красные повязки с белыми кругами и с черной свастикой.

– Господи, помилуй! Господи, спаси и помилуй! – стала взывать его душа. И одновременно в голове у него звучал металлический голос полковника: «Ни шагу назад! Ни шагу назад! Ни шагу назад!! Любой ценой продержаться до подхода резерва Ставки!!»

– Да как же это?... Как же это?... Да что это вообще?... – накладывая на себя крест за крестом, повторял он, и наконец, склонившись до земли, с мольбой произнёс: – Господи, на Тебя одна надежда! Ты нам помоги фронт удержать!

...

После этого у Сашки Казанского в голове прояснилось. Смахнув рукавом слёзы, он стал спокойно думать о том, что же он будет делать один сейчас: «Можно, конечно, по тем фрицам, что внизу маршируют, из винтовки раз-другой стрельнуть... Но нет, это их только разозлит. А может, прямо из

орудия по ним пальнуть?! А что, может, и получится. Только я сам снарядами ни разу не стрелял... Но они все могут остановиться и даже попятиться, и тогда до прихода подмоги я как-нибудь продержусь! Только вот целю ли орудие номер один?!»

Больше уже Сашка ничего не думал. Он просто вскочил и бросился со всех ног к тому орудью, перепрыгивая через воронки.

Орудие номер один поступило в батарею на замену прежнего, повреждённого в бою, всего месяц назад. Конструктивно оно было таким же, как и все старые, но имело щиток, защищавший боевой расчёт от пуль и осколков со стороны противника.

Орудие это сейчас надёжно стояло на земле на всех четырёх станинах. Всё оно было изранено и иссечено осколками и присыпано землёй. Резиновые колёса его были в клочья разодраны осколками. Однако затвор у орудия ходил легко, в магазин была вставлена обойма со снарядами, и даже прицел оказался на своём месте и не сбит. Поворотные механизмы работали... Ящики со снарядами, что были слева – взорвались, и теперь в том месте на траве была большая проплешина. Те же ящики, что лежали справа, были целы, но посечены осколками. Посмотрев на короб, где лежали вперемешку с землёй уже заряженные обоймы, Сашка сходу опрокинул его. Обратно он положил только девять, которые признал годными для стрельбы.

Все движения Сашка Казанский делал очень быстро, готовя орудия к ведению боевой стрельбы. Заняв место наводчика, он решительно опустил ствол орудия на минусовой угол. За-

тем посмотрел на врага сквозь круговой прицел со многими насечками. Длинные шеренги эсесовцев уже спутались и вступили прямо на склон. Иные из фашистов махали руками. Похоже было, что все они готовятся к последнему броску. Так как склон перед Сашкой был вогнутым, то враги все были пред ним сейчас как на ладони и как бы в яме. Наводя орудие на противника, он учел и поправки за расстояние, которые надо вводить при стрельбе по наземным целям.

Наложив на себя широкий крест, он выпустил всю обойму под ноги первой шеренги. Под градом разлетающихся осколков вся она повалилась на землю, будто скошенная трава. Все фашисты, что шли следом, попадали на землю сами.

– Господи, помилуй! Господи, помилуй!! Помоги удержать фронт! Господи, сверши чудо! – повторял Сашка про себя.

Затем он оставил прицел, зарядил вторую обойму и снова изготовился к стрельбе. На всём склоне эсесовцы вновь поднялись в полный рост. Многие из них открыли по его орудью прицельный автоматный огонь. Теперь пули градом барабанили по щитку орудия, оставляя в металле вмятины, но он надёжно укрывал его. Беглыми одиночными снарядами, выпущенными по разным группам наступающих, Сашка вновь заставил всех их лечь. По нему отовсюду продолжали стрелять. Потом он зарядил орудие снова и стал высматривать эсесовских командиров, машущих руками и отдающих приказы. Третью обойму одиночными выстрелами он разрядил адресно, в каждого из них. Автоматная стрельба стала утихать.

Всё, что должен был делать целый боевой расчёт, боец Кирилов успевал делать один. Паузы же при стрельбе позволяли ему выиграть время. Но вот в магазин орудия вошла последняя заряженная обойма...

Теперь стрелять Сашка не торопился, и терпеливо ждал, когда эсесовцы поднимутся, чтобы нанести им наибольший урон.

И тут вдруг кто-то похлопал Сашку по плечу. Тот обернулся и увидел прямо перед собой старшего сержанта Сёмкина. И тот смотрел на него молча, во все глаза. За ним толпою стояло всё отделение обслуживания с винтовками в руках. И были тут два разведчика, восемь ездовых и повар. Вид у всех у них был испуганный.

– Товарищ сержант! – Сашка, совершенно одуревший и оглохший от стрельбы, заорал ему в ухо, для убедительности размахивая рукою. – Пять бойцов, срочно, заряжать обоймы! Повара Дёмыча ко мне! Я покажу! Всех остальные к орудиям, за снарядами! Бегом!!

Старший сержант вытянулся в струнку, и, взяв под козырёк, сказал:

– Есть!!

Тут же он выкрикнул пять имен, что-то сказал, указал. Остальным бойцам он велел оставить винтовки, побежал с ними к разбитым орудиям. Повар подошёл к орудию.

Фашисты сразу увидели на высоте передвижение бойцов. Многие из них стали вставать в положение для стрельбы с колена и короткими очередями открыли огонь.

Сашка одиночными выстрелами разрядил в них последнюю обойму. Вслед за разрывами вся автоматная стрельба сразу умолкла.

И вот повар Дёмин потянул бойца Кирилова за плечо и подал ему первую вновь заряженную обойму. Сашка сразу оставил прицел и показал ему несколько раз, как надо держать обойму и как вставлять её в магазинную щель орудия до щелчка...

Тем временем ездовые и разведчики притащили к орудию первые целые ящики со снарядами.

Когда заряженных обойм стало много, Сашка стал полосовать лежащих на склоне фрицев длинными очередями. Ведь, несмотря на то, что они залегли, осколки их всё равно поражали. Побиваемые градом осколков, враги больше не шевелились.

И так как у Сашки теперь был заряжающий, то он бил уже почти непрерывно. И бил он по противнику почти как из пулемёта, только снарядами, на полное его истребление. И весь склон сверху донизу то и дело покрывался султанами всё новых разрывов. Иногда только Сашка останавливал стрельбу, чтобы ствол у зенитки успевал остыть. Но как только внизу где-то начиналось движение, он открывал огонь опять. Так проходили часы.

Солнце меж тем было уже в зените и также палило вовсю. Повар иногда подавал Сашке фляжку с водой, и тот из неё жадно пил. И при этом он думал: – «А каково же там фрицам?! Они, наверное, без воды, все изранены и в любой миг все ждут смерти...» Но всю жалость к немцам он тут же отогнал. Ведь перед ним были эсэсовцы – самый жестокий и беспощадный враг. Дай им хотя бы чуточку слабину, и всё! Они ворвутся на эту высоту и пойдут дальше...

И не дождавшись нового движения фашистов, Сашка открыл огонь вновь...

Во время одного из перерывов в стрельбе Сашка увидел через прицел, что тут и там фрицы стали размахивать белыми, залитыми кровью бинтами, распущенными в ленты. О том, что они хотят сдаться, теперь махало руками всё больше и больше солдат. Иные из них вставали на колени, а потом и на ноги с поднятыми руками. Ну, а когда на ноги встало более ста фрицев, то все они очень медленно пошли к оружию. Сашка смотрел на них прямо через круговой прицел и не знал, что ему делать.

– Ну и врезал ты им сегодня, Саня! – прильнув к его уху, сказал повар. – Сломалась у них воля...

Все солдаты в эсэсовской форме стали махать Сашке руками, и он вдруг с их стороны услышал русскую речь:

– Не стреляйте в нас, братцы! Власовцы мы... Не по своей воле!

– И что теперь? Как быть? – спросил Сашка у тех ездовых, что всё это время заряжали обоймы. – Поднимают ведь руки и сдаются?!

– Бей их, Саня, козлов этих! – сплюнул в их сторону один из ездовых. – А как увидят, что нас тут мало, что тогда?

– Не верь им, Кирюха! Они ж власовцы, предатели! Вишь, как вырядились! – поддержал его второй.

– Отставить, рядовые Шапкин и Прохоров! Ездовой артиллерии не указ! – строго сказал сержант Сёмкин.

Подойдя же к бойцу Кирилову, он негромко сказал:

– Вот что, Сашка! Кто у нас командует боевым расчётом номер один?!... Ты! А кто всей батареей командует?!... Опять ты! Так что командуй, как начал!!

– Ах, мать честная! – схватился за голову боец Кирилов.

Но вот прошли мгновения, и Сашка точно знал уже, что надо делать. Тотчас он повернулся к сержанту, и почти так же, как тогда, когда он так неожиданно пришёл к нему на подмогу, срывающимся хриплым голосом громко сказал:

– Товарищ сержант, сдаются они! Они сдаются! Их всех надо брать! Забирайте всех наших, и гоните фрицев к дороге. Там их в колонну стройте и ведите прямо на станцию!! Велите власовцам бросать оружие, где стоят! Всех ездовых – в конвой. А как колонну построите, мне только разведчиков да Дёмыча оставьте.

– Всё будет сделано! – вскинул руку под козырёк старший сержант.

...

Большая колонна военнопленных прошла по дороге на север всего с полкилометра и остановилась. А дело в том, что из-за ближайшего поворота вдруг вывернула небольшая пятнистая автомашина с запасным колесом, укрепленным спереди прямо на капоте... Без всякого сомнения, был это немецкий «Кюбельваген»!! А следом за ним на большой скорости стали выворачивать один за другим тёмные серые грузовики без тентов, в которых тесными рядами сидели солдаты в касках. Дальше шли большие машины-тягачи с крупнокалиберными орудиями, и так без конца...

Пленные и конвой стояли как вкопанные... Поравнявшись с колонной, «Кюбельваген» сбавил скорость и остановился. Встали и машины, следующие за ним. Но из небольшого авто вышли не немцы, а три офицера

Советской армии. Первый из них – в форме полковника – взглянул на пленных, кивнул головою и громко спросил:

– Кто тут старший?

К нему подбежал боец с ошалевшими глазами и представился:

– Командир отделения обеспечения зенитной батареи старший сержант Сёмкин!

– Хорошо воюете, бойцы! Молодцы! – в ответ отдал ему честь полковник. Но когда как следует осмотрелся, нахмурился и произнёс: – Это что тут у вас делается? Да вы что, сдурели! Отделение стрелков с винтовками без штыков на целый батальон! А вдруг они заартачатся и стеной пойдут, что тогда делать будете?! Это ж даже не вермахт, а эсэсовцы!! Я вас, старший сержант, спрашиваю!!

– Так ведь... Там в бою... – будто бы перехватило у него дыхание, произнёс сержант. Потом он махнул рукой, встал по стойке смирно и построеному чётко произнёс: – Так ведь приказ у меня, товарищ полковник!

– Какой приказ? – сразу сбавил обороты тот и, посмотрев в сторону, добавил: – Ладно, разберёмся...

Потом полковник крикнул:

– Капитан Оборин, ко мне!

Тут же к нему подскочил один из сопровождавших его офицеров.

– Вот что, капитан, – сказал ему полковник. – Есть тут задача по вашей части. Видите колонну военнопленных? Так вот, приказываю вам у партизан этих её принять, обеспечить надлежащий конвой и доставить на станцию. Сдайте их по всей форме в особый отдел. Мне с курьером ваш письменный рапорт и справку о передаче военнопленных! А там действуйте по предписанию.

– Слушаюсь, – взяв по козырёк, ответил тот.

Возле автомашин он стал отдавать команды, и с них стали прыгивать бойцы.

Посмотрев на это, полковник повернулся к сержанту Сёмкину и сказал:

– Задержались мы тут! Ваше счастье, что рота комендантская мне подвернулась. Садитесь в машину! Доложите об обстановке. И покажите, где у вас тут штаб и все ваши горе-командиры...

Юрий Бормотов,

*прозаик, член Татарстанского Республиканского отделения
Союза писателей России*

ЛЮБОВЬ С ЭКРАНА

Их было трое: Вектор, Лис и Нечто. А если точнее, то – Виктор Иванович Векторов, Леонид Игоревич Стоянов и Наум Егорович Чтожин. Они дружили с детства: жили в одном дворе, учились в одной школе, играли в одной футбольной команде, даже в армию призвались вместе и служили в одной роте. Будучи юношами, они дали друг другу обет: отслужить Отчизне, построить дом, посадить дерево, а потом жениться и растить детей. Виктор слово сдержал: в шикарном доме, возле которого стоит скромная «Лада Ларгус», в огороде растёт раскидистая яблоня сорта «Антоновка», а по каменным тропинкам бегают сынок с дочкой. Леонид от него не отстал: тоже двухэтажный «домик», как он его называет, в сто двадцать квадратов, тоже «Антоновка» перед окнами веранды, в

гараже – «Рено Дастер»; семейное счастье – две дочки-пианистки.

А вот Наум, который отметил недавно свой тридцать девятый день рождения, как и друзья, построил дом, посадил яблоню, купил автомобиль...

И вот он, который все эти годы искал себе спутницу жизни, вдруг споткнулся, обманутый той, которая сидит сейчас в ресторане в компании с каким-то мужчиной. Вот тот встал и подошёл к ней. Что они делают – пьют на брудершафт!

Наум отвёл взгляд в сторону, отошёл от окна к своей машине и сел за руль. Он достал из кармана смартфон, включил диктофон и стал записывать:

– Маргарита, я думал, что ты, молодая, стройная, скромная девушка «запала» на такого же скромного парня... Да-да, пока ещё парня! Потому что, когда мне перевалит за сорок, я буду

уже мужиком. Ты все эти три года манипулировала мной, кормила обещаниями, лгала, как могла. Скромность твоя оказалась фальшивой. Родить ребёнка ты не хочешь. А, может, не можешь? Ставишь мне условия: прописать тебя в доме, купить машину, оформить на тебя дубликат моей банковской карты. А кто ты такая? Всего лишь гулящая бабёнка, которая сидит сейчас в ресторане «Урал» за третьим столиком с нагловатым блондином и попивает вино вперемешку с поцелуями. Как же я в тебе ошибся. Скорее всего, ты ошиблась сама в себе. Твой чемодан – у входа в ресторан; выйди и заberi его. Про меня забудь. Мой дом не для таких, как ты. Прощай.

Наум отключил диктофон, отправил по «ватсапу» записанную речь и положил подбородок на обхватившие руль руки. Он видел сквозь стекло, как Маргарита отреагировала на послание. Она посмотрела, отложила мобильник в сторону, взяв бокал, отпила немного вина.

«Нет, голуба, так не пойдёт, – подумал Наум. – Время пришло поставить точку».

Он отправил сообщение:

«Прослушай, стерва, пока не поздно. Останешься ни с чем».

Маргарита взяла мобильник, прочитала, что-то взволнованно сказала блондину и удалилась. Тот заторопился за ней.

«Сейчас выскочит, – подумал Наум и повернул ключ зажигания».

Двигатель, чиркнув стартером, зашёл.

Из ресторана вышли двое мужчин, закурили и, обратив внимание на большой, синий чемодан, подошли к нему; переговорили между со-

бой о чём-то, присели, разглядывая его. Вскоре выбежала Маргарита, за ней – блондин. Она подбежала к чемодану, осмотрелась и, увидев знакомый «Ленд Крузер», застыла. А Наум, посигналив, включил передачу и надавил на педаль газа...

Молодая яблоня посередине огорода, бревенчатый дом с просторным крыльцом из пластиковых панелей и больших окон, баня с летней верандой, серебристый джип за закрывшимися воротами – всё это окинул грустным взором одинокий хозяин и медленно зашагал по вымощенной тротуарной плиткой дорожке. Он присел на ступеньку крыльца и стал смотреть на яблоньку. Она будто для него светила в лучах заходящего солнца каким-то необычным светом, с позолотой на зелёных листочках верхушки кроны. Нижнюю часть поглотила тень от крыши соседнего дома. А вот верхушка светилась.

Их было трое...

«Так нас и сейчас трое, – подумал Наум, – было, есть и будет».

Он позвонил Виктору, потом Леониду. Всё-то у этих семьянинов нормально; пришлось солгать, что у него тоже всё «окей».

Солнце скрылось. Яблонька осталась в тени. Наум закрыл глаза, и она снова засветилась изумрудным цветом, даже капелька росы блеснула на самой верхушке.

Вектор слово сдержал, Лис – тоже. А вот он, Нечто, отстаёт от них, не может добиться того, что должно сохранить данный когда-то обет кадычных друзей. Не припоздниться бы. А ведь так верил Маргарите, так любил её. И надо же! Ладно, хоть упал на одно колено, второе помогло поднять-

ся. Наум встал и медленно зашагал по ступенькам к двери.

Обычно холостяки живут на полуфабрикатах, яичнице, консервах... Но это не о нём. Про еду он никогда не забывал, поэтому, зайдя в дом, достал из холодильника кастрюлю со вчерашним борщом, поставил её на плиту подогреться и присел на стул.

«Всё-то, вроде, у меня есть, – подумал, – но главного-то не хватает. Остался только аромат духов, которые я дарил этой...»

Наум посмотрел на часы, встал, прошёл и включил телевизор. Вот уже почти час шла передача Андрея Малахова «Песни от всей души». Обычно он смотрел её с самого начала, но в этот вечер пришлось запоздать. Растянувшись на диване и запрокинув руки за голову, он устремил взгляд на экран. Вскоре до его обоняния добрался запах кипящего борща.

Надо же – забыл! Вскочив, как ошпаренный, он заторопился на кухню.

Бордовая вкуснятина, заправленная сметаной, остужалась в чашке помешиванием ложкой.

– Хочу вам представить ещё одну гостью нашего вечера, – сообщил Малахов. – Это Елена Яковлевна Ермолаева, которая прибыла к нам из посёлка Черёмухово Свердловской области с песней «Уральская рябинушка».

Наум застыл, оставив ложку в борще, когда увидел на экране сероглазую красавицу с пышным бюстом, в красном сарафане и белой блузке, в позолоченной диадеме, украшающей голову белокурыми воздушными локонами. Мягким меццо-сопрано полился голос под аккомпанемент электробаяна. Потом Малахов попросил гостью рассказать о себе, были показаны кадры

о том, как она живёт. И Науму вдруг показалось, что всего за несколько минут он так много узнал об этой женщине. Про то, что ей свой тридцать восьмой день рождения пришлось отмечать вчера в поезде, отправившись на эту передачу. Про то, что два года назад развелась с мужем, уличив его, директора завода, в измене. Про то, что уехала в Черёмухово, где проживает с родителями, помогая по хозяйству. А оно немалое: пятьдесят пять кур, тридцать гусей и две козы. И всё это – на просторной территории у реки Кедровая. Сама Елена работает преподавателем истории в школе.

Далее последовало выступление гостя из Казахстана. Наум снова принялся за борщ, сам же при этом не сводил глаз с экрана, на котором то и дело мелькали знакомые лица сидящих за круглым столом участников шоу. Но всё его внимание было сосредоточено на ожидании появления в кадрах Елены. Её красный сарафан и позолоченная диадема как завораживающие символы воздействовали на него с экрана. А в голове неоднократно, словно эхом повторялась фраза: «В настоящее время моё сердце свободно»...

Когда передача закончилась, Наум выключил телевизор и остался один в тишине.

«Вот такую бы хозяйку да в этот мой дом, – думал он, глядя на тёмное окно за тюлевой занавеской. – Ермолаева Елена... Ну вот, а отчество не запомнил. Точнее, не обратил внимания, когда Малахов её представлял. Не беда – зато знаю место жительства».

Найти Елену по смартфону в интернете оказалось делом не проблемным.

Наум решил написать ей сообщение. Только получилось оно больше похожим на отзыв, в котором были выражены откровенные чувства к прекрасной женщине с завораживающим голосом.

Рано утром пришёл ответ.

Так произошло знакомство по интернету; началась переписка. Через три дня, после повторного просмотра фотографий и клипов с песнями, Наум окончательно понял, что влюбился в эту женщину. Он предложил ей встретиться...

Закрыв свою мастерскую по ремонту бытовой техники на несколько дней, влюблённый «кавалер» на своей «Тойоте» отправился в путь. Расстояние в тысячу с «хвостиком» километров было преодолено за один световой день.

После длительной, утомительной поездки Наум проснулся поздним утром и сразу же схватился за смартфон.

«Елена, я в Североуральске, в гостинице «Кумба». Когда встретимся и где?», – полетело сообщение.

Ответ, в котором был указан адрес, пришёл через два часа. До посёлка Черёмухово – всего каких-то двадцать три километра...

Серебристый джип остановился у дома, красующегося за кованым забором своим зелёным сайдингом и коричневой черепичной крышей. Открылась калитка тоже кованых ворот, обшитых коричневым профнастилом. Вышла Елена.

Она, слегка улыбаясь, с интересом разглядывала статного мужчину с большим букетом цветов в руках, который стоял возле дорогого автомобиля с явным волнением на лице, жмурясь от яркого сентябрьского солнца.

– Здравствуйте, Елена. Это я, Наум, – сказал он и шагнул к ней...

Денис Сидт (Сугоняко),

*прозаик, член Татарстанского Республиканского отделения
Союза писателей России*

ALT+F4

(отрывок из романа)

На этот раз меня выплюнуло в пышные заросли каких-то тропиков или джунглей. Солнце светило ярко. Над головой лазурное необъятное небо, слегка подёрнутое облачками, а внизу кусты и какие-то пальмовидные деревья с большими опахалами зелёных листьев. И тут голубое небо исчезло из зоны видимости, а меня понесло в изумрудную тропическую пучину. «Падаю!», – догадался я. Благодаря этой своевременной догадке, мгновенно собрался и выправил горизонт.

Оказалось, я лечу, контролирую положение своего тела по всем трём осям: X/Y/Z. Летать было совсем не сложно, я практически сразу вышел из пике и выровнял свою траекторию движения параллельно земле,

изобилующей пышной густой зеленью. Я что–самолёт? Нет. Скорее почувствовал, чем понял, что в этот раз не являюсь механизмом. Если б планировал на крыльях, точно не смог бы в таком коротком манёвре выровнять горизонт. К тому же я слышал, вернее всем телом ощущал низкочастотный гул. Я –вертолёт? Тоже вряд ли. Откинул это предположение ещё потому, что легко обозревал окружающий меня мир почти на триста шестьдесят градусов, терялась лишь небольшая полоска за спиной. И где-то там, на задней периферии восприятия, мелькали полусферами приспособления, которые, видимо, и являлись источниками ощущаемого гула и возможностью моего передвижения по воздуху. Пропеллеры? Или...

Тут до меня начало доходить. Дело в том, что всю развёрнутую панорамную картинку моё зрение воспринимало не целиком, а как бы через несколько десятков мониторов. Они были соединены между собой, но я мог видеть изображение на каждом из них по-отдельности и одновременно. Причём, мне не нужно было напрягаться, чтобы улавливать и отслеживать такой поток информации из разных источников. Наоборот, это давалось легко и естественно. Используя полученные ориентиры, я мог по желанию или необходимости ускоряться, лететь боком, по спирали, зависать на месте и даже передвигаться в обратном направлении, не разворачиваясь для этого! Ну-ка, попробуем! Я легко сделал сначала вертикальный фляк на триста шестьдесят градусов, потом горизонтальный, потом совместил, слегка отклонившись влево, и чуть было не врезался в огромный, размерами с трансляционную спутниковую тарелку, жёлтый цветок.

Всё так и есть, похоже, я – муха. Чтобы проверить догадку, я сделал ещё один воздушный кульбит, при повороте постаравшись изогнуться всем телом. В боковых экранах крупным планом промелькнули чёрно-жёлтые полосы. Я – пчела! И тут я почувствовал возбуждающий запах куриного мяса с каким-то сладковатым ароматом. Моё восприятие мгновенно обострилось, а концентрация полностью переключилась на направление, откуда исходил этот запах. В следующее мгновение всё моё тело повернулось и нацелилось на влекущий источник. Соблазнительный дух издавал мальчуган в бейсболке, надевшей козырьком назад, вернее хот-дог в

его руках. Но это мой разум понимал, что передо мной всего лишь мальчик, а я видел перед собой настоящего великана. И хот-дог был огромнейшим, щедро приправленным кроваво-розовым кетчупом, который ручьём стекал по пористой поверхности булки. Гигант-мальчуган неспешно, как в замедленной съемке, подносил ко рту сосиску, зажатую огромной булкой, разевал похожий на глубокую пещеру рот. Моей целью была эта остро пахнущая сосиска. Я набрал высоту и взлетел над головой ребёнка-великана. Оказалось, что внизу находился давно не стриженный зелёный газон в каком-то парке. Этот-то газон я поначалу и принял за джунгли.

По лужайке бегали огромные дети, что-то кричали, играли в мяч или пускали большие, поблёскивающие на солнце прозрачные сферы – мыльные пузыри. Все движения вокруг меня отличались чрезмерной медлительностью, потому что я сам двигался значительно быстрее и проворнее. Постепенно снижаясь, я начал пикировать на хот-дог. И в этот момент сначала услышал громкий гул или рёв на низких частотах. А после увидел и сам источник грозившей мне опасности. На меня неслась огромная розовая пасть с желтоватыми клыками. Владелец челюсти, желавшей прихлопнуть моё полосатое тело, только выглядел чудовищным монстром, а на деле был резвящимся полугодовалым щенком лабрадора. Я на автомате включил полную скорость, сделал бочку против часовой стрелки. Затем согнулся пополам, нырнул вниз и ударил собаку своей пятой точкой в шею. К своему полному удивлению обнаружил, что нижняя часть моего

тела заканчивается заострённым жалом, способным выдвигаться на три четверти и наносить колющие удары в любом направлении. Ужаленный лабрадор жалобно заскулил и убежал за кусты. Ничего себе! Прикольно! Жало вернулось в свою безопасную позицию. Ага, так значит я не пчела, а оса! Вот почему среагировал на хот-дог, а не на тот жёлтый цветок, например.

Когда я окончательно освоился со своим «новым телом», начал экспериментировать. Особенность конструкции моего «летательного агрегата» заключалась в том, что у меня технически работало четыре «крыла-пропеллера». Ускоряя или замедляя каждый из крыльев, я мог управлять полётом. Усиливал эффект изгиб тела, за счёт подвижной «осиной» талии возможностей для манёвров и различных трюков становилось гораздо больше. Я делал «мёртвые петли», падал в пике, крутил «бочки» и всевозможные фляки, пролетал спиралью вокруг ствола дерева, или между струями фонтана. С лёгкостью нырял в узкие, едва видимые обычному глазу щели и виртуозно проносился над бугристой поверхностью асфальта, почти касаясь его. Потом решил поупражняться с высотой. Зависая вверх ногами, вернее лапами, на обратной стороне зелёного листочка, в нужный момент я отрывался и камнем падал вниз без «включенных двигателей». В последнее мгновение резко давал полный газ. Йухууу! Это нельзя было сравнить ни с чем когда-либо испытываемым в моей жизни. Я чувствовал себя, точнее, я и был самым совершенным летательным аппаратом. Осмелев, растерял бдительность и чувство осмотрительности, проле-

тая над чашей фонтана, чуть коснулся жалом поверхности воды и тут же сбился, потерял ориентацию. С трудом удалось выгребсти на безопасный сухой островок.

Войдя во вкус, я взлетел ещё выше. Куда выше человеческого и собачьего роста, наверх, туда, где нет деревьев. К моему удивлению увидел внизу знакомые питерские места. Вот я на Мойке и парю над Невским. Ничего себе, какой вид на Казанский собор! Затем нырнул под Итальянский мост на канале Грибоедова. Пару раз меня пытались атаковать птицы, но какое там! Я был на порядок быстрее и каждый раз уклонялся, даже не пытаюсь воспользоваться своим оружием. Я был абсолютно счастлив и свободен – летал, кружил, парил над любимым городом, дышал воздухом его улиц, купался в его ветрах и гомоне. Ни с чем несравнимая атмосфера летнего питерского вайба окутывала подобно возвышенной симфонии, сотканной из плесканий живописных фонтанов и уличного гама. Музыка солнечных лучей, словно руки пианиста-виртуоза скользила по золотой патине исторических зданий, где старинные вековые фасады на фоне зелёных парков и живописных набережных, подобно аккордам партитуры создавали идеальную гармонию. Мне казалось, ещё немного, и я растворюсь без остатка в этом бескрайнем голубом просторе питерского неба. Разве придумано в этом мире что-то лучшее для счастья? Пожалуй, именно сейчас, во время свободного полёта над любимым городом я и почувствовал, что значит жить полной грудью. Без оглядки назад. Даже показалось, что я, наконец, понял и ощутил, что такое жизнь и

Книга автора

для чего вообще стоит жить. Это стало очевидным, как будто открылось что-то знакомое, что было всегда перед глазами, но чего никогда не замечал. Как хорошо было просто наслаждаться этим моментом, понимать, как он прекрасен, и как гармоничен ты сам в

нём. Эхом из далёкого детства вспомнился мультфильм про Аладдина с его ночным полётом вместе с принцессой Жасмин. Да, всё происходило именно так. Весь мир восхитителен и создан для того, чтобы им восторгаться, смаковать его чудесные мгновения, радоваться и наслаждаться каждую секунду. А иначе зачем вообще всё?

Чёрт побери! Это невероятно, но я, человек, совершенно не разбирающийся в классической музыке, сейчас вдруг осознал суть «Полёта шмеля» Римского-Корсакова! Понял от первой до последней ноты, хотя раньше, вероятно, слышал его только в какой-нибудь рекламе или в роликах на Ютубе. Все мои бывшие мысли и весь, так называемый «жизненный опыт», всё, что когда-то меня беспокоило, вдруг ушло далеко на второй план: так растворяются густые мрачные тени при полуденном солнце.

Я полетал ещё немного над Марсовым полем, перемахнул через Неву, покружился вокруг шпиля Адмиралтейства. Потом прошвырнулся над Заячьим островом и вылетел на Петровскую набережную. Как только впереди замаячили резубцем трубы Авроры, полёт закончился.

Ольга Журавлева,

*поэт, драматург, журналист, сценарист, член
Татарстанского Республиканского отделения Союза
писателей России*

БАБУШКА

Бабушка Надежда Петровна мирно дремала в старинном глубоком кресле. Клетчатый бело-коричневый плед уютно окутывал плечи. За окном бушевала весна. Воздух был пропитан запахом отцветающей черёмухи, благоухающей сирени и горьковатой рябины, которая только-только набирала цвет. Соловей то принимался цокать, то вдруг закатывал замысловатую трель. Под эти звуки бабушка уже начала клевать носом, как вдруг её сотовый резко тренькнул.

Бабушка встрепелась, нащупала телефон, который висел у неё на шее в тёмно-синей бархатной сумочке. На сумочке имелась вышивка – двуглавый серебряный орёл и российский флаг – триколор. Бабушке эта сумочка очень нравилась. Герб и флаг придавали ей особое значение. Хотя время от

времени бабушка тосковала по СССР, а точнее, по своей боевой молодости.

– Алё? – хрипловатым со сна голосом отозвалась бабушка, – Лёша? Лёша Путилкин? Сейчас выйду! Минутку! Жди меня под окном. В саду. В сад иди!

Внучка Вера в это время ставила чайник на плиту, и размышляла – какую заварку взять? То ли чёрный чай, то ли зелёный? Её размышления прервал громкий окрик бабушки:

– Зубы! Верка! Прямо в стакане неси! Да что ты возишься? Зубы давай!

Внучка пригнула голову, как от выстрела. Приказ бабушки не обсуждался, надо было бежать за её зубами. Зубы бабушка обычно хранила в стакане с водой, который стоял на подзеркальнике старинного резного зеркала. Внучка метнулась туда, но тут её настиг другой вопль:

– Глаз! Глаз неси! – вставной правый глаз бабушка хранила в другом гранёном стакане, который стоял в буфете. Буфет был той же породы, что и зеркало. Но находились они в противоположных сторонах дома. Отдав бабушке стакан с зубами, внучка послушно затопотала в сторону буфета. Раньше, в детстве, она очень боялась вида этого стеклянного глаза с голубой радужкой. Естественный цвет глаза бабушки был не такой уж голубой, скорее, серый. Но, видимо, она выбрала более яркий и ненатуральный цвет из-за его красоты. А, возможно, в стеклянных глазах оттенки не соблюдаются. Сейчас внучка глаза не боялась, ей было всё равно.

Итак, глаз и зубы были доставлены. Бабушка ловко вставила их на свои места, обрела ещё большую уверенность и закричала:

– Ногу! Ногу!

Нога, обутая в лакированную туфлю, стояла в углу, прикрытая газовой косынкой. Внучка подбежала к ноге, бережно подхватила её и в темпе вальса направилась к бабушке. Бабушка уже надела юбку, блузку, повязала шарфик. Внучка в шутилом полупоклоне предстала перед бабушкой. Бабушка резко вырвала из её рук свой протез, пристегнула его и встала с кресла. Но красоты явно не хватало.

– Где моя помада? – кричала бабушка, ковыляя к зеркалу, – Моя помада всегда стояла здесь!

Не дожидаясь скандала, внучка вытащила из своей сумочки блеск для губ, протянула бабушке. Та, накрасив губы, гордо подняла голову. Но образ был ещё не завершён.

– Шляпа где? – бабушка грозно сдвинула брови.

Белая шляпа с голубой розой на тулье висела на гвоздике в прихожей. Внучка услужливо протянула шляпу бабушке. Она слегка сдвинула шляпу на стеклянный глаз, кокетливо улыбнулась сама себе в зеркало. Развернулась и пошла к выходу.

– Бабушка! Красиво иди! Как балерины ходят. Слышишь?

– Слышу, слышу! – отозвалась бабушка, при этом она переваливалась с боку на бок, как утка. По пути прихватила палку. Протез поскрипывал. Но ей казалось, что она двигается очень грациозно. И, кстати, на протезе была лакированная туфля, а на ноге – домашний тапок. Кое-как бабушка сползла с крыльца во двор и поковыляла в сад. Там её уже ждал ровесник и одноклассник Лёша Путилкин. Лёша несколько месяцев назад приехал в родной город из Геленджика, где он продал квартиру. Приехал, прослышав, что его школьная любовь Надя Степанова год назад овдовела. Намерения у Лёши были самые серьёзные.

– Пойдём в сад, – вкрадчиво предложила бабушка.

– Пойдём, – Лёша галантно пропустил вперёд свою спутницу. Он пришёл делать ей предложение руки и сердца и очень волновался.

Внучка заварила чай, подошла с чашкой к окну. Судя по доносящимся крикам бабушки, страсти бушевали. Вера прислушалась, но из-за того, что старики ушли в дальний угол сада, ничего слышать было невозможно. Через час бабушка вернулась домой.

– Представляешь? Сделал предложение.

– Кто?

- Да Лёшка Путилкин.
- Предложение? Так ведь хорошо, бабушка! Выходи за него!
- С ума сошла?
- А чего?
- Как я буду с ним жить? Где буду хранить глаз? Зубы? Ногу? Думаешь, ему понравится, если я по утрам перед ним буду вставлять и пристёгивать? А секс? Как быть с сексом?
- Секс? – Вера вытаращила глаза, – Какой секс, бабушка?
- Какой? Натуральный. Думаешь, мне не хочется или ему?
- Я вообще об этом не думаю.

– А зря.

Бабушка привалилась к спинке кресла, притихла, Вера подумала, что она уснула.

Бабушка Надежда Петровна была военным хирургом. Глаз она потеряла на афганской войне, ногу – на чеченской, зубы выпали естественным путём. Вера прислушалась, ей показалось что Надежда Петровна не дышит. Она поднесла к её лицу зеркальце, подождала минуты две. Туман дыхания не тронул амальгаму. «Хорошая у меня была бабушка», – подумала Вера и заплакала.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ
(МОСКВА)

Виктор Кирюшин,
*советский и российский журналист, поэт, переводчик,
эссеист, книгоиздатель, редактор*

И СЕРДЦЕ ЗАЩЕМИТ...

ВРЕМЕНА

Снова о власти спорят обух и плеть...
Тьма высылает в дозоры за ратью рать.
Можно смириться с этим
и бросить петь,
Чтобы стареть
и медленно умирать.

Не зарекайся от крови невинной, брат.
Как ни юродствуй, а всё-таки нам решать:
То ли дышать научиться,
где смог и смрад,
То ли уйти однажды и не дышать.

Окна вокруг темны,
Закрома пусты,
Сыплется с неба последних времён зола.
А на полях вырастают одни кресты.
Много крестов...
Невесёлые, брат, дела.

Надо бы жить
И дрова поутру колоть,
Но безнадежно гнетёт и томит вина,
Словно уже разделились душа и плоть.
Словно уже...
Вот такие, брат, времена.

ДРУЗЬЯМ

Не уходите, друзья мои, не уходите!
Разве не нам предназначено солнце в зените,
Преданность женщин со всепонимающим взглядом,
Промыслом Божиим в пути оказавшихся рядом?

Разве не мы полюбили до боли, до крика
Мир, где соседствуют чертополох и гвоздика,
Где не всегда и не всем воздают по заслугам,
Но ослепительна музыка радуг над лугом?

Не уходите, помедлите чуть у порога,
Не возвращает ушедшего эта дорога.
Прошлого можно лишь памятью сердца окликнуть.
Надо привыкнуть, к чему невозможно привыкнуть.

Только успеть бы, свечой на ветру догорая,
Просто обняться у самого-самого края,
У рубежа, за которым иная обитель...
Не уходите, друзья мои, не уходите!

ГЕРАНЬ

Памяти мамы Серафимы Никитичны

И все же рай не за горами,
Как нам порою говорят,
А там, где мамины герани
На подоконниках горят.

Сентиментальностью и грустью,
И беззащитностью пьяня,
Цветок российских захолустий,
Ты вновь приветствуешь меня.

Таится серое предместье,
В тумане улица и храм,
А ты пылаешь в перекрестье
Дождями выбеленных рам.

Картинка северного лета
На краски ярые бедна,
Но сколько нежности и света
Идет от этого окна!

Так вот он, рай,
Не за горами
И лучше сыщется навряд,
Покуда мамыны герани
На подоконниках горят.

СТРАННИК

Все бродит, взяв суму да посох,
Вдали от псов сторожевых,
В полях пустых и безголосых,
В лесах почти что неживых.
Где ливень хлещет,
Ветер свищет,
Блистают молнии во мгле...
Того, что странник этот ищет
И не бывает на земле.
Смешно за выдуманым светом
Гоняться, не смыкая глаз,
Но он,
Не знающий об этом,
Счастливей каждого из нас.

* * *

Уходя подобру-поздорову,
Обожгусь, задувая свечу...
К твоему ненадёжному крову
Ни за что привыкать не хочу.
Есть резон у такого итога:
Безнадежна любовь-инвалид.
Отчего же не место ожога –
Все простившее сердце болит?

Леса одеты в рыжий мех,
 В огонь, прозрачный и летучий.
 Уже без солнечных прорех
 Неповоротливые тучи.
 Дрожат заречные огни
 Живою строчкой многоточий.
 Чем быстротечней гаснут дни,
 Тем нескончаемее ночи.
 Уснули стылые ветра,
 Лишь тьма колышется сырая...
 Глаз не смыкаешь до утра,
 По крохам жизнь перебирая.
 Неверной памяти вино
 Отравит горечью бывшего
 И отболевшее давно
 Вдруг обожжет до боли снова.
 Встречая осень у крыльца,
 Поймёшь, печальный и смущённый.
 Как прост был замысел Творца.
 Тобой ни в чём не воплощённый.

* * *

Ненастьем истерзанный чертополох –
 За кромкой пустого песчаного пляжа.
 Природа, как женщина без макияжа,
 Укрыться от зрителя ищет предлог.
 Листвы перепрелой пьянящий настой.
 Качнётся под птицей взлетающей ветка
 И сердце защемит, и станет пустой
 Грудная, не самая прочная, клетка.

ДОНБАСС 2014

Срезана пулей рябины макушка,
 Втоптаны в ржавую грязь семена.
 Бьёт миномёт,
 И кукует кукушка.
 Дни или годы считает она?
 Может, вот здесь, у разбитой котельной,
 Пламенем адовым вспыхнет зенит,
 Мир пошатнётся, и крестик нательный,
 Мамой подаренный, не сохранит.

Не упасёт от беды, как бывало,
В этом непереносимом огне...
Что ж ты, кукушечка, накуковала?
Что ж ты в сердцах напорочила мне?
Молча шагаем леском предрассветным.
Где, за каким затаился кустом
Брат мой и враг мой с таким же заветным,
Мамой надетым, нательным крестом?

Рисунок Н. Солодухо

Леонид Сергеев,
*русский советский писатель, член Союза журналистов
 и Союза писателей России*

ТРАВА У НАШЕГО ДОМА

Он был моим самым близким другом в детстве. Мы с ним проводили все дни напролёт. С утра обегали наши владения: поляну с небольшим болотцем и пружинящим деревянным настилом через низину, березовый перелесок, овраг, в котором струился ручей, и, наконец, бугор.

Мы влетали на бугор и останавливались передохнуть. С бугра открывался прекрасный вид на зелёный луг, по которому проходила железная дорога, и до самого горизонта поднимались и опускались телеграфные провода.

Каждое утро по железной дороге проносился скорый; он никогда не останавливался на нашем полустанке, мы и пассажиров не успевали рассмотреть – так, два-три лица, прильнувшие к стеклу, – но всё равно их про-

вожали: я махал рукой, а Яшка кивал бородой.

Я сильно завидовал тем, кто мчал в поезде, мне тоже хотелось попутешествовать, побывать в разных городах.

А Яшка им совсем не завидовал: поезд скроется, и он спокойно пасётся на бугре, щиплет сочную траву, время от времени наполняя утреннюю тишину громким блеяньем.

Я ложился рядом с Яшкой, обнимал его за шею, делился с ним своими мечтами, и он всегда внимательно смотрел на меня зелёными глазами и слушал, правда, при этом не переставал жевать. Выслушает, качнет головой, как бы говорит: «И куда тебя тянет? Здесь отлично, всего полно. Смотри, сколько ромашек! И чего их не лопаешь?».

В то послевоенное время мы жили в Заволжье, в небольшом поселке, при

эвакуированном из Москвы заводе, на котором работал отец. Семья у нас была большая и, сколько я помню, мы постоянно нуждались. Чтобы расплачиваться с долгами, отец с матерью каждую весну покупали месячного поросёнка, полгода его откармливали, а к зиме продавали.

Но однажды родители вернулись домой с пустыми руками – на поросят поднялись цены, – а через несколько дней отец принёс домой белого козлёнка. «На худой конец и он сойдёт», – сказал.

Козлёнку было три недели, его тонкие ножки еще разъезжались на полу, он жалобно блеял и мягкими губами тербил занавески – искал мать.

Первое время козлёнок сосал молоко из бутылки с соской и спал с нами, детьми, под тулупом на полу. Бывало, утром вскочит, наступит на руку острыми копытцами и заблеет – просит молока. Потом козлёнок стал есть всё подряд, всё, что мы ели, а как только на пригорках зазеленела молодая трава, мне, как старшему, отец поручил выводить его на прогулки.

С этого все и началось. Мы с Яшкой (козленка называли Яшкой) привязались друг к другу; он ходил за мной, как собачонка, а я доверял ему все свои тайны. Там, на бугре, мы устраивали игры, бегали наперегонки, перескакивали через лужи и коряги, причем вначале Яшка вырывался вперед, но скоро я настигал его, и некоторое время мы неслись рядом, а потом Яшка начинал сдавать. Тогда он резко останавливался и подпрыгивал на одном месте, как бы предлагая новый вариант игры. Здесь уж, естественно, первенство было за ним. Видя, как я неуклюже отрываюсь от земли, Яшка

только ухмылялся и взлетал все выше, временами даже зависал в воздухе и искоса посматривал на себя, любуясь своей ловкостью.

Под конец этот бахвалец на радостях брыкался задними ногами и трубил на всю окрестность о своей победе.

Ближе к лету Яшку переселили в пристройку, в которой обычно держали поросёнка. К этому времени Яшкина пушистая шёрстка превратилась в блестящие завитки, его взгляд стал более осмысленным, а на лбу появились бугорки. Пробивающиеся рожки чесались, и Яшка все время лез ко мне бодаться. Припадал на передние ноги, качал головой – явно вызывал помериться силами. Я становился перед ним на корточки, и мы упирались лбами друг в друга.

Побеждали попеременно, и надо отдать Яшке должное: когда он наседали и я кубарем скатывался под уклон бугра, он никогда не подсказывал и не бил сбоку – ждал, пока я поднимусь и приму оборонительную позу. В нем было какое-то врожденное благородство.

Позднее, когда у Яшки появились рожки, случалось, он не рассчитывал свою силу, и тогда мы ссорились. Например, издаст предупредительный клич, разбежится, скакнет и летит на меня, наклонив башку. Я, конечно, отпрыгивал в сторону, и Яшка врезался в кусты, но, бывало, я не успевал увернуться, и Яшка больно бил меня в плечо. Тут уж я не выдерживал и тоже поддавал ему как следует.

Долго мы не дулись, Яшка первым подходил, клал голову на мои колени, виновато подёргивал хвостом и тербил ботинок копытцем: брось, мол, стоит ли ссориться из-за мелочей,

ведь мы друзья! Такой ласковый был козленок.

В полдень я ненадолго оставлял Яшку одного: привязывал его веревку к вбитому в землю колышку и шел домой обедать. С обеда притаскивал ломоть хлеба, картошку, морковь – Яшка все уминал, и мы спускались в поселок.

Прежде всего подходили к сапожнику дяде Коле; я наблюдал за его работой, а Яшка дожидался капустной кочерыжки, которую дядя Коля всегда припасал для козлёнка.

Что меня больше всего поражало, так это умение дяди Коли по обуви угадывать наклонности хозяина. Поддаст ему какая-нибудь старушка сбитый ботинок, а он посмотрит и скажет:

– Что внучок у вас – футболист?

И старушка сразу закивает:

– Житья от него нету. Отец только на обувь и работает. Вторые за месяц сбил... Да еще штраф за разбитое окно заплатила...

Или принесет какая-нибудь девочка сандалии, дядя Коля проведет пальцем по стертým носкам и улыбнется:

– Танцовщицей, наверно, хочешь стать?

И девочка кивнёт, опустит глаза и покраснеет.

Дядя Коля мог определить, кто ходит прихрамывая, кто косолапит, кто ходит красиво.

Дядя Коля был низкорослым, худощавым, носил очки и при ходьбе сутулился. Он жил в старом доме с обшарпанными стенами, зато его яблоневый сад считался лучшим в поселке. Сад огораживали высокие колья, похожие на гигантские карандаши. У широкой калитки, в которую сво-

бодно въезжал грузовик, спал огромный, как медведь, пёс Артур.

Такие внушительные бастионы и стражу дядя Коля завел вовсе не для охраны фруктов – просто, как многие люди маленького роста, любил все высокое. Под осень мы залезали в сад, трясли яблони, предварительно выманив Артура на улицу жмыхом – он ужасно его любил.

У Яшки с Артуром были вполне дружеские отношения: заметив козленка, пёс вставал, потягивался, приветливо размахивал хвостом, подходил вразвалку и покровительственно лизал Яшку большим шершавым языком. А иногда, в знак высшего расположения, притаскивал козлёнку обмусоленную кость. Конечно, не обходилось без размолвок.

Случалось, Яшка забывался и начинал объедать флоксы около дяди Колиного дома. Тогда Артур скалился и рычал, а Яшка сразу вставал на дыбы.

Дядя Коля всегда мне что-нибудь рассказывал. Чаще всего о том, как он будет жить, когда станет лесником.

– Вот выйду на пенсию, сад оставлю поселчанам, сам с Артуром переберусь на природу. У нас ведь здесь все ж заводской поселок, а я хочу жить поближе к земле, к зверью. Устроюсь куда-нибудь лесником на кордон, построю дом из ветвей и травы и крышу из хвои, буду приручать зверюшек...

Однажды мы с Яшкой подошли к дяде Коле, он кивнул мне, кинул Яшке кочерыжку и стал молча подшивать валенок: прокалывал шилом дырочки и протягивал просмоленную дратву.

Подшив подошву, начал пробивать ее деревянными гвоздями, чтобы лучше держалась, когда гвозди разбухнут. С полчаса работал и все молчал. «Что

ж такое случилось? – думаю. – Может, обиделся на нас с Яшкой за что?». А дядя Коля починил валенок и посмотрел на меня поверх очков:

– Давай сними-ка ботинки.

– Зачем?

– Подбить надо. Того гляди, пальцы вылезут.

– У меня денег нет, – пробурчал я.

– Снимай, говорю! – нахмурился дядя Коля.

Я нагнулся, стал развязывать шнурки.

Починил дядя Коля мои ботинки, промазал краской, стали ботинки как новенькие. Надел их, а дядя Коля вздохнул:

– Был у меня такой вот сынишка, как ты... Да в войну умер от простуды. Так-то... Да... Все мечтали мы с пацаном податься в лесничество, построить дом из ветвей и травы и крышу из хвои, приручать разных зверюшек...

От дяди Коли мы с Яшкой направлялись к Крокодилихе – так звали тетку Груню за то, что она свои владения от мальчишеских набегов огородила плотным забором и ещё установила дополнительный барьер – насажала репейник. В её палисаднике росло множество цветов: георгины, пионы, гвоздики, табак. Время от времени мы посылали в палисадник бумажных голубей с угрожающими записками, а по воскресеньям, когда тетка Груня уезжала в город, пролезали сквозь дыру в заборе, срывали головки цветов и, играя в войну, раздавали цветы как ордена. Георгин считался орденом Красной Звезды, пион – орденом Александра Невского, гвоздики и колокольчики – разными медалями.

Отмечали друг друга щедро: в петлицах наших рубашек красовалось

столько наград, что позавидовал бы любой фронтовик.

После каждого воскресенья клумбы заметно редели. Обходя кусты, Крокодилиха только вздыхала и качала головой, а мы посмеивались и все больше смелели – забирались в цветник и в будни по вечерам...

Около палисадника мы с Яшкой останавливались, находили лазейку, я срывал несколько бутонов, а Яшка, как бы невзначай, объедал пару георгинов – ему очень нравились эти яркие цветы.

Он вообще любил все яркое: изумрудную траву у болотца и ромашки на бугре, красную колонку посреди поселка, из которой всегда лилась струя, точно перекрученная стеклянная верёвка. Он подходил к колонке, почёсывал об нее бока, наклонялся к деревянному жёлобу и долго пил прохладную воду, бегущую среди гальки и тины. И красную тесьму Яшка предпочитал обычному поводку. А когда я раздобыл ему медный колокольчик он перед всеми задира л голову и хвастался ярко-жёлтым украшением.

Однажды, когда Яшка уже сильно подрос, мы с ним пролезли в палисадник Крокодилихи; я стал тянуть какой-то венчик, а Яшка принялся за георгин. Внезапно перед нами возникла Крокодилиха. Яшка сразу сдрейфил и дал стрекача, рассыпая черные горошины, а я от страха онемел, даже не успел спрятать цветок за спину; нагнул голову и жду наказания. Но Крокодилиха неожиданно глубоко вздохнула:

– Что же ты делаешь? Я ж букеты в детский дом отвожу. Детишкам, у которых родители погибли на фронте, – она махнула рукой, подошла к

калитке, распахнула ее. – Зови своих дружков. Дорывайте!..

С того дня Крокодилиха снова стала тёткой Груней, и, хотя калитка в её палисадник больше не запиралась, никто не сорвал ни одного цветка. Даже Яшка обходил палисадник стороной – такой сообразительный был козлёнок!

На окраине нашего поселка пролегало шоссе – наполовину асфальтированная, наполовину мощеная дамба. По ту сторону дамбы находилась керосиновая лавка, каморка утильщика и мастерская по ремонту замков, примусов, патефонов и прочего. За мастерской начиналась городская свалка. Ее называли городской, несмотря на то, что город находился в пяти километрах от нашего поселка.

Видимо, городские власти рассматривали наш поселок как никчемное место, годное лишь для хлама.

Мы с Яшкой любили ходить по свалке; я собирал старые журналы, разные бракованные детали, Яшка искал в основном огрызки овощей, но если ему попадалось что-нибудь несъедобное, но яркое, сразу звал меня.

После свалки подходили к мастерской и через открытую дверь наблюдали за работой мастера, молодого, вечно небритого мужчины с сиплым голосом.

Заметив нас, мастер обычно усмехался и отпускал какую-нибудь дурацкую шуточку, вроде такой:

– Ну что, подковать своего козла привёл? Всё одно коня из него не сделаешь. Козёл – он и есть козёл. И толку от него никакого.

После таких слов мы с Яшкой, не сговариваясь, поворачивали и уходили. Не знаю, как Яшка, а я вообще не

подходил бы к мастеру, но уж очень хорошая у него была мастерская: на верстаке стояли тиски, на полках лежал слесарный инструмент, в углу виднелся маленький горн с мехами. Я всё мечтал, когда вырасту, тоже обзавестись подобной мастерской.

Как-то осенью у моего самодельного самоката треснула петля, а новых нигде не было. Пришлось выпрашивать у матери деньги на ремонт. Мать дала сорок копеек. Пришел я к мастеру, попросил починить петлю.

Мастер мрачно посмотрел на меня – он сидел на лавке и паял чайник, – отложил работу и прохрипел:

– Это что, твой второй козёл? Ну, давай посмотрю... Э-э! Тут варить надо, стручок. Тащи на завод. А как ты думал? – он взглянул на меня. – Но можно и заклепать вообще-то. Заклепать, что ли?

Я кивнул.

– Ладно, посиди на улице, здесь не мешайся.

Через полчаса мастер поставил железную заплатку на трещину и прикрепил ее заклепками.

– Гони рубль, – сказал, толкнув самокат ко мне.

Я протянул монеты и покраснел:

– У меня только сорок копеек.

– Давай, завтра принесешь остальные.

Выкатив самокат, я пересек шоссе и пошел к дому. Помнится, день был пасмурный, с утра накрапывал мелкий дождь.

«Где взять шестьдесят копеек? – соображал я. – Матери лучше не заикаться – не даст. Ждать до получки отца долго». И вдруг вспомнил, что в книжном магазине напротив школы букинист покупает книги у населения.

Моя библиотека состояла из трех книг, но у одной не хватало последней страницы, на другой виднелись чернильные пятна, третья – «Остров сокровищ», была в хорошем

состоянии, но её я считал лучшей на свете. Долго я колебался, сдавать её или не сдавать, потом всё же решился. «Накоплю денег, снова куплю», – подумал и отправился в магазин.

Весь тот день Яшка сочувственно поглядывал на меня, а когда я ушёл в магазин, то и дело выбегал на улицу, озираясь и тревожно блеял – искал меня. Он любил меня по-настоящему и скучал, даже если я ненадолго оставлял его одного.

К тому времени Яшка уже вымахал с дяди Колиного Артура, но его сердце не почерствело.

На следующее утро денек был отличный – всюду сверкало солнце. Когда я бежал в мастерскую, в моем кармане гремело пятьдесят пять копеек.

– Вот деньги! – влетев к мастеру, задыхаясь, проговорил я. – Здесь не хватает пятака. Я вам завтра принесу. Мне мать даст на завтрак.

– Какие деньги? – просипел мастер.

– Вы вчера... чинили мой самокат...

– Ну и что?

– Я шестьдесят копеек должен...

– А-а! Это хорошо... Давай беги, купи папирос. И живо сюда!

Около нашего дома росла необыкновенная трава: высокая, упругая, ярко-зелёная, пахучая. Мы с Яшкой любили по вечерам полежать в траве, отдохнуть от дневных дел. Над нами трепетали бабочки, жужжали мухи, а перед глазами прыгали кузнечики, ползали изумрудные жуки... Я срывал травинки и жевал сочную горьковатую зелень. Яшка к траве только при-

нюхивался, но никогда не щипал – сохранял для красоты. Такой умный был козлёнок!

На той траве у нашего дома я мечтал побыстрее вырасти, выучиться на инженера и поступить на отцовский завод.

И мечтал развести сад, такой же, как у дядя Коли, и цветник, подобный палисаднику тётки Груни, и мастерскую – вроде хибары мастера. И опять я доверял свои мечты Яшке.

Уставший за день Яшка слушал меня уже менее внимательно, а под конец вообще закрывал глаза.

К зиме Яшка превратился в могучего козла, с крепкими рогами и роскошной бородой. Характер у Яшки заметно испортился – он стал задиристый, лез ко всем животным в поселке, даже приставал к Артуру и только меня любил по-прежнему.

Бывало, какой-нибудь мальчишка показывал мне кулак. Яшка тут же забегал вперед, выставлял рога и бил копытом о землю – давал понять, что не даст меня в обиду.

Пока я был в школе, Яшка сидел в загоне около пристройки и вглядывался в дорогу – ждал меня, чтобы отправиться на бугор.

Я тоже скучал по Яшке: болтаться с ним по окрестностям мне было интереснее, чем зубрить разные формулы и спрягать глаголы. Учителя не понимали причин моей рассеянности на занятиях и частенько в дневнике писали родителям, что я просто лентяй. Отец с матерью только вздыхали.

Долго они оттягивали разговор о продаже Яшки. Но однажды вечером сквозь сон я услышал, как мать говорила отцу, что продать Яшку вряд ли удастся – она уже предлагала кое-кому

на рынке, – что Яшку придется забить и продавать мясо. Отец пыхтел папирсой и отмалчивался.

Надо сказать, отец был мягким, сентиментальным человеком, любил животных, цветы и грустную музыку. Жизнь крепко побила отца: он рано потерял родителей, с подросткового возраста работал на заводе, на фронте погибли все его друзья; он в одиночку тянул большую семью и жил в захолустье, далеко от родины.

В те годы наиболее предприимчивые из эвакуированных уже перебрались в Москву, а отец никуда не ходил и ничего не делал для того, чтобы вернуться на прежнее местожительство. Он был скромным, даже застенчивым человеком.

Мать была гораздо энергичнее. Она часто обвиняла отца в мягкотелости, сама ходила в дирекцию завода и в конце концов добилась своего – отца перевели на работу в Подмоскovie. Но это произошло не скоро.

В тот поздний вечер, когда решалась судьба Яшки, отец сказал матери:

– Давай не будем пока этого делать. Немного денег у нас есть, и я должен еще в одном месте подработать, а попозже, ближе к Новому году... Там вид-но будет...

Зимой мы с Яшкой по-прежнему обегали наши любимые места и, как и летом, провожали скорые поезда, а с бугра катались по накатанному склону: я на валенках, а Яшка на животе. Ему очень нравился снег. Бывало, даже купался в сугробах – перекатывался с боку на бок, задрав ноги. Как-то мастер увидел его за этим занятием и ухмыльнулся:

– Твой козел совсем спятил. Забивать его пора, а вы с ним цацкаетесь.

После этих слов мы с Яшкой стали обходить мастерскую стороной.

Отец говорил, что, валяясь в снегу, Яшка чистит шерсть, но я-то знал – мой друг просто радовался зиме.

В морозные дни Яшку брали на ночь домой, и мы, как и раньше, спали с ним на полу, в обнимку. Причем, хитрец Яшка все норовил занять лучшее место, у печки, из-за этого мы всегда долго укладывались – то я теснил его, то он меня.

До Нового года мать больше не заговаривала о Яшке, но я не раз замечал, как отец украдкой сидел с моим другом у пристройки, курил папиросу и поглаживал козла.

В середине зимы родители увязли в долгах, а тут еще заболела моя сестра, нужно было хорошее питание, и мать твердо сказала отцу:

– Будь мужчиной! Думаешь, мне Яшку не жалко? Но чем отдавать долги? И чем кормить детей? Их здоровье мне дороже Яшки!

Отец долго молча курил, шмыгал носом, потом глубоко вздохнул и пообещал матери забить Яшку в субботу. Этот разговор я опять услышал случайно и в ту ночь долго не мог уснуть. Жизнь Яшки была в опасности, и я решил убежать с ним из дома.

На следующий день была пятница. Сразу после школы я обвязал Яшкину шею веревкой, и мы с ним направились на наш бугор.

Ничего не подозревавший Яшка начал, как обычно, носиться, валяться в снегу, лез ко мне бодаться, но я быстро его пристегнул и потащил к железнодорожному полотну... Я задумал отсидеться с Яшкой на ближайшей станции, пока отец с матерью не найдут другой выход расплатиться с долгами.

Мы протопали километра два, как вдруг услышали сзади окрик отца, он бежал за нами, махал рукой.

Подойдя, отец снял шапку, вытер ладонью взмокшее лицо, закурил, глабоко затянулся.

– Понимаешь, – сказал, выпуская дым, – если бы мы с тобой жили вдвоем, мы как-нибудь перебились бы. Но ведь больна твоя сестра. Она не поправится без масла, молока... Да и долгов у нас полно... Яшку придется...

Отец хотел сказать «забить», но у него не повернулся язык.

– Мы с тобой должны быть мужчинами, над нами уже все смеются, – то ли меня, то ли себя уговаривал отец. – Если хочешь, мы заведем собаку, – не очень уверенно добавил отец, прекрасно понимая, что никакая собака не заменит мне Яшки.

Назад мы плелись молча. Яшка всё понял – топал упираясь, насупившись. Я тоже еле ковылял и беззвучно ревел.

Утром отец куда-то ушёл и вернулся с длинным ножом из напильника. Пока отец затачивал нож на бруске, я зашел в пристройку попрощаться с Яшкой. Он стоял, прижавшись к стене, подрагивал ногами, тревожно сопел и даже отказался от своего любимого лакомства – моркови. Он даже не посмотрел на меня, только покосился и отвернулся – как от предателя.

Когда отец вошел к нему с ножом, он забился в угол и отчаянно заблеял... И вдруг подбежал к отцу и стал лизать ему руки.

Отец постоял в растерянности, потом бросил нож и, какой-то обмякший, побрел к дому.

Мать пошла по соседям и вскоре вернулась с мастером. Он согласился

убить Яшку не потому, что недолюбливал его, а просто мать пообещала ему заплатить. К тому же, у мастера было охотничье ружье, и мать справедливо решила, что так все кончится быстрее, без всяких мучений для Яшки.

Когда мастер открыл дверь пристройки, Яшка ударил его рогами, вырвался во двор и стал метаться из стороны в сторону.

Мастер поймал конец веревки и хотел привязать Яшку к забору, но с большим сильным козлом не так-то легко было справиться.

В конце концов мастер плюнул, бросил веревку, вскинул ружье и стал выжидать, когда Яшка на мгновение остановится.

Я отвернулся, заткнул уши... Потом услышал одновременно и выстрел, и рев Яшки. Повернувшись, я увидел, что Яшка лежит на боку с открытыми глазами и неистово дёргает копытами.

Через секунду он вскочил и, припадая на передние ноги, пробежал несколько метров, разбрызгивая кровь по снегу, потом упал, и его забила дрожь... Эта дрожь становилась все мельче, пока в Яшкиных глазах окончательно не угасла жизнь.

Моего Яшку убили на месте, где летом мы любили полежать, отдохнуть от наших будничных дел; на месте, где всегда росла высокая ярко-зелёная трава...

Я забыл сказать еще об одном свойстве той травы: даже в самые жаркие дни она оставалась влажной, и какие бы мы с Яшкой ни были разгорячённые, какие бы обиды или радости не переполняли нас, когда мы ложились в траву, становилось прохладно и спокойно.

Ольга Борисова,

*поэт, прозаик, переводчик, публицист, общественный
деятель. Член Союза писателей России*

И ПОЙДУ Я ПОЛЕМ РУССКИМ...

ВЫШИВАЛЬЩИЦА

Я вышиваю жизни полотно,
Над ним корплю с иглой ежедневно.
Белёный холст – в таинственность окно,
Где полнится рисунок вдохновенно.
Зелёной нитью вышила дуга,
Леса, долины и вершины сосен.
Стежками разукрашу берега
И в жёлто-красный цвет одену осень.
Мелькают иглы в пальцах быстрых рук.
Ложатся тени тёмно-серой краской
На линии дорог и малый круг,
Где всех путей находится развязка.
Я гладью вышиваю все цветы.
Синеет василёк на поле сжатом.
В сторонке – мак, погост и в ряд – кресты
На островке, со всех сторон зажатом.
По полотну плетётся жизни нить.
Здесь все цвета, лишь красного немного.
Осталось мне сюжет соединить
Во все концы изменчивой дорогой.

У БАБУШКИ

Петух горланит. Петка, друг, молчи!
Ещё я нежусь в ласковой постели
И слушаю, как буйствуют ключи
У девственной природной колыбели.

И бабушка ещё плетёт косу,
Укладывая ловко на затылке.
И точит дед во дворике косу,
Собака разбрехалась на развилке.

Сейчас затопит в кухне баба печь
И будет хлеб ваять в тазу зелёном.
И свет румяный будет с неба течь
По стенам, по печи и по иконам.

И молоком наполнится стакан,
Он – для меня, накрытый полотенцем.
Скулит привычно у окна Полкан,
Нетерпеливо вглядываясь в сенцы⁵.

И нет проблем и мир, как божий храм,
И, кажется, такое будет вечно.
Но сердце разорвётся пополам,
Когда бывшее скроет бесконечность.

НА МОСТУ

Взошла на мост. Оперлась на перила,
Смотрю я вдаль на резвый бег волны.
Громадой вод какая движет сила,
Какая мощь идёт из глубины?!
Как неоглядна водная пустыня,
За окоёмом скрыты берега.
А надо мной небесная твердыня,
Течёт под сводом вечности река.
Я замерла, охваченная чувством
Смятения и страха, и беды.
Во мне растёт нелепое безумство
Нырнуть с моста в безбрежие воды,

⁵ Сенцы – помещение между жилой частью дома и крыльцом

И стать сильней, не покориться силе
 Её теснин глубоких и стальных.
 Но высоки железные перила,
 И дрожь берёт от всплесков ледяных.

ЗЯБКО

Северные ветры распустили крылья,
 Засыпают снег и ледяной покров.
 Хрупкие деревья стонут от бессилья,
 Находясь во власти буйственных ветров.
 Мне сегодня зябко, на душе тревога,
 Видно, ветер гулкий стал тому виной.
 Он свистит и воет шумно у порога,
 Словно зверь косматый стонет за стеной.
 Что же он вещает? Непокой и беды
 Русской и гонимой праведной душе?
 Иль трубит неистово, что грядут победы,
 Что заря со славою занялась уже.
 А метель курится, и не видно дали,
 Занесло по крыши смолкшие дома.
 Мне сегодня утром птицы накричали:
 «Скоро завершится эта кутерьма!»

ЗЁРНА ЖИЗНИ

Платье белое надену, каравай возьму
 И пойду навстречу ветру сквозь глухую тьму.
 Ветер хмурый, ветер стылый, не сбивай с пути,
 Я должна до перекрестья всех дорог дойти.
 Там летает чёрный ворон, кликает беду,
 Отгоню с полей широких, чтоб жилось в ладу.
 Разломлю я хлеб на части, на помин раздам
 И кусочек непременно приложу к устам.
 Помолюсь за убиенных, глядя вдаль на храм,
 Донести мою молитву накажу ветрам.
 В небесах её услышат и простят грехи,
 Пропоят об этом зорькой громко петухи.
 И пойду я полем русским, тропкой по меже,
 Там, где рожь росла, на дальнем южном рубеже.
 Брошу в землю зёрна жизни, прорастут они.
 Боже, праведный и святыи, Русь Ты сохрани!

ГОСТЕВАЯ РУБРИКА

Алексей Остудин,
*русский поэт, литературный деятель,
член Татарстанского Союза писателей*

ДОЖДЬ СТУЧИТ ПО КЛАВИШАМ БЕРЕЗЫ...

НОВОБРАНЕЦ

Гром одет не по погоде, молния-наискосок,
расплетая ветки бродит в роще автоматный сок,
воздух, будто хворост ломкий – как дыханьем ни свяжи,
ночью в свежие воронки скатываются ежи,

выползти никак обратно, если дождиком прольёт,
если встретятся два брата, Недолёт и Перелёт -
кто страшней из них заспорят, и толчёным кирпичом
во широком минном поле земляника ни о чём,

юный воин смотрит строже на разрушенный блиндаж -
чудом выбрался, как ёжик, по горячке «Отче наш»
вспомнил сразу, без запинки, с автоматом навесу -
из волос торчат травинки, и кузнечик на носу.

СТУДЕНТ

Пышет изо рта морозный пар,
хоть и ветеран – совсем не старый,
шутит, что похож на самовар –
самый молодой из самоваров,

не хватает по хозяйству рук,
и с размером ног не без потери,
раньше открывались просто – вдруг
слушаться со скрипом стали двери,

то о том, об этом потрендя,
с другом распроставшийся под вечер,
грудью дверь толкает от себя
потому что дотянуться нечем,

если б осторожней был вдвойне,
где война прореживает жадно,
может друга хлопнул по спине,
протянул бы руку, чтоб пожать, но

в жизни был бы туже переплёт,
если б не соседская девчонка –
шутит, только сессию сдаёт
без подсказок, сам, на удалёнке.

ПЕРВЫЕ ЦВЕТЫ

Проходит мимо ночь босая,
смотря на мир глазами павших,
пока планету сотрясает
казачий хор орудий наших,

где месяц, от натуги рудый,
затоптан утром, как окурок,
уже расстелена повсюду
сырой весны коровья шкура,

а мы в окопе, как пружины,
и наше дело – рядовое,
за то что, слава Богу, живы
порадуемся после боя,

очнувшись за пределом ливня,
где на пригорке, только троньте,
подснежники глядят счастливо,
не понимая, что – на фронте.

НА ВЫСТАВКЕ

Развешивают здесь вторые сутки
ребята акварели и рисунки,
те, что взрослых, по лесенкам сплужут,
а маленькие кнопки подают,

всё происходит буднично, без спешки,
и мне, как своему, вручил с усмешкой
картонок пачку – вот, пока возьми,
талантливый художник лет восьми,

прикнутил лист и отошёл подальше,
глядит, не обнаружится ли фальши,
с чего бы, мне скажи по чесноку,
фигурки мамы с папой – на боку,

висит рисунок правильно не слишком,
а потому что нет, сказал мальчишка,
подобран не по-детски и ершист -
нет мамы с папой, их убил фашист.

ЗАТИШЬЕ

Растеряла, и дышит на ладан,
ночь последние звёзды с погон,
разбежался по ёлочным лапам
на рассвете антонов огонь,

копошатся за ящиком мыши,
командир на связистов сердит,
а хохла ничего не колышет -
укусить побольней норовит,

мне противника тоже не жалко,
успокоим, надеюсь, к весне,
с потрясённых небес после залпа
штукатуркой осыпался снег,

умудрившийся полночь проспять я,
буду жить, сколько помнить смогу
Рождество, где бойцы, как распятья,
в чистом поле лежат на снегу.

НАВОДЧИК

На сосну набрасывает кольца
едкий дым, меняя полюса,
там, где башня танка, там и рвётся
фронтальная лесополоса,

за рукав наводчика поймай-ка,
за его работой уследи,
поле, как растянутая майка
в дырах и порезах на груди,

чтобы абы как не угодило,
и прицел был паинькой и впредь,
убеждён боец – необходимо
после боя пушку пожалеть,

«ты жива ещё моя старушка» -
полирует тряпчочкой металл,
шепчет про себя – устала пушка,
будто сам чертовски не устал,

только гарь и пот в щетине куцей,
«отдыхай, Есенин, не тупи,
ты ещё – товарищи смеются -
ей в трамвае место уступи».

ПОБЕДА

Не пускает домой занавеска,
прилипая к щеке на лету -
так-то друга встречаешь, на резкость
не успев навести чистоту,

неизменно хорошая, да ведь,
на лопатке наколку свела,
только локти прицелюсь поставить -
дёрнет током от края стола,

по стене ходят ходики звонко,
под ногами вздыхает кошма,
ты полгода, как спирт, разведёнка,
и до ручки ещё не дошла,

обижаться красавицам вредно -
сочинять о любви не по мне,
понимаешь, свободное время
убивают враги на войне,

там спасает окопное братство,
здесь – обняться и выспаться всласть,
в плен к тебе не сдаваться собрался
а за милую душу попасть,

тяжело привыкать, откровенно,
к тишине, хоть в одежде ложись,
погоди, вот завоюет сирена,
и начнётся нормальная жизнь.

ОКОПНАЯ ЛИРИКА

Над границей тучи ходят грозно,
мир пока не мир, но май и труд,
дождь стучит по клавишам берёзы,
соловьи, как в опере, орут,

хорошо бы век не торопиться
вслушиваясь в эту дребедень -
хрустнула у ёлки поясница,
кашлянул в кулак трухлявый пенёк,

на юру черёмуха ветвиста,
молодых за пазухой свела -
первая любовь артиллериста
с беженкой из ближнего села,

что зовёт его – мой реактивный,
а глаза хитрее янтаря,
он же озабочен, что противник
жёстко стелет, мягко говоря,

вертихвостка в руки не даётся,
как ни подступается простак -
вдруг она вот так, и так прижмётся,
и всего-всего обнимет так,

небывалой близостью контужен,
в сердце нежность пестует свою,
быть ему не мальчиком, но мужем -
золотое качество в бою,

если кто чужой подкатит лапти
к рыжей незнакомке – только тронь,
больно у бойца взрывной характер,
потому что девушка огонь.

ПИСЬМО

Люблю без памяти – невеста
листок подпишет и сожнёт,
а мне в окопе дили-тесно -
с огнём играет пулемёт,

момент удачи карауля,
оставив карточный блиндаж,
легко расписывает пулю
невозмутимый снайпер наш,

похоже, дело-то за малым,
а малый выбрит, но поддат -
на спирт меняет генерала,
и бережёт своих солдат,

проверил, чей табак кислее,
и кто кого перепугал -
потрескивая, звёзды тлеют,
их опрокинутый мангал,

окрестности в вечернем сале,
как головою ни крути -
здесь даже рельсы дыбом встали,
раздвинув сосны на пути,

родня, все Боги мира с нами,
со мной, наверняка, Христос,
что уцелеем – точно знаю,
в каком количестве – вопрос,

пока, под грохот канонады,
пишу, устроившись на пне -
без памяти любить не надо,
ты просто помни обо мне.

ПАРЕНЁК

В каком посёлке, городе, стране
старухи кашеварят на кострах,
где пищевая плёнка на окне,
и дверь, на всякий случай, нараспах,

ревёт сирена, скрученная в жгут,
попробуй до подъезда добеги,
когда округу хамерсами жгут
засевшие в Авдеевке враги,

а во дворе лишь голову пригнёт
мопед перебирая паренёк,
ему опять «до лампочки» прилёт -
передохнуть под мальвами прилёт,

родившийся в румяных нулевых,
родную землю так сумел обнять,
что сволочам не то что у живых -
у мёртвых этот город не отнять

Диана Кан,
поэт,
член Союза писателей России

ВОКРУГ ВЛАДЫЧЕСТВУЕТ ОСЕНЬ...

Ты женщина, а это ветер вольности...

Юрий Кузнецов

Царя всевластно на родном просторе,
Где навсегда сроднились даль и дол,
Ты шлялся, вольный ветер, в чистом поле
И на судьбу нечаянно набрёл.
Тебя в подол поймала – вот находка!
Немало вольных ветров на Руси!
Ты поначалу показался кротким
И даже робким, Господи спаси!
Пока бельё в Урале полоскала
И шла домой по колкому жнивью,
Заискивал, играя с лентой алой,
Что крепко в косу вплетена мою.
Кружа вокруг немыслимые вальсы,
Которые у ветров так в чести,
Внезапно осмелел и попытался
Мою тугую косу расплести.
Я отмахнулась, поправляя локон
Своих строптивых вьющихся волос.
Ты погрустнел и шлялся возле окон,
Дождливо грустных не скрывая слёз.

А ведь, бывало, струги и будары
 Гонял ты по седой Урал-реке,
 В степи до неба раздувал пожары,
 А тут вдруг приуныл в печаль-тоске.
 Мечтал бродить веками в чистом поле...
 Кому дано смирить твой буйный нрав?
 Но заблудился в шёлковом подоле,
 На бабу-дуру волю променяв.

Со мной никогда ты ни в чём не согласен,
 Но пусть нас рассудит полночная тьма.
 Ведь мир наш лишь тем безнадежно прекрасен,
 Что всяк здесь по-своему сходит с ума.
 С тобой никогда я ни в чём не согласна,
 Не зря малахольной веками слыву...
 Уверь же, уверь меня, сокол мой ясный,
 Что всё происходит сейчас наяву.
 Что в том, что навечно случится сегодня,
 О чём соловей залихватски звенит,
 Виновна не полночь, лукавая сводня,
 Но полдень, победно взлетевший в зенит.

Двадцать семь километров до финской границы...
 Древний Выборг собою весьма недурён.
 Мне бы только в него невзначай не влюбиться,
 Ведь от веку он не был никем покорён.

Выборг! Ветром, дождём или лучиком солнца,
 Хоть намёком меня за собой позови!..
 Но свинцовых небес слюдяное оконце
 Не сулит (даже вымолвить страшно!) любви.

Городок с ноготок... Городок-неулыба...
 Светлый рыцарь с пощады не знавшим мечом.
 Имя Выборг звучит, как приказ сделать выбор
 Между светом и тьмой, между злом и добром...

Между мной и тобой, что стоят на границе
 Двух великих миров двум вселенным под стать...
 И стальная двуглавая хищная птица
 Изготовилась в зябкое небо взлетать.

Мне б утешить тебя, милый Выборг, да нечем!
Всё однажды закончится в мире войной...
Но взлетает крылатой ракете навстречу
Та любовь, что отверг ты при встрече со мной.

И эта сирая сирень,
И хроменькая кошка.
И удручённо хмурый день,
Вселившийся в окошко,
И в палисаде лопухи,
Что градом злым побиты,
И непокорные стихи
Печального пиита.
И снежно-дождевая взвесь
Что по стеклу стекает...
Неужто это всё и есть
Ты, родина такая?
Но где же звон красивых фраз?
Куда девался пафос,
Которым так искусно нас
Веками водят за нос?
А нет его, но есть – сирень,
Есть хроменькая кошка.
И есть в меня влюблённый день,
Что влез в моё окошко.

Он спросит: «Как дела на личном фронте?»
И я в который раз, ему назло,
Как в том расхожем дамском анекдоте,
Отвечу: «Много ваших полегло!».

Явился и ничуть не запылится!
А я гадаю – с кем ты, где ты есть?
И как ты мог меня, свою царицу,
Какой-нибудь шалаве предпочесть?

Ну, раз пришёл, скажи, где прохлаждался?
Ну, что не отвечаешь ничего?
Каким ты искушеньям подвергался?
И он ответит: «Был на СВО!»

Был на войне? Постой-постой, а я-то
Гадаю – с кем ты, где, такой-сякой!
Постой! А ты ушёл на фронт солдатом?
О, Господи, да ты ж совсем седой!

Да, я, конечно, ссорилась с тобою,
Но я не ожидала, милый мой,
Не став женой, стать горькою вдовою
И утешаться тем, что ты герой.

В той ссоре были оба мы неправы,
Но я тебе по-прежнему верна.
Так вот она, проклятая шалава,
Треклятая разлучница война!

Такая пострашнее прочих будет –
С лихвой такая наградит тоской.
И безразлично ей, что скажут люди,
И в космы ведь не вцепишься такой!

А, впрочем, это всё теперь не важно.
Ты жив войне-разлучнице назло...
И он, обняв меня, печально скажет:

– Я жив, но много наших полегло!

В расхристанный денёк осенний
Я снова вспомню о тебе,
Лирический бунтарь Есенин,
Собрать по грусти и судьбе.

Моя осмеянная всеми
Неразделённая любовь –
Эпический блондин Есенин,
Что супишь бронзовую бровь?

Иду с красивой дочкой Настей
В литинститут на семинар...
А ты обозреваешь настужь
Распахнутый Тверской бульвар.

Вокруг владычествует осень,
А дочь моя – сама весна.
Она тебе цветы подносит...
Похоже, тоже влюблена!

И ты не выглядишь уставшим
В цветах поклонниц молодых,
Высоким памятником ставший,
В костюме одетый, как жених!

С улыбкой горько горделивой
Глядишь мне вслед через плечо...
И я кажусь тебе счастливой,
Хоть я не памятник ещё.

Рисунок Н. Солодухо

Филипп Пираев,
поэт,
член Союза писателей Республики Татарстан

И БУДЕТ НАША ДЛАНЬ ЩЕДРА...

* * *

Всё меньше говорю, чем дольше наблюдаю.
Вот женщина идёт, вся кротость и покой.
Когда-то сумки ей носил сынишка-даун,
ходячий колобок, улыбчивый такой.

В трагедиях людских соображая мало,
несчастный паренёк светился оттого,
что сердцем понимал: измученная мама
советам вопреки не бросила его.

Теперь она одна, оставленная сыном –
такие никогда подолгу не живут.
Но там, на небесах, он стройным стал и сильным,
женился и на «пять» окончил институт.

И чем тут утешать, чего желать иного,
ужель превозносить не ждущую похвал?
И, вроде, мог сказать за столько лет хоть слово,
да всякий раз бревном при встрече застывал.

Гляжу в её глаза, а в мыслях: мать честная! –
с такими не сравнить и райскую зарю.
Я знаю, знаешь ты, что я всё понимаю
и полной немотой за всё благодарю.

* * *

В провинции – восторг и благодать:
бездонно небо и прозрачны реки;
гудящих строек века не видать,
зато без них слышнее человека.

Хрустим редиской, пьём себе стишки,
настоянные на сосне и травах,
спасаясь от назойливой мошки
тщеславия и веяний лукавых.

Хотя и тут случается подчас
кому-то, грешным делом, захвалиться,
но даже одарёнейших из нас
не соблазнить надгробием в столице.

Здесь как-то всё родимей и светлей –
и плач звезды, и хохот непогоды,
и журавли над кротостью полей
понятны до сих пор без перевода.

И, выходя к берёзам на мороз,
легко согреться и душой, и телом,
поняв, что жизнь, увы, не без полос...
но всё же это – чёрные на белом.

* * *

А дальше – вера и стихи,
и вздох туда, где до заката
родного неба балдахин
над тишиной синее свято.
А дальше – вера и любовь
к земле, бескрайней и могучей,
цедящей благовест лугов
под вековую грусть уключин.
А дальше – вера в доброту

и в то, что, пусть не без греха мы,
но выюги лжи не заметут
путей к надгробиям и храму.
И будет наша длань щедра
и разум совести послушен,
пока нам жаждой серебра
не инфицировали души;
покуда мы ещё сильны,
наперекор звериной воле,
недобиваемой страны
непродающеюся болью.

* * *

Рыдать мужчине зрелому к лицу ли?
Но под вскруживший комнату мотив,
сынишку на руках держа, танцую
и плачу, вдруг о детстве загрустив.

Как мама эту музыку любила! ...
И вот, связав сердца и времена,
какая-то магическая сила
созвучьями пленяет шалуна –

затих и внемлет, как, скользя по плёсам,
журчит рояль, а в кроны брызжет медь,
но, видя на щеках у папы слёзы,
теряется, готовясь зареветь.

Мой умненький, ты только не смущайся:
всё дело в том, что я не знаю сам,
то – небо ли растрогалось от счастья,
иль скрипки резанули по глазам.

* * *

Укатит грейдер-скарабей
комки обугленного марта, –
и вздрогнет порт, зубря, как мантру,
часы отправки кораблей.

Пойдёт могучая вода,
разгонят кровь лесные корни.
И грёзы гулкой колокольни
помчатся чайками туда,

где кто-то с пристани сойдёт
в своё стрекочущее детство,
чтоб, словно в зеркало, взглядеться
в cedящий душу небосвод;

чтоб в уши ветру прокричать,
слепящий мир вдохнув до боли:
«За что мне это вот раздолье,
откуда эта благодать?»

И гнать моторку на авось –
пока несёт строка живая, –
по дрожи рифмы узнавая,
что это – сердце разлилось.

СВОБОДА

Нажвачкались, хватит! Чума на Уолл-стрит,
на фабрику странной свободы,
во имя которой Мамона вострит
топор на умы и народы!
Лишь где-то препоны – в мгновение там
лазурь превращается в хаки
и снайпер шуткует по двум сторонам –
бесхитростен почерк маньяка.
Повержен диктатор – один и другой,
да только не выискать брода:
где слёзки текли, там кровища рекой –
да здравствует Молох свободы!
На бирже стерильно, и в Бога, кажись,
там верят, но вот невезенье:
чем ниже по курсу правдивость и жизнь,
тем круче имперская зелень.
Тахриры, майданы, а что впереди,
кем завтра закусят уроды?
Дай мужества, Господи, освободи
от пахнувшей рабством свободы!

Натан Солодухо,

*российский философ, поэт, прозаик, художник,
член Союза писателей Республики Татарстан
и Союза Российских писателей*

МОЛЧИТ ПРИСКОРБНОЕ НИЧТО...

ДВОЕНИЕ

Когда из ближней параллели
миры незримые пробьются,
и тени сущностей на деле
кривым пространством изогнутся;
когда вселенная, увы,
без разрешения ветвится,
и это видно даже в лицах, –
не замечаете лишь вы.

Когда пугливая Луна
восходит дважды – раз за разом,
и тошнотворная волна
меня преследует, зараза!
ночные звезды, как клопы,
ползут, все время размножаясь,
и люди, выйдя из толпы,
в меня влезают, раздражаясь;
когда все контуры домов
давно в повторном обрамленьи,
и у водительских умов
наехать на меня стремленье;

когда направлен от ворот
назойливый мотор терпенья.
а из-под ног водоворот
раскрытых веером ступеней...

И кубистический портрет,
зеркальный, в раме отразится...

Так вот – причины в том секрет:
Ковид в глазах моих двоится.

ПОДЛУННЫЙ «ШЕКСПИРОВСКИЙ СОНЕТ»

Опять вплетусь в земную карусель,
когда Луну пятнистую покину.
И командор запросит: «Как ты сел?», –
ответчу «как всегда» под пантомиму.

И вот, границы ада одолев –
пройдя круги смертельных радиаций,
и в капсуле огня не околею,
спущусь в сады бушующих акаций.

Ответчу на вопрос «быть иль не быть?»,
калитку отворив в заветный дворик;
трубить фанфары будут и в литавры бить –
не скажут селениты «бедный Йорик ...»

Другой беды нет, есть одна беда:
не в Землю быть зарытым навсегда.

БЫТЬ ХУДОЖНИКОМ

Если ты был рожден, чтобы водку не пить,
И семьей принужден лишь законы долбить.
Если руки в цепях, если мысли – в поклон,
Значит ты от искусства совсем отчужден.

Если смотришь на небо и видишь лазурь,
Если охра на хлебе и кадмий в глазу,
А под утро цветастых видений не счесть,
Значит, в генах отметина божия есть.

Если рядом с моделью спадаешь с лица,
Но стоишь у мольберта, как черт, до конца,
Если сердце от красок краплагом горит,
Значит, это художник в тебе говорит.

Если снова не признан ворчливой толпой,
Долго бродишь, как призрак, в припадке – шальной,
Только тянет магнитом к этюдам присесть,
Значит все же осталась надежда на лесть.

Ну, а сгинешь нежданно, и скажут «ушел»,
А потом о картинах: «Писал хорошо ...».
Если вспомнят не раз и поставят в пример,
Значит, был ты Художник и был пионер.

Скажи, как пишутся стихи?
– Они не пишутся.
Стихи даются за грехи
И тяжело движутся:
Они вползают в мысль и речь
Вины признанием.
Стихи приходят тайной встреч
И наказанием ...

Они корёжятся внутри
И долго мучают:
Не выскажешь по счету «три»
Их ради случая.
Когда мелодия стиха
Почти проявится,
Еще пульсируя, строка
Во мне корявится.

Одна строка с другой строкой
Никак не сложится,
И потеряется покой
И занеможется.

А сбросить их уже нельзя –
Со всею зримостью
Неразрешимостью грозят,
Невыразимостью.

Мои стихи – мои враги –
 Начнут обшаркивать,
 И две строки из-под ноги
 Пойду вышагивать.
 Из полуснов и полуслов
 Нагромождения,
 Все превзойдя, произойдет
 Стихов рождение.

Мне говорят, что устарел:
 «Замшелый ты – «силлаботоник»».
 Да, я – инертный менестрель,
 И строф серебряных поклонник.

Да, мне милее рифмовать
 Старорежимно: «правы» – «браво»,
 Чем с постмодерном флиртовать
 И растекаться «ртутной» лавой.

...чем без начала и конца...
 С заглавной стану строить строчку
 И в запятых, как в праотцах,
 А в завершение ставить точку.

КОСМИЧЕСКОЕ ОДИНОЧЕСТВО

К Земле прижат и влит спектрально
 в рукав галактики спиральной.
 И я, прикрученный к Земле,
 в ночном экстазе рвусь наружу
 и не могу туда сквозь стужу,
 в пространство, скрытое во мгле.

У хвои елки новогодней,
 как в детстве, как тогда... сегодня
 я –засыпающий малыш,
 заплаканный и позабытый,
 в гирлянду звезд цветных завитый,
 укутанный в ночную тишь.

А там, над крышами и выше,
необозримый Космос дышит
и, возвышая звездный лик,
глядит, безмолвен и неведом,
туманным глазом Андромеды –
спокоен, вечен и велик.

ФИЛОСОФИЯ НЕБЫТИЯ

Небытие – всему начало,
Всему основа и конец –
Таит ничто как образец
Бескрайнего в безмерно малом.

И вот мятежное всегда
Небытие переродилось,
Тогда материя явилась
Из ничего и в никуда.

Взошли гигантские миры,
Ничтожное покинув чрево,
Цветут и множат жизни древо
По правилам ничьей игры.

Галактик пенных кружева
Сквозь мрачный вакуум прорастают,
И миллиарды звезд блистают...
Вселенная собой жива.

Но все, с чем бытие на «ты»,
Блестит и меркнет фейерверком,
И призрачно по fatum-меркам
Нисходит в бездну пустоты.

Всевластен плен небытия:
В нем тот, кто нынче не родился,
И кто вчера со смертью бился.
Там завтра должен быть и я.

Молчит прискорбное ничто –
Извечный океан без меры,
Terraincognita без эры.
И неразменно ни на что
Это великое Ничто.

ОНТОЛОГИЯ НЕОДНОРОДНОСТИ

Не добрый Бог, не Рок надменный,
Не мировая сверхприродность –
Смерть и рождение во Вселенной
Несет в себе НЕОДНОРОДНОСТЬ.
Она, как спутник неизменный,
В структуре всех систем таится,
Она – зародыш перемены,
Едина, но и многолица.

Смотри: галактики рождение
Начнется там, где выше плотность.
Где неустойчивость в хождение,
Там всходы даст неоднородность.

И дождь, и снег, и град – все в целом
Итог былинки чужеродных,
Проникших внутрь и ставших центром
Рождений в облаках холодных.

За слоем слой – произрастал
Кристалл из недр растворов водных...
Но вот разрушился кристалл,
Как рос – в местах неоднородных.

В цепочке бранных флуктуаций
Животных жизнь возможной стала,
Скрывая стойкость популяций
В неоднородности состава.

Среди людей злодей и гений
Погубит или спасет народность,
Заглушит – разовьет ученье.
Тот и другой – неоднородность.

Мир и красив, и безобразен –
Пучина качеств в нем безмерна.
Исток его разнообразья
В неоднородности, наверно.

В рождении и разрушение
Людей, животных, камня, слова
Ищу основу всех свершений

И возвращаюсь снова, снова
К тому единому решению:
Неоднородность их основа.

Уж если мысленно проникнуть
Желаешь в тайную природность,
То надо к правилу привыкнуть
Искать во всем неоднородность.

ЧЕЛОВЕКУ НУЖЕН ЧЕЛОВЕК

В космосе промерзлом, словно в Заполярье,
В поисках сакрального делаем «забег».
Сверху слышим: «Ищете? Или догоняете? –
Знайτε: Человеку нужен человек».

В это мы не верили как в исповедальное:
Землю мы покинули – свой родимый берег.
Рвались в запредельное – открывая дальнее,
Ближе становился бранный человек.

В «альфах и центаврах» не нашли приятелей.
Норами изрыли не один парсек –
Но никто не высказал нам лицеприятного:
«Ждем, вас, не дождемся: нужен человек».

В гонке ли за истиной? Может быть, за лаврами? –
Свой давно растратили неразменный чек.
Так тверди старательно, с верой и литаврами:
«Человеку нужен – только человек!»

.....
Кажется, проехали – мы не в той галактике:
Вновь ошиблись адресом, да и тот ли век?
Что-то мы нарушили – слабоваты в тактике,
В главном лишь уверены: *Нужен человек.*

ПУШКИН

Вольной русской речи
Катится река.
Александр Сергеич,
Я – издалека.

Знаю из рассказов,
Писем и картин:
Вы – голубоглазый
Смуглый господин.

Воспеватель воли
И дитя до слёз
В русом ореоле
Вьющихся волос.

Пишут, что не шибко
Рослый – пять вершков.
Но хронист ошибся:
Вы на сто голов
Выше даже века,
Смявшего звезду...
Вот сирени ветка,
Как у Вас в саду.

Стало быть, пригожий
Этот райский сад
Оказался горше,
Чем Дантесов ад.

Не сломала срока
Магия камней:
Подчинились року
Ваши семь перстней.

Там, от Чёрной речки,
Обжигая лёд,
Вольной русской речи
В жилах кровь течёт.

Галина Булатова,
*поэт, переводчик, редактор, издатель,
 член Союза писателей Республики Татарстан
 и Союза российских писателей*

ВОЛГА, ВЯТКА, ОКА И КАМА...

ВОЛГА, ВЯТКА, ОКА И КАМА...

Волга, Вятка, Ока и Кама – вот четыре родных сестры.
 Между этими берегами пращур мой разжигал костры.
 Волховал, приготовясь к севу, и поглаживал оберег,
 Чтоб вовек родовое древо пило воду из этих рек.
 Чтобы бьющийся слева бакен направлял бы уключин скрип,
 И горел бы огонь прабабкин и прадедов на спинах рыб.

...Начинала цвести ясколка, разливался в лугах апрель,
 Лучше няньки качала Волга лодку – мамину колыбель.
 Знали слово «война» с пелёнок, но хранил беззащитных Бог,
 И от «воронов» да воронок он судёнышко уберёт, –
 Только омуты да стремнины, но недаром родня ждала:
 Скоро доктором станет Нина, будет новая жизнь светла.

...Вечный зов соловьиной Вятки, зачарованный край отцов:
 Здесь писал угольком в тетрадке душу русскую Васнецов.
 Здесь грозила судьба расстрелом в сорок первом за колоски...
 По сестрёнке, навеки в белом, плакал Ванечка у реки...
 И остались они живые, целых пятеро, мал мала...
 Славный врач из Ивана выйдет, будет новая жизнь светла.

...Первый скальпель, уколы, грелки и родительский непокой:
 Это я родилась на Стрелке, между Волгою и Окой.
 Если есть у свободы запах, это запах родной реки.
 Напиши-ка, смеялся папа: *наши с Вятки-де вы с Оки.*
 Вслед за мамою *ехал Грека через реку, а в реке рак,*
 И молочными были реки, и кисельными берега...

Утка в море, хвост на заборе, Волга зыбает корабли,
 В Жигулях Жигулёвским морем нарекли её журавли,
 Натянув тетиву рассвета на Самарской Луки изгиб, –
 Это красное пламя ветры зажигают на спинах рыб,
 Это посвист далёкой Стрелки, что почувствовал печенег
 По вибрации крупных, мелких – всех впадающих в Каму рек.

«Ты – река! И теперь ты – Кама!», – крикнут белые берега.
 Может, это такая карма? Может, это одна река?
 Может, это игра течений? Может быть, по воде круги –
 Многоточия изречений той одной, родовой реки?
 ...Волга, Вятка, Ока и Кама, – и щепотью ведомый перст
 На груди четырьмя штрихами, как судьбину, выводит крест.

ЕЛАБУГА

*Рахиму Гайсину,
 Эдуарду Учарову,
 Евгению Морозову*

1
 В Елабуге сердце ищет
 Сокровища древних лет...
 Над Чёртовым городищем
 Звезда прочертила след.
 Безжалостный день вчерашний
 Под корень крошит века,
 Но крепкою пломбой башня
 Стоит на горе пока.
 А всадник на лобном месте
 Поводья зажал в горсти.
 Над Камою полумесяц
 Подковой в ночи блеснит.

2

Елабуга, ты запала
 В меня белизной берёз.
 Часовня Петра и Павла
 Ослепла от долгих слёз.
 На серых камнях дорожек
 Рябиновый бьётся след.
 Приводит сюда прохожих
 Марины нетленный свет.
 Отцовыми именами
 Сроднились навек с тобой.
 Позволишь ли между нами
 Тебя называть сестрой?..

3

Елабуга, муза марта,
 Пролеска грядущих дней,
 Высокая песня барда
 Летит из груди твоей
 За дверь университета
 И выше кирпичных стен –
 Туда, где кричат поэты
 На вымученном листе,
 Где Шишкин кистями сосен
 Расписывает пейзаж...
 Елабуга, сколько вёсен
 Возьмёшь ты на карандаш?..

ЙОШКАР-ОЛА

Шатры йошкар-олинских площадей,
 Скользящих за бортами у ладей,
 Качает венценосная Кокшага.
 О, здесь такая плотность красоты,
 Что сделать от креста и до звезды
 Нельзя без удивления ни шага.

Взойди на полукружия мостов:
 Фламандии повсюду слышен зов.
 И красный город – в каждом сердце мара.
 Забудь о вечном, помни о тщете.
 А белый лось в лазоревом щите
 Несёт золоторогую тиару.

Жива царь-пушка сытостью ядра,
А Пушкин – царским росчерком пера, –
Бери всё царство, скромный описатель!
Смотри на мир с курантовых высот,
Где ослик Богородицу везёт
И, может, не одну её спасает.

И всё же кто вы, жертвенный народ? –
Чавайн устами вашими поёт,
Потомки первобытных землекопов,
Хранящие в застенчивой крови
Священный свет природы и любви,
Последние язычники Европы.

НА ТРИСТА ДЕСЯТОМ – В ЗЕЛЁНУЮ ЗОНУ...

На триста десятом – в Зелёную зону,
Где бродят стадами дубы, как бизоны
И где от рождения сосны-сестрицы
По русским шелкам вышивать мастерицы,
Где тычется мордочкой рыжий осинник
В лазурное блюдо с каёмочкой синей
И, глядя за Волгу на многие тыщи,
Всегда на коне неуёмный Татищев.

Не здесь ли, в скрижалях зелёного шара,
За землю сшибались до неба пожары?
И ахали сосны, хватаясь за выи,
И с рёвом валились дубы вековые,
И тщетно спасаясь от лапиц пожара,
Босые берёзы бежали, бежали...

На триста десятом – в Зелёную зону...
Печальнее не было в жизни сезона:
Считайте – сухие шевелятся губы –
Кресты из сосны и надгробья из дуба.
Но их, вековые следы пепелища,
Не видит смотрящий за Волгу Татищев.
О, если бы, если б татищевский бог
Тогда обернулся – и нас уберёг...

НЕЖНОМУ НИЖНЕМУ – ИЗ КАЗАНИ

Скоро зима. Я давно безнадежнейший мистик:
Всё превратится в золу и рассыплется в прах.
Снег с аппетитом глотает зелёные листья –
Те, что ещё не успели увянуть в садах.

Но ведь и я ничего рассказать не успела –
Осень в своей кочегарке поэзы сожгла...
Жёлтый, зелёный и красный венчаются белым,
Господи, как же корона твоя тяжела.

Пухнет земля, прирастая опавшей печалью, –
Плотью и кровью кленовой, костями ветвей.
Всё породнится с подземною речкой Почайной
И обернётся ночью Покровкой твоей.

Мир, златоустым и трепетным некогда слывший,
Сжался сегодня до вороха жалких листов...
Колокол нашей Варваринской будто бы слышал
Нижегородской Варварской потерянный вздох...

Рисунок Н. Солодухо

Светлана Летяга (Кашеварова),

поэт,

член Союза российских писателей

СКВОЗЬ МИЛЛИОН ОТТЕНКОВ СЕРОГО...

Василию Шукшину

Стакан наполовину полон или пуст –
о том философы ломают копья. Пусть...
Всё это слов искусная игра.
Посуда мелкая в России не в чести:
уж пить – так вёдрами, а лить – как из ведра,
да с полными дорогу перейти!

Любить, как на вечерней на заре
купает лето сосны в янтаре...
А в час урочный рубануть с плеча,
сметая всё, что встало на пути.
И, чтобы унесла тоску-печаль,
букашку малую с ладони отпустить.

Что нам стаканы да мензурки!
 Что нам канканы да мазурки –
 от русской «Барыни» заходятся меха!
 Душа поёт...
 Чужой, её не трогай –
 ей без того два шага до греха.
 Да шаг до подвига.
 И только миг – до Бога.

* * *

Не рыком пуган и не лыком шит,
 имеет и коня, и кол, и двор,
 а для работы (или для души)
 за поясом – сверкающий топор.

На праздники – рубаха в петухах,
 горсть пряников смешливой детворе.
 И в ласковых мозолистых руках
 тяжёлый колос в поле на заре...

И крепок дух, пусть ноша нелегка,
 но в дерзких отражается глазах
 глухая, неизбывная тоска
 да красный угол в тёмных образах.

ДЕВОЧКА И ТРАМВАЙ

Неба дети, снежка набросав с облаков,
 убежали. Метлой
 снеговик недоволен – не в духе.
 Привереда! А впрочем, какое мне дело?
 Стынет ночь. Замаячил трамвай. Далеко...
 Там – тепло и светло,
 и не ждут пресловутые мухи
 нежной мякоти вашего белого тела.

Разомлев у окна, я останусь тут жить –
 ты, родимый, неси –
 не оттаять за две остановки:
 на шкале у меня, как всегда, минус двадцать...
 Дремлет тётя с билетной сумой: виражи,
 толкотня – не такси...
 И – воробушком – чудо в кроссовках
 тонким пальчиком «лю...» – на окне. Целоваться

так волшебнo впервые... Внезапно пойму,
что от этой любви
я летально завишу отныне:
ну же, девочка, ну! На ладошку дыши!
С каждой буквой тепло посылая – *ему*,
ты *меня* – оживи,
растворяя игольчатый иней.
И молю тебя – не выходи!
Допиши...

СНЕЖНЫЕ СОВЫ

Этой ночью белые совы,
опереньем – белее снега,
рисовали кругами небо,
облетая мой город сонный.
Но наскучило им – дозором,
и они свои крылья-шали,
раскуражась, разметали,
вспенив небо шальным узором.
И, ворочая головами,
удивлённые, вниз глядели –
там их перья к земле летели
расплетёнными кружевами:
обречённо и невесомо
тихо падали – ниже, ниже –
укрывая дороги, крыши
и скамью у немого дома.
И ещё были чьи-то плечи,
неподвижные и немые...

Во дворе – посреди зимы –
чья-то боль становилась легче.

Жара-а... Расплавленный автобус
развозит липкие тела.
У раскалённого стекла
обречена и таю, чтобы
себя доставить... Но куда?
И что за мука – эти лица!
Уйти. Уехать! Застрелиться!!!

И там воскреснуть, где вода
так нежно трогает колени,
где воздух – как из родника,
и в белом – смуглая рука...
И там – девчонкой, – от волненья
смеясь, кружиться на бегу,
влюбляться в лесенки крутые...
И в Вас... Неважно, что «на ты» я
пока решиться не могу.

Вдруг, не раздумывая, с Вами
в пустую улочку свернуть
и... в поцелуях утонуть,
едва разбавленных словами.
И под бессвязное «о боже...»
сойти отчаянно с ума,
вдыхая пряный аромат
вобравшей море тёплой кожи.

ВЕСНА

Подарила сосуд из тайны –
восхищался и гладил нежно.
Но однажды разбил. Случайно,
отодвинув на край небрежно.

И рассыпалась на осколки,
и дышать перестала – нечем.
Долго так умирала... Сколько?
Разве вспомнишь? Казалось, вечно.

...Всё течёт. Всё меняет формы.
Снова – небо. Улыбки рядом.
И соскучился старый двор мой,
и коты мне безумно рады.

Солнцем брызжет весна шальная!
Пью вздох сумасшедший воздух.
Вдруг:
– Ну, здравствуй. А я вот, знаешь?..
– Знаю. Поздно...

* * *

Хочешь,
я расскажу о полёте?
Когда стропы стали петлёй,
те,
что были должны спасти.
Вдох – и небо обнять руками!
Ничего, что под небом – камни.
Ты хотела летать?
Лети!..

Это как кипятком – на живое
или в грудь вчера – ножевое,
а сегодня –
ходи, дыши...
И улыбка – живая маска...
А когда нужна перевязка,
то садись и пиши,
пиши!

Строки выдохнешь – и отпустит...
И заполнится светлой грустью
воспалённых ночей разлом.
И, пока тишина под кожей,
ты зависнешь опять,
быть может,
где-то между
добром и злом...

* * *

Сергею Есенину и Борису Рыжему

«Пере-живём»,
словно «пережуём».
Кто-то выплюнет,
кто-то проглотит...
А кому-то будет мешать
в горле ком.
С ним ни жить, ни дышать...
Лишь взойдёт высоко
стих,
сгущаясь до крови и плоти.

Выпало им –
птицей раненой спеть
(мир услышит, но не поможет)
и уйти.
Не приняв этот мир,
всё простить...
Быть поэтом и в сердце
Россию вместить –
это жить на ветру
без кожи...

Во что-то веря, но не веруя,
сквозь миллион оттенков серого
и одиночество в сети
порою так безумно хочется
в том далеке, ещё без отчества,
себя счастливую найти.

Домой прийти смешной и маленькой,
снег принести в замёрзших валенках,
а на спине – следы снежков...
И улыбнуться, и зажмуриться,
вдохнув с дымком морозной улицы
волшебный запах пирожков.

А в горький миг, когда обиды ком,
нырнуть под одеялко-облако,
и, с головой зарывшись в нём,
уткнуться мокрыми ресницами
и рассказать ромашке ситцевой
о детском горюшке своём.

И утром, солнцем разлинованным,
что дарит нам надежды новые
и день – как с чистого листа,
проснуться от кота соседского
и замереть от счастья детского,
где жизнь прекрасна и проста.

Светлана Макашова (г. Самара),
*поэт, член Российского союза профессиональных
 литераторов, член РОО «Союз писателей Крыма»*

И ХОЧЕТСЯ МОЛЧАТЬ О СОКРОВЕННОМ...

ЖИЗНЬ ПО ПУШКИНУ

Я, как прежде, не верю в судьбу и не верю в проклятье,
 И для чувств, и для мыслей мне жизнь бесконечно мала.
 ...Босоногая девочка в стареньком клетчатом платье
 С книжной полки тихонечко Пушкина томик взяла.
 Зашуршали от ветра, согнулись, помялись страницы,
 Сквозняком распахнулась навстречу балконная дверь –
 Это детство по комнате в трепетном вальсе кружится,
 Сколько радости, счастья, задора – попробуй измерь!
 И смотрю я на мир через пыльных веков витражи,
 С каруселью времён, будто вихрем, кружась ежечасно.
 Вижу: милый ребёнок читает по Пушкину жизнь,
 И поэтому знаю, что всё в этой жизни прекрасно!

НОСТАЛЬГИЯ

Как жаль, что у меня нет вас!
Вас, пышных с кружевами платьев,
Вас, старых нянь и младших братьев,
Улыбки губ и блеска глаз.
Вас, старых правил ненавистных,
Седых, в пенсне, учителей,
Мечтаний, искренних и чистых,
В ночном саду пустых аллей,
Усадьбы, крови благородной,
Внезапных встреч, внезапных грёз,
Души, открытой и свободной,
Минутных радостей и слёз,
Вас, молодого офицера,
Чей страстный взгляд меня смутит,
И шума полного партера,
И грусти мелочных обид.
Балов, где скрипок пели струны,
Где танцевали до зари,
И Александр Пушкин юный
Мечтал, влюблялся и творил.
Мне не сидеть в беседке сквера,
В саду фиалки не срывать,
Не мучить взглядом кавалера,
Мазурку с ним не танцевать,
Но по губам скользнёт улыбка:
Увы, другие времена!
Судьбы нелепая ошибка –
Я веком позже рождена!

И ГРЯНЕТ ГРОМ

И грянет гром, и догорит свеча.
Всё это было раньше в мире бренном.
И хочется молчать о сокровенном
И не рубить, как водится, с плеча.

А глаз твоих сургучная печать
Клеймит моё истерзанное тело.
Я стала сильной, хоть и не хотела,
От ласковых ожогов сургуча.

Я выбегу под ливень без плаща,
Смывая пятна липких обещаний.
Я жгла свечу, смираясь и прощая,
А надо было лишь сказать «прощай».

И СНОВА В ОДУВАНЧИКАХ МОЙ ЛУГ

И снова в одуванчиках мой луг.
Как огоньки горят под образами,
Они повсюду – жёлтыми глазами,
Наполненными росными слезами,
Наивно и светло глядят вокруг.

Землёю стать любимым суждено.
Уйдём и мы. Всё это повторится.
И снова дождь омоет чьи-то лица,
И будут щебетать над нами птицы,
И пожелтеет снова луг весной.

У каждого свой ад и небеса.
И выбор сей случится неизбежно.
Не потому ль пронзительно и нежно
Следят за нами, чисто и безгрешно,
Любимых душ цветочные глаза...

НЕРАВНЫЙ БОЙ

Вновь диалог поведу с собой,
В зеркале видя фею.
Бой мой последний, финальный бой
Я проиграть не смею.

Платье, каблук, макияж, парфюм –
Все учтены нюансы.
Мой арсенал поражает ум,
И у тебя ни шанса.

Буду хорошей, плохой – любой:
Матерью, дочкой, гейшей.
В этом (неравном) бою с тобой
Пусть победит сильнейший!

Знаю, победа мне по плечу,
Опытна, уж не двадцать.
Но почему же я так хочу
Не победить, а сдаться???

... И утонула в твоих глазах,
Словно в иных Вселенных...
(Если бы раньше мне кто сказал,
Что не берёшь ты пленных!)

Взгляд их пронзительно-голубой
Вводит в подобье транса.
Я проиграла финальный бой,
И у меня ни шанса.

О ПОЭТЕ

Да что, друзья, мы знаем о Поэте?
О скорбных думах на его челе?
Его стихи – потерянные дети,
Что разбрелись, блуждая по Земле,
Его слова – израненные птицы,
Что взмыли к солнцу, крыльями шурша,
И в каждой буквы маленькой крупнице
Дрожит его звенящая душа.
Водовороты бурных лихолетий
Преодолев, он пел свободный стих.
Немало строк сложили о Поэте,
И он – Поэт – живее всех живых,
И путь его – благословлённый свыше,
Ведь, Богом поцелованные в лоб,
Стихи поэты не слагают – дышат
Стихами... Через мутное стекло
Промозглых будней рифма искрой брызнет,
И запыхают вмиг в сердцах огни!
Поэзия – она как образ жизни,
Который невозможно изменить.

ПОЭТЫ ДОНЕЦКОГО
РЕСПУБЛИКАНСКОГО
ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Игорь Лысый,

*поэт, член Союза писателей ДНР и Союза писателей России,
учредитель Донецкого республиканского отделения
СП России, член правления*

И СОЛНЦЕ РОДИТСЯ ДО СРОКА...

ЖД пути, как линии судьбы,
Скрывают поезда в туманной дали.
Ждут на перронах те, что опоздали,
И всё гадают – если б да кабы.

Уносит поезд разношёрстный люд,
Под стук колёс оставивших былое.
А где-то на окне грустит алое,
Как на мольберте брошенный этюд.

Постельное разносит проводник,
И свет в вагонах, задрожав поник,
И вечер ластится, как чёрный пудель.

Мелькают чёрно-белые полосы,
Как линии судьбы, как отголоски
Того, что было и того, что будет.

ДОНЕЦКАЯ ЗАРИСОВКА

Затихает нешуточный «гром»,
Вдаль неспешно бегут облака.
Мяч, качели и раненый дом,
Одинокий лежит самокат.

Девять лет, как малину с куста,
Проглотила злодейка война.
Нет грехов, книга жизни чиста,
Только жизнь, как из страшного сна.

На коленках следы от песка
(Непоседа, шалун, егоза...),
Непослушная прядь у виска,
Голубые, как небо глаза.

Тонкий лик и в прожилках рука,
Как на старых святых образах.
Вдаль неспешно плывут облака,
Отражаясь в открытых глазах.

ЛУНА ОТРАЖАЕТСЯ В ЛУЖАХ

Луна отражается в лужах
И думает: Солнцу подобна.
Но свет этот будто простужен,
Согреть никого не способен.
Плывёт между туч величаво
И гордо глядит на округу.
Мне птица в ночи прокричала,
Что рада, как близкому другу.
Ей так же, как мне, одиноко
Под светом холодным Селены.
А свет отражается в стёклах
Разбитой когда-то вселенной.
Осколки разбросаны в небе,
Но скованы тёмною силой.
И слышу я звёздные требы,
И вижу как гаснут светила.
Хоть свет от Луны слишком беден,
Но меркнут и очи, и звёзды.
Лишь ветер всё тянет свой бредень,

И туч собираются гроздья.
 Я жду, что за дальней аллеей
 Засветится небо с востока.
 Проснётся заря, заалееет,
 И Солнце родится до срока.

«ЗЕМНУЮ ЖИЗНЬ ПРОИДЯ ДО ПОЛОВИНЫ...»

*«Данте Алигьери
 «Божественная комедия»*

Земную жизнь пройдя до половины,
 Я очутился в сумрачном лесу,
 Без близких и друзей. На тонкой паутине
 Удерживаю смысл, фонарь в руке несу.
 Свет фонаря, вокруг сгущая сумрак,
 Пути не освещает, но огнём
 Отпугивает страх, а я благоразумно
 Ступаю не спеша, не думая о нём.
 Страх рядом, он со мной играет в прятки:
 То ухнет птицей, зверем закричит,
 То обдерёт, а то предложит взятки,
 То смертное пари со мною заключит.
 Лишь вера – мой фонарь неугасимый –
 Спасает душу в сумрачном лесу,
 И жизни смысл, порой невыносимый,
 Я всё же до финала донесу.

ОПОЛЧЕНЕЦ

Ртутью заплывло небо,
 Грудью ловлю свинец.
 Мне бы немного хлеба,
 Отсрочить чуть-чуть конец!
 Зря что ли жилы рвали
 Мы в неурочный час?!
 Мы не боимся швали,
 Нет её среди нас.
 Мы на переднем крае,
 А позади Донбасс.
 Всё, что вы здесь украли,
 Мы отберём у вас.

Ветер порвёт все флаги,
В глотках вскипит: УРА!
Дайте глотнуть из фляги,
Я доживу до утра!
Нашей земли ни пяди
Я не отдам врагу.
Бойтесь отмщенья, б..ди,
Покуда дышать могу!

ЗИМНИЙ РАССВЕТ

Не спится. Встану. Утро знатное. Пройдусь по сонному селу.
До горизонта темень ватная, лишь под ногами всё в «мелу».
Услышу лай собак обиженных, что с полусна ругают ночь.
И побреду к рассвету ближнему, гоня ночные мысли прочь.

Вот «покрывало туч» раздвинулось, освобождая синеву,
И небо под луной раскинулось, во всей красе, для randevu.
Зардел рассвет полоской алою, помятой лентой в волосах,
И солнышко, краюхой малою, вновь загорелось в небесах.

Открылась даль, деревья тёмные, вновь часовыми на посту.
И заскрипели брёвна сонные, от напряжения в мосту.
Вороны, кляксами чернильными, на домотканом полотне.
И дни, отбелены-отстираны, хрустят на стареньком плетне.

Анна Сыромятникова,

поэт,

член Союза писателей Донецкой Народной Республики

ЗА ХРУПКОЕ СЧАСТЬЕ ОСЕННЕГО ДНЯ...

Тишина в душе – полоской света,
Утончённым чувством Бытия.
Золотится в парках запах лета,
Остаётся в радугах заря.
Невесомость дней – в сердечных строках.
Ввысь лечу бесследно... –только так.
Все следы – в кармических уроках,
В строгих знаках линий на руках.

Космический ветер – мелодией в душу,
За хрупкое счастье осеннего дня...
Я шорохом листьев мир грёз не нарушу...
Я знаю с рождения, как греет мечта.
А осень смеётся на дальних высотах,
Весну приближая гармонией чувств.
Я выросла сердцем в сентябрьских широтах,
Чтоб строчкой коснуться высоких искусств.

Сюита капель. Дождь строкой.
 В запале мыслей дрожь по коже.
 В зигзагах чувств октябрь тревожней
 Закатов с огненной тоской.
 В хрустальном золоте берёз
 Концов теряются истоки.
 Прозрачной осени уроки
 Волнуют рыжий лист до слез.
 А дождь похож на тишину
 В своих набросках совершенства...
 Опять былых костров наследство
 Согрело осень, как весну.

СОВСЕМ НЕМНОГО ОБЪЯСНЮ В СТИХЕ

Я только малость объясню в стихе...

В. Высоцкий

Совсем немного объясню в стихе,
 Судьбу оставив в чащах междустрочий.
 Мир уложив в пределы многоточий,
 Спою без слов на новом рубеже.
 Необъяснима вечность на часах
 И теплых дней душевное сиянье.
 Жизнь так полна огня очарованья,
 Что замирает слово на губах.
 Стихом оставлю только плеск волны
 И листопад кармическим законом.
 Всё остальное – звоном колокольным
 И лепестками лунной тишины.

БЕЗВЕТРИЕ

Безветрие минут. Закат открытой книгой
 Ложится на мечты божественных цветов.
 Я пробую читать, но клонит в сон интрига,
 И в солнечных лучах понятно всё без слов.

Безветрие страстей... Вхожу в Любовь покоем.
 Сжимаюсь в океан творящих нежность грёз.
 Безветрие души. Но где-то за строкою
 Звонят колокола моих хрустальных слёз.

Владислав Русанов,

*поэт, член Союза писателей Донецкой Народной Республики
и Союза писателей России*

ПОЛЯ НАДЕЛИ МАСКХАЛАТЫ

АНГЕЛЫ ДОНБАССА

Маленький шахтёрский город,
пограничный с Россией.
Здесь
из окон пятиэтажки
небо такое синее.
Мальчик клеил из картона модели,
он мечтал в океане
водить каравеллы.
Он бредил парусами,
хранил портрет Колумба,
изучал такелаж, галсы и румбы.
Он остался под обломками
рухнувшего здания.
Украинский лётчик доложил
о выполнении
задания.

Самая обычная младшеклассница
знойным
луганским
летом
упрямо ходила в ДК,
занималась балетом.
Она крутила фуэте,
она стояла на пуантах,
легко различала аллегро и анданте.
Осколок прошёл навывлет,
когда по Камброду
отработали украинские
миномёты.

Он мог бы стать актёром,
врачом,
инженером,
шахтёром,
пилотом...
Просто парнишка ещё не определился
с будущей работой.
Он часто сбивал коленки,
ругался со сторожами,
прогуливал уроки,
иногда курил за гаражами.
«Скорая» не успела помочь
даже просто уколом,
когда он зацепил «растяжку»
по дороге в школу.

Первого сентября
они входят в райские классы
и садятся за райские парты.
Белые.
Ангелы.
Донбасса.

ДИКОЕ ПОЛЕ

Мы – дети Дикого Поля,
разбойничьей, злой удачи.
Мы малочувствительны к боли,
мы редко и скрытно плачем.

Несли нас пегие кони,
земля под копытом горела,
умели пустою ладонью
отбить печенежьи стрелы.

Теперь наши степи – пашни,
нарыты в них шахты-норы,
натыканы телебашни,
куда ни поедешь – город.

Теперь мы не головы рубим,
а рубим горячий камень.
Дымятся заводов трубы,
гремят и кузни, и станы.

Но войны степным пожаром
в начале нового века
пылают заревом ржавым,
и льются из крови реки.

Ни выкрики конной лавы,
ни поступь цепи пехотной...
Здесь делят виновных и правых,
на русских идёт охота.

Здесь снова до смерти спорят
селяне и рудокопы,
до пресного, мелкого моря
тянутся нитки окопов.

Попробуй пустою ладонью
отбить осколок снаряда.
И скачут пегие кони,
и степь, словно простынь, смята...

Попробуй не чують боли,
попробуй не видеть горя
в пределах Дикого Поля
у малосольного моря.

* * *

Поля надели маскхалаты,
вороний грай.
Глядят расстрелянные хаты
за неба край.

Торчат, чернея, дымоходы,
как в небо перст.
день ото дня и год от года
неси свой крест.

И ждут почти что без надежды
бойцы приказ,
который, получив депешу,
комбат отдаст.
И потекут, прорвав барьеры –
долой тоску!
рекой стальной БТРы
по большаку.

Поддержат братьев батареи
стеной огня.
Победа воинов согреет
к исходу дня.

Рванёт на всю, героев встретив,
гармонь меха,
И расцветут улыбкой стрехи
разбитых хат.

* * *

Когда в эфире, что ни час,
бурлит злословье,
покрепче зубы сжал Донбасс,
стоит несломлен.

Когда исчадий Сатаны
оскал кровавый,
и что ни день – кошмар войны
приходит в яви,

когда безжалостные дни,
и ждём мессию,
Россия, руку протяни!
Приди, Россия!

Но мы услышим рёв машин
и рокот траков,
и частой дробью калаши
поддержат драку.

Тогда российского орла
взметнётся знамя,
и в небе синем два крыла
плывут над нами.

Неудержимо на закат
волна победы
пойдёт, как много лет назад
шагали деды.

Людмила Гонтарева,

*поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей России,
Союзов писателей Луганской и Донецкой народных
республик, Межрегионального союза писателей*

ДО ВЕЧНОСТИ ТОЛЬКО МИГ

* * *

Эти умне мальчики с крепким словарным запасом,
Что бесстрашно в атаку рвутся всем смертям / всем чертям назло...
На груди – Че Гевара, в наушниках – «Сектор газа».
Пуля-дура – понятно: случаймо опять повезло.

А затем – ренессанс тоски и триумф бессонниц.
Безутешной рыбой становится вдруг песок.
Ни елейный тон, ни надрывный хор богомолиц
не уменьшат боли. И снова вишнёвый сок

на седом снегу. И опять беспощадна память
для солдат, что в небесном / земном строю своём до конца.
На ладони – жизнь. Остаётся взлетать иль падать,
погружаясь в облако страсти / печали /
забвения / веры / свинца...

* * *

Боже, раскрой над домом моим синий зонт небосвода
и слезы смахни с окон-глаз радуги полотенцем.
Тот материк, где я есмь, открыто встречает восходы
и провожает беспечно составы со станции детства.

А писем не стоит ждать: листовками листопада
кружится моя печаль, чтобы заполнить сцену.
Есть вечера светлый час, когда ничего не надо.
Над миром царит покой –тих, одинок, бесценен...

До Вечности только миг. Качаются занавески.
Негромкий огонь свечи ещё вдыхает мой голос.
И беспокоит лишь взгляд мальчика с древней фрески,
Что под прессом времён морщинами раскололась.

* * *

Лечь в траву и закрыть глаза.
Вжаться раной открытой в почву.
Снились алые паруса.
Оказалось – земля кровоточит.

Тих Господь... Только Он с креста
видел мир без прикрас и фальши.
Ветер укусом жёг уста,
шли иуды победным маршем.

Сквозь меня прорастёт трава.
Мир с войною в хмельном застолье.
Мы теряем в бою слова,
Чтоб разлиться немой болью...

* * *

Спаси вас Бог, мои друзья,
разбросанные по планете.
Сегодня на планете – ветер.
И о прогнозах вслух – нельзя.

Храни Господь вас всех простых
и сложных, громких и молчащих.
Пусть в Палестинах ваших чаще
Рождается крылатый стих.

Поверьте мне: я помню всех,
легко даривших смех и слёзы,
рифмосплетений передозы
и тишь в эфире средь помех.

Так хочется порой стереть
свою нечаянную память,
чтоб горький груз потерь оставить –
чтоб не позволить вам сгореть

от тонкостенной острой боли
за то, что вы всегда в ответе –
за мир в доме и белом свете,
за игры на чужом престоле,

за то, что (трудно взять мне в толк)
мы в разных оказались стаях...
Твержу, страницы лет листая:
Храни вас Бог, храни вас Бог...

* * *

Мне снился сон: зима, босые ноги,
Расхристанный ветрами Петербург;
там вечный снег разлёгся на дороге...
Дом, лестница, перила, небо... Вдруг –
я вниз смотрю. А там – дворы-колодцы;
и стук копыт, и Невский – за углом...
Который год – январь, и нету солнца.
И в битве столько наших полегло
за золото сентябрьского разлива,
за звонкую весеннюю капель...
Я календарь листаю торопливо:
зима, зима, зима... забыт апрель –
расстрелян был в октябрьском переулке.
Я вниз смотрю. Я вижу сон: разбит
весь механизм часов. И только гулкий
на колокольне звон... Спас – на крови...
Легчайшим пёрышком на землю – время...
Морозный воздух чист и невесом...
Слова молитвы снегопад прогрели –
возможно, будет март... Мне снился сон.

Виктория Семибратская,

поэт, член Союза писателей ДНР

и Союза писателей России

ПЕЧАЛЬ И НЕЖНОСТЬ

Я СЛЫШУ ПРИБЛИЖЕНИЕ ГРОЗЫ

Я слышу приближение грозы
Сквозь тишину безоблачного рая.
Блеск молнии от края и до края –
Невидимый неистовый призыв.
Осипли в напряжении часы,
Отсчитывая прошлого песчинки.
А в будущем пророчат поединки.
Прощания недолги и легки.
Дыханье непогоды давит грудь,
Истома овладела мыслью прыткой.
Прибоя гром за маленькой калиткой,
И бездны мрак беснуется. Шагнуть
Тебе навстречу в тёплый бархат рук,
Обрушится небесная стихия.
С тобою мы святые несвятые,
Оправданные тысячей разлук.

НЕ БОЙСЯ, Я ТЕБЯ НЕ РАЗЛЮБЛЮ

Не бойся, я тебя не разлюблю,
Моё тепло не знает расстояний.
Не в будущем, лишённом очертаний,
Здесь, в настоящем, каждый миг ловлю.

В моих мирах приручены ветра,
Шторма не давят грудь девятым валом.
Чего греха таить, они бывали,
Бескрылая тоска вещала страх.

Долой оковы самости и грёз!
В разбитом сердце грани совершенства –
Вселенной бесконечное блаженство,
Печаль и нежность одиноких звёзд.
Не бойся, я тебя не разлюблю...

Ирина Горбань,

*поэт, писатель, публицист, член Союза писателей ДНР
и Союза писателей России*

КОЛОКОЛА

МАНДАРИНЫ

Он крыл их трехэтажным матом (с),?
Уткнувшись в грязь,
А кровь, на вкус солоновата,
Лилась.
И нет бы каплями, по йоте,
Чтобы не вся,
– Ну вы, ребята, блин, даёте!
Мирняк гася.
Он умирал не у окопа,
Не генерал,
Старик лежал с пучком укропа
И умирал...
Трещали вдребезги витрины,
Кричал народ,
Рассыпанные мандарины
Кто подберёт?
А цитрус, истекая соком,
Гранитом врос
В Донбасс
(со стороны востока),
В охапки роз.
И крыли трехэтажным матом
И стар, и мал,
Вокруг – старухи, не солдаты –
Всех наповал...
Живые горюшко хлебали,
Обняв тела,
И долго-долго не смолкали
Ко -
Ло -
Ко -
Ла...

МОЛИТВА О БАБЕ ЗИНЕ

То ли чётки в руках, то ли бусы,
То ли шепот её, то ли крик,
Бабе Зине ноябрь улыбнулся,
Лучик света из тучи возник.

С новой силой под шарф проникая,
Обнимает ноябрь холодком,
И наотмашь – колючая капля,
И по нервам – убийственный гром.

Каждый день ощутимей предзимье,
И слышнее снарядов полёт...
Я тихонько шепну бабе Зине,
Пусть еще на земле поживёт.

Пусть погост, от войны ненасытный,
Простоит много лет без неё,
Пусть еще почитает молитвы
С бабой Зиной моё старичьё.

Пусть родные просторы ковыльи,
Словно бабий морщинистый лик,
Под окопы лопатой изрыли,
Превращая дорогу в тупик.

Оберегом, молитвой, крестом ли
Сохранить родниковую стынью...
Баба Зина поёт до истомы
Не убитую «градом» Псалтирь.

ШАФРАНОВЫЕ МЫСЛИ

Юлии Погорельцевой

Чайной ложечкой, словно меркой,
Измеряю рассвет шафрановый:
Вон кукушка над этажеркой
приумолкла. И это странно.

Странно видеть в окне, за шторой,
голосающих с утра кузнечиков,
А поодаль – собачью свору,
И молочницу – бабу с глечиком.

Потихонечку, шаг за шагом,
В дом крадётся тепло воскресное,
Кто-то пенделя дал дворнягам -
тишина разразилась треском.

Глечик – с грохотом, крик кукушки,
Этажерка качнулась, скрипнула...
Всё испортили залпы пушки,
И молочница в страхе вскрикнула.

А рассвет за окном – шафраном,
И кузнечики оголтелые.
Я сегодня проснулась рано
не седая, а просто белая...

ЧЕРНОБРИВЦЫ

Я хотела бы проснуться в постели,
потянуться у окна, выпить чаю,
чтобы в вазе чернобривцы пестрели,
нет, я кофе бы хотела вначале.

А потом бы на балконе курила –
не шумите, что курить не умею,
в телефон о чем-то бы говорила,
ну, конечно, о несносном апреле.

Я хотела бы уехать подальше,
То ли к морю, то ли просто уехать,
на гитаре бы играла без фальши,
пусть фальшиво, но друзьям на потеху.
Только нет меня в изменчивой сфере,
На земле остались только молитвы
Да букетик чернобривцев у двери,
Чудом выживший в пожизненной битве.

Лилия Полшкова,

поэт,

член Союза писателей Донецкой Народной Республики

И МОЛЧАЛИ НЕБЕСА

ОН ЛАСКОВ ДНЁМ

Он ласков днём, но слишком сдержан к ночи,
ещё любовь он пробует на зуб.
То хрусткой мякоти черешневой захочет,
то утопает в розах среди клумб.
Июнь в Донецке – юноша влюблённый!
Ещё бы – разбегаются глаза!
У горожанки номер телефона
спросить бы, да не знает, как сказать,
что третью ночь дежурит у подъезда,
для серенады нанял соловья.
Что от её волнующего жеста
куда-то из-под ног скользит земля.

ВИШНЁВЫЙ ВАРЕНИК

Я настолько мала,
Что, похоже, ещё не хожу
и стою в перевёрнутом
ножками вверх табурете,
(вам манежи такие не снились,
любезные дети!)
а в руке-то огромный
вареник вишнёвый держу.
Это счастье рубиново-сладкое
тает во рту!
Это память из детства
мне тёплый привет посылает.
Я чуть позже узнаю
как горько на свете бывает,
а пока ем вареник,
гулю, улыбаясь, расту...

ТОМ

Переминаясь у подъезда,
топтался кот по кличке Том.
Он года три как стал тут местным.
Откуда взялся, если честно,
никто из нас не знал о том.

А небо хлюпало устало.
Не разберёшь: то снег, то дождь.
И я: – «Поешь», – коту сказала.
Пока он ел, оберегала,
зиме грозила: – «Не возьмёшь!»

– А помнишь, Том, соседка Света
тебя в деревню увезла?
Там дом и сад, и вдоволь места,
и настоящая невеста
тебе котят бы родила.

Но ты вернулся! Две недели
Блуждал по трассе, исхудал.
Мы откормили еле-еле...
Неужто не жалел доселе,
что не остался там тогда?

– Оно, конечно, на постели
куда приятней кончить дни.
Но я ж на службе! В самом деле,
чтоб Вы душой не очерствели,
приставлен ангелу сродни...

И МОЛЧАЛИ НЕБЕСА

Снег с дождем, зима с весной,
Кровь с землёй, мольбы, проклятья...
Вечный бой добра со злом.
Правых нет и виноватых.

Только крошево стекла,
Только месиво бетона.
Больше силы нет в словах.
Всюду ругань, крики, стоны.

Все равны, к земле прильнув:
Врач, учитель, мать, дитя
И солдат, что на войну
Восемь лет ходил на брата.

Переполнились глаза
От отчаянья слезами,
Но молчали небеса...
«Разбирайтесь, братья, сами».

Рисунок Н. Солодухо

Михаил Афонин,

прозаик, поэт, литературный критик, редактор,
член Союза писателей ДНР и Союза писателей России

НО МЫ ОСТАНЕМСЯ, КАК СТРАЖА

ДЕВЯТАЯ ЖИЗНЬ

Я старый окопный, потрёпанный кот.
Хромаю, скачу на трёх лапах.
Я тот, кто с солдатами рядом живёт,
И сам называюсь солдатом.
Стою на довольствии, хлеб с тушнякам
Свои для меня не жалеют.
Ещё я с комбатом немного знаком
И даже считаюсь главнее.
Бывает, с ребятами песни пою,
Бывает, что на бэтээре,
Под выстрелы лезу в жестоком бою
И в нашей победе уверен.
А что на трёх лапах, так то – не беда
И жизни моей не помеха.
Бандеровский снайпер играясь, видать,
Её отстрелил мне для смеха.
Недавно и в танке пришлось воевать.
Вот это, скажу вам, машина!
Наводчик орал: «Ах вы, чтоб вашу мать»,
Им можно при мне, я – мужчина.
А в общем – живу. Вот сейчас подремал.
Чихать, что не стану белее.
Свои восемь жизней уже потерял.
Девятую – не пожалею.

РАЗГОВОР С СЫНОМ

Поверь мне, сын,
Пройдёт немало лет,
Пройдёт немало зим,
Поймёшь, что ты – мой лучший в жизни след.
Живи, звездой храним.

Свой город роз
Я подарю тебе.
Пусть он растёт с тобой.
Поверь, Отчизны не бывает две.
Иди одной тропой.

Ты этот мир
Откроешь, будто дверь,
Шагнёшь к своей любви.
Послушай, сын, и снова мне поверь:
Ярмо и цепи – рви.

Наступит день,
И мой придёт черёд
Вдохнуть последний раз.
Тебе, мой сын, в наследство перейдёт
Дом, Родина, Донбасс.

НАМ СМЕРТЬ ПРИДУМАЕТ НАГРАДЫ

Нам смерть придумает награды,
Кому гранит, кому полынь.
Но будут дни и будут даты,
И будет лес, поля и синь.
Подруга будет, что заплачет,
А может – друг, что рядом шёл.
И будет много разных всячин,
И на поминках разносол.
И будет жизнь, и пусть не наша,
А мы как будто не при чём...
Но мы останемся, как стража,
С живыми жить к плечу плечо.

КРАСНО-СИНЕЕ

В синем небе белым кажется
Прошлых жизней след расплывчатый.
Самолётов сталь бумажная
Для забытых и забывчивых.

Синим – буквы о прощении,
Красным – буквы о прощании.
Осень жизни в отражении,
Тихий голос с придыханием.

Опоздали самолётики,
Прилетели не по адресу.
Красным – сердце на блокнотике.
Синим – имя в форме паруса.

Написали и не вспомнили.
Потеряли – не заметили.
Паруса накрыло волнами
И прошло сорокалетие.

Остаётся только маяться
И не спать, как будто чокнутый.
Красным – туфельки и платице.
Чёрным – после перечёркнуто.

ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ
«ЗЛАТОУСТ»
Г. КАЗАНИ

Сергей Губанов,

*поэт, член Литературного объединения «Златоуст»
г. Казани*

ВСЁ БЛЕДНЕЙ ЛУНЫ КРАЮШКА...

Как звёзды над «Дорогой славы»
Той, что ведет за облака,
Сиять вы будете, пока
Мы помним вас: в тот бой кровавый
Твоя не дрогнула рука
Одной единственной гранатой
Ты танк сумел остановить,
Как никогда хотелось жить
В тот миг, ты знал какую платой
Тебе приходится платить,
И ты сдержал тот натиск грозный,
А сам осколком ранен был
И угасал сраженья пыл,
Но в этот час – последний, звёздный,
Ты всех живущих пережил.

И ни взмаха весла, и ни плеска волны,
Стих гудок и короткий, и долгий,
И баюкает ночь разноцветные сны
На зеркальной поверхности Волги.

Отражение звёзд от великой реки
Разливается мягким свеченьем
И надежду вселяя, горят маяки,
И спокойнее мыслей течение.

И от месяца – лунного полуколыска
По воде побежала дорожка.
И под властной и чистой рукою Творца
Дремлет ночь, словно черная кошка.

Танец ярких рекламных огней
На фасадах ухоженных зданий
И холодный, мерцающий свет
В отраженьи зеркальных витрин,
И радушие тихих аллей:
Что ещё вам сказать о Казани? –
Старый сквер и широкий проспект.
Я люблю этот город таким.

Я люблю его древним, седым
И доверчиво юным весною,
Скрип калитки и ветхий навес,
Покосившийся дом на углу.
Супермодным люблю, молодым,
Убаюканным волжской волною
И зарёю – румянцем небес,
Освещённым для нас поутру.

Где вороном тьма опустилась на крышу
И вечность застыла на ряби пруда
В холодном дыхании осени слышу
Свистящие нотки: запели ветра.

И петли скрипят, и засовы не держат,
И город нагой на ладони лежит,
И время подходит, но лечит все реже,
А чаще украдкою мимо бежит.

И нет ни восторга, как нет сожаленья
В свободном паденьи сухого листа,
Но как грациозны и плавны движенья
Художницы, так подобравшей цвета.

Казалось природе: навеки согрета.
Растаяли грёзы лишь стелется дым.
И осень в отместку за звонкое лето
Нам золотом платит – молчаньем своим.

Так природа бывает согрета,
Лишь в последние щедрые дни
Уходящего бабьего лета,
Но прощаясь, кричат журавли,

Что туман застилает озера,
Пряный дух наполняет леса.
И о том прокурлычут, что скоро
Смолкнут птичьи в них голоса.

Что снега вновь укроют равнину,
Будто пряча ее в колыбель.
И над нами не пух тополиный,
А всюю закружится метель.

Но взбунтуются вешние воды,
Теплый дождик омоет восток
И всю силу дремавшей природы
Обретет самый первый росток.

И тогда с облаков, с поднебесья,
Понесется, как гимн надо мной,
Журавлиная светлая песня,
Что рождается каждой весной.

Неприметной серой мышью
Притворился мрак в углу,
Песнь сверчка за печкой слышу,
Тени пляшут на полу.

И парит над нашей крышей
Ночь, бесшумно, как сова.
Осторожнее и тише
Речи стали и слова.

Не спеша, ночные звуки
Заполняют все кругом,
Как заботливые руки
Ветви гладят старый дом.

Небылицами и былью
Разукрашен сладкий сон,
И усыпан млечной пылью
До рассвета небосклон.

Все бледней луны краюшка,
Звёзды тают и свеча.
И пригрелся на подушке
Блик от первого луча.

Кружит голову и город
В белом танце первый снег,
Забирается под ворот,
Щек касается и век,

Укрывает белым пледом
И деревья, и дома,
А за ним ступает следом
По своим делам зима.

Замечает все дорожки,
Где гуляли мы весной,
Оставляя на окошке
Свой автограф расписной.

Алла Железнова,

*член Литературного объединения «Златоуст» г. Казани,
член Российского союза профессиональных литераторов*

МОЙ МИР, ПРИДУМАННЫЙ НЕ МНОЙ...

РАИФСКАЯ СВЕЧА

(колокольне Раифского монастыря)

Свеча Раифская над озером взметнулась.
Издалека видна со всех сторон.
Как рада я, что вновь к тебе вернулась
И снова слышу колокольный звон!
Здесь тишина с молитвой покаянной
Была нарушена в далекие года.
Все разворочено эпохой окаянной,
И в долгий плен взяла тебя беда.
А монастырский дворик в двор тюремный
Был превращен, умолк твой дивный звон.
И труд невольный, тяжкий, под'яремный
Царил и длился, словно страшный сон.
Но возродилась древняя обитель,
Творится звон, над озером звуча.
Спешит к тебе, как встарь, окрестный житель.
Не угасай, Раифская свеча!

ВОСЕМЬ ЛЕТ

Восемь лет убивали Донбасс.
Восемь лет убивали и нас.
А сегодня открытая рана...
Все болезненное и страшное – это сейчас,
И победу вершить еще рано.
Все идет по законам войны,
И исправить их мы не вольны...
Хоть повсюду беда и разруха,
Да не сломлены будут Донбасса сыны,
Проявляя величие духа.
Нерушимой, надежной стеной
Мы сплотимся у вас за спиной,
Всей Россией на вызов ответим.
Мир приходит за всякой тяжелой
войной,
И победу, как прежде, отметим!

ДЕТИ ДОНБАССА

Дети Донбасса, мы все виноваты.
В сердце стучит неумолчный набат.
Знаю, наступит и время расплаты –
Слезы не прячет геройский комбат.
Кто нам ответит за детские муки,
Боль и отчаянье. Жизнь не в цене.
Тянутся к вам материнские руки,
Все потерявшие в этой войне.
Дети-заложники, дети-калеки...
Страшные раны на теле земли.
Что пережили вы в нынешнем веке!
Ваши отцы вас спасти не смогли.
Кто нам ответит за кровь и страданье,
Гибель надежд и тоску матерей.
Будет отмщение, и все мирозданье
Вздохнет. А ныне – беда у дверей.
Вечная память, покой и молитва....
Перебирая в тиши имена,
Верим, закончится грозная битва,
И завершится победой война.

В ВЕСЕННЕМ ЛЕСУ

Передо мною лес стоит стеной.
Так много света, сосен, трав пахучих!
Так много солнца! Позднею весной
Войду в твой терем дивный – лес дремучий.
Лучи, как в церкви – в окна, сквозь стволы.
Еще все зелено, свежо и пряно.
Да не коснутся зубья злой пилы
Березок тонких на краю поляны.
Да не замолкнут птичьи голоса
В глуши лесной, где дятел тарабанит.
Да не иссякнет ранняя роса
На травах и кустах. Да не обманет
Меня мой мир, придуманный не мной,
Но мною понятый и принятый. Как в реку
Вхожу в тебя, мой лес, как в дом родной,
С любовью к зверью и человеку.

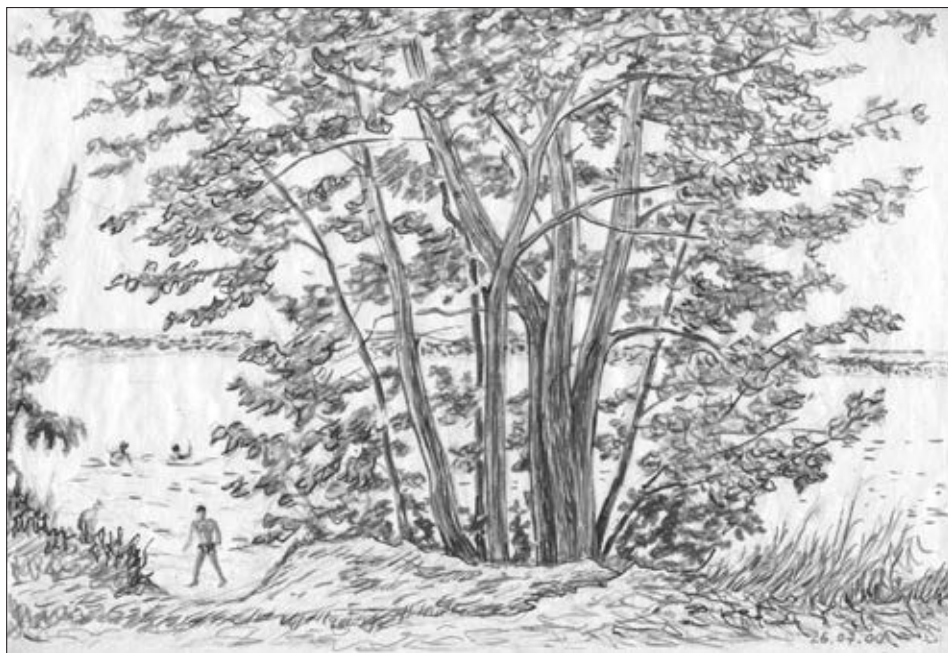

Рисунок Н. Солодухо

Вера Корнилова,
член Литературного объединения «Златоуст»
г. Казани

ГЕОРГИЕВСКИЙ КРЕСТ

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ СКВОРЦОВ – седовласый мужчина лет шестидесяти пяти, плотного телосложения, слегка прихрамывая на левую ногу, ходил по своей квартире, осматривая её стены. Он остановился около стола, на котором лежал завернутый в бумагу портрет.

«Портрет достоин самого лучшего места в квартире», – решил хозяин дома и прошел в кладовку. Через минуту он вынес оттуда старенькую стремянку, на ступенях которой были видны разноцветные засохшие следы от красок.

Он осторожно поднялся по её ступеням, снял со стены старинные часы в деревянном корпусе, перевесив их на другое место, где давно торчал одинокий гвоздь. Александр Петрович поправил стрелки часов, слегка толкнул рукой маятник, и они неспешно начали свой размеренный ход. Эти часы достались ему в наследство от родителей, и каждый раз, когда он прикасался к ним, память возвращала его в детство, в родительский дом. На освободившееся место Скворцов повесил портрет.

– Хорошее место, – произнес он с улыбкой, хотя дома никого не было.

Хозяин дома был вдовец, он часто вечерами рассматривал фотографии в старом альбоме, чтобы как-то скрасить своё одиночество. Фотография деда привлекла его внимание, и он решил обратиться к знакомому художнику с просьбой написать его портрет. Она была настолько выцветшая от времени, что он не ожидал, что художник сможет так точно передать образ. Александр Петрович взглянул на портрет. С него смотрел мужчина средних лет в военном кителе с

Георгиевским крестом на груди. Лучи полуденного солнца ярко освещали его мужественное лицо с правильными чертами лица. Во всём облике чувствовались благородство и стать.

«Жалко, что я так мало знаю о своём дедушке», – огорчился Сковорцов.

Со слов своего отца он знал, что дед во время русско-японской войны совершил подвиг, за что был награжден Георгиевским крестом первой степени. И что ему удалось дослужиться до офицерского звания во время Первой мировой войны.

«Интересно, где его награды? И мой отец вряд ли их видел», – такие мысли частенько приходили к Александру Петровичу.

Прошла неделя. Сковорцов стал всё чаще мысленно обращаться к портрету деда, беседуя с ним. Ему казалось, что дед наблюдает за ним. От этого взгляда слегка прищуренных глаз исходила какая-то не совсем понятная ему теплота. Абсурд, но этот портрет стал служить ему поддержкой в его одиноких буднях. Уже почти год, как его единственный сын, офицер Российской армии, был бойцом СВО. На письменном столе стояла его фотография. Медаль «За отвагу» теснилась среди других наград на груди сына. Александру Петровичу не хватало общения с ним, поэтому он часто думал о нём.

«Вот вернётся домой, женится. И в доме зазвучат детские голоса».

Петрович гордился своим сыном.

– Вот, дед, какой правнук-то у тебя! Такой же герой, как и ты. Тоже сражается за Россию! – говорил Александр Петрович, обращаясь к портрету деда.

В одну из ночей приснился Сковорцову сон, что на портрете исчез знакомый ему облик деда. И лишь какие-то неясные тени блуждали по полотну, освещённому светом уличных фонарей. Сквозь дремоту он услышал незнакомый ему голос:

– Саша, вот мы и встретились с тобою. Спасибо тебе, уважил деда, заказал мой портрет, да на почётное место водворил. Вижу, что ты живёшь по совести, люди уважают тебя. И наград у тебя больше, чем у меня. Все они получены за нелёгкую воинскую службу. Я горжусь тобою и своим правнуком! Знаю, нелегко ему сейчас на передовой. Но он настоящий боец! Мне хочется, чтобы вы знали о местонахождении моих наград. Я вам подскажу, где они. В родительском доме на стене висят семейные фотографии...

Сковорцов проснулся и долго лежал неподвижно, раздумывая о том, что мог означать этот странный сон. Первые солнечные лучи пробились сквозь неплотно закрытые занавеси, коснулись стены и легли на портрет деда.

«Что за сон? О чём хотел мне рассказать дед? Мистика какая-то...»

Сковорцов встал с кровати, подошёл к окну и раздвинул шторы. Теплым солнечным светом наполнилась вся комната. За окном молодые ветки липы с округлыми ярко-зелёными листьями слегка раскачивались от лёгкого дуновения ветерка, словно хотели заглянуть в комнату. Настенные часы пробили пять часов утра.

«Жаль, что сон прервался», – с этими мыслями Александр Петрович снова лёг в кровать, стараясь уснуть, но, увы, всё было бесполезно. Покрутившись

полчаса с бока на бок, он встал и направился на кухню готовить себе завтрак. Вдыхая аромат свежеприготовленного кофе, он рассуждал:

«А что, не съездить ли мне в деревню? Погода отличная. Отдохну на природе денька два, порыбачу».

Скворцов быстро собрался и вышел из дома.

Первой электричкой он благополучно доехал до станции «Луговая». Он шёл по дороге и всё размышлял над своим сном. За этими думами не заметил, как дошёл до родительского дома.

Александр Петрович остановился около крыльца. От нахлынувшего волнения у него защемило в груди. Встреча с родительским домом была для него всегда волнующей. Он с трудом открыл поржавевший за зиму навесной дверной замок и вошёл в дом. В нём было сыро и прохладно. С годами дом словно врос в землю, осел. Низкий покосившийся потолок, разошедшиеся половые доски – всё это свидетельствовало о его долгожительстве. Петрович похлопал ладонью по стене, словно проверяя её на прочность.

«Ничего, простоял сто лет и ещё простоит. На мою жизнь хватит. Брёвна крепкие, для себя строили, на совесть, на века!»

Александр Петрович прошёл в переднюю часть дома по скрипучим половицам и открыл окна. Полуденный солнечный свет осветил фотографии в деревянных рамках на старой бревенчатой стене. Он подошёл к стене.

«Какое счастливое было время! Казалось, что счастье будет вечным, ведь были живы родители», – улыбался он, всматриваясь в чёрно-белые снимки.

Он задержал свой взгляд на фотографии, где скромно одетая, простоволосая женщина с длинной косой держит на руках ребёнка.

«Мама тут совсем молодая, а мне годика два».

Он перевёл свой взгляд на фотографию, которая висела рядом.

«А вот и знакомый снимок, такой же, как у меня в альбоме».

На фотографии был его дед Василий Степанович. Он стоял в военной форме, в портупее, с пашкой. На его кителе красовался уже знакомый ему Георгиевский крест и другие, незнакомые ему награды. Александр Петрович перевернул рамку и заметил надпись: «1918 год».

В это время он почувствовал, как под его ногами скрипнула и провалилась прогнившая половица, образовав углубление в полу. Скворцов решил убрать сгнившие её части. Он наклонился и заметил среди обломков кусок мешковины. Убрав трухлявые части доски, он осторожно вытащил мешок.

«Что за мешок? Откуда он здесь?»

Александр Петрович с трудом развязал узел и дрожащими от волнения руками вытащил жестяную баночку и предмет, завернутый в выцветшее от времени льняное полотенце. Открыв баночку, он увидел там ордена. Александр Петрович взял один из них в руки. Потерев тряпицей по потемневшей его поверхности, он понял, что держит в руках Георгиевский крест. Похоже, это был тот самый крест, который он видел на снимке у деда. У равноконечного креста лучи были слегка выпуклые на лицевой стороне, в центральной части был изображён воин Георгий, попирающий змея.

У Скворцова от волнения пересохло в горле. Он вытащил из сумки бутылку с водой и с жадностью поднёс к губам, отпив несколько глотков. Живительная вода успокаивающе подействовала на него. Вскоре ордена Святых Анны и Владимира с мечами переключили на стол. Скворцов действовал неторопливо. Он как бы тянул удовольствие от увиденного.

– Что это за предмет, который так тщательно спрятали от посторонних глаз на долгие годы? – думал он, разворачивая следующую находку. Это была старинная икона в деревянном окладе. Он бережно протер её ладонью и отчетливо увидел образ Георгия Победоносца. Александр Петрович присел на табурет, он был просто потрясен этой находкой. При взгляде на неё из его уст прозвучала молитва, которую он когда-то слышал в детстве от бабушки.

– Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твоё...

На глаза навернулись слёзы.

«Вот так дед! Какой подарок преподнёс! Вот и не верь снам!»

Раздался телефонный звонок. Достав из кармана сотовый телефон, Александр Петрович услышал голос сына:

– Папа, привет! Это я! Как ты там? Как твоё здоровье?

От внезапно нахлынувших чувств он чуть не заплакал.

– У меня всё хорошо, сынок. Как ты?

– У меня тоже всё нормально. Нас вывели с «передка» на отдых. Пока тихо, не слышно взрывов. Есть свободная минутка, решил тебе позвонить. К новому году, думаю, приеду в отпуск, если буду жив. Жди меня, папа! Передавай привет всем нашим родным.

– Береги себя, сынок. Возвращайся домой с победой!

В это время связь прервалась. Скворцов аккуратно сложил свои находки в мешок.

«Вернётся домой сын, вот удивится подарку от прадеда. Пусть знает свои корни!», – Александр Петрович с любовью смотрел на фотографию деда.

Ирина Владимирова,
член Литературного объединения «Златоуст»
г. Казани.

ЗАБЕРУ ТВОЮ БОЛЬ

ЗВОНОК В ДВЕРЬ. Последнее время он стал пугать. Вера ненадолго замерла в прихожей и повернула ключ. На пороге стоял незнакомый человек. «Я пришёл к вам с приветом от Максима, вашего мужа». «Где он? Что с ним?», – скороговоркой произнесла она и застыла в ожидании ответа. «Всё хорошо! Он на передовой. Я возвращаюсь из отпуска. Что ему передать?»

«Я ничего не знаю об окопах... я ничего не знаю о войне...» – вспомнились строки из недавно услышанного стихотворения. И она, уже в который раз, подумала: «Это и про меня».

Муж, не дожидаясь повестки, ушёл на такую неожиданную, упавшую на нас, мирных людей, войну.

Дома тепло, жизнь продолжается, дети ходят в садик, и никак не укладывается в голове, что война совсем рядом. Она как будто в сердце каждого человека. И Вера, простая молодая женщина, вдруг ощутила себя Россией. Я – это тоже Россия, и мой муж защищает и меня. Он не подпустит врага к нашему дому.

Чем помочь ему? Она вместе с детьми стала плести сети. Что ещё? Я могу вязать носки. И вот она уже по вечерам вяжет, вплетая в каждую петельку свою любовь, тепло души и веру в победу и ощущает себя бойцом второго народного фронта. И снова как будто звучат строки из того стихотворения: «Ведь равнодушная война нам не прощает. Пока мы друг за друга – будем живы.»

И она стала мудрой. Мудрой умом и сердцем.

Как меняют слова свое значение в истории! Некоторые исчезают, а другие приобретают новые акценты. Вера, Надежда, Любовь. И её имя тоже Вера, а дочек она назвала Надежда и Любовь.

Сетки на фронт плели в храме, и здесь она встретила удивительных людей. Добрых? Нет, это было бы слишком просто. Открытых, чистых сердцем. Научилась молиться и плела, вместе со всеми участвуя в молитвенном пении.

Она стала крестить пролетающие в небе мирные самолёты, как будто освящая через них военные – на фронте.

А память возвращала к рассказам бабушки о другой войне, той, в которой её ещё не было, но она знала о ней по фильмам. Дед был механиком на бомбардировщиках. А бабушка вспоминала, как она, маленькая девочка, вязала носки для бойцов.

Вот и пришло наше время. И теперь она многое стала понимать, следила за событиями на Донбассе, радовалась хорошим новостям с фронта.

И вдруг пришла беда. Вера узнала, что Максим ранен, что он где-то там, далеко, в госпитале. Неизвестность пугала. Она металась по квартире, не зная, что делать. Просто так нельзя сидеть и ждать. Я поеду к нему, но как попасть туда?

«Ты заболеешь – я приду, боль разведу руками. Всё я сумею, всё смогу, сердце моё не камень».

Вера слышала о том, что священники храма, где она плела сети, ездят на передовую с гуманитарной помощью. Обратилась к ним, но получила отказ. Тогда она, стоя на коленях, рыдала и умоляла взять ее с собой.

Я буду помогать вам во всём, я медицинская сестра и пригожусь там. Это было самым весомым аргументом. Веру взяли. А у неё звучало в голове: «Заберу твою боль». Откуда эти слова? И вдруг вспомнила!

В прошлом году они с мужем были в отпуске в Ереване, и там она услышала эту фразу. «Цавт танем» – выражение это означает: заберу твою боль себе. Так армяне обращаются к самому дорогому человеку, желая разделить его страдания или беду и показывая свою любовь к нему^[v1]: всегда думаю о тебе, всегда с тобой. Вера случайно оказалась рядом, когда мальчик – армянин в слезах кричал вслед машине «скорой», увозившей больного отца: «Цавт танем»! «Цавт танем»! Слова эти звучали как заклинание, как молитва и сейчас они всплыли в сознании.

«Заберу твою боль» – с этим и поехала в неизвестность. Теперь Вера многое узнала о войне.

Наталия Крылова,
член Литературного объединения «Златоуст»
г. Казани

МНЕ ПРИЯТНА ЛЕТА СЕРЕДИНА...

АВГУСТ ПРОЩАЕТСЯ... ПРИХОДИТ СЕНТЯБРЬ

В летнем лесу поселилась осенняя грусть.
Время пришло расставаться с расцветкой зелёной...
Чуть побурели «гусиные лапки» у кленов.
Зреет под прелой листвой предсентябрьский груздь...
Ветер, разбив стаю серых взлохмаченных туч,
Листья осинки молоденьких треплет игриво,
И вдалеке пожелтевшие рощи и нивы
Четче видны, когда падает солнечный луч.
Словно остывший, на травах заваренный чай,
Волга цветущая плавно меняет окраску...
Август прощается. Дарит последнюю ласку...
На кружевах паутинок повисла печаль...
Ранний закат воспламенил кумачом облака,
Это прощальный привет уходящего лета.
Месяц осенний придет незаметно с рассветом,
И холодком его встретит большая река.

Вот и свершилось: еще одно лето прошло,
Сладко отложится в памяти, став ностальгией...
Дни будут дивные, только немного другие,
Время уложит гербарием их под стекло...
Осень мелирует пряди кудрявых берез.
Жёлтый оттенок наглядно, по времени, в моде!
Пришлый сентябрь дарит яркие краски природе
Перед ее погружением в анабиоз...

ВЕЧЕРНЯЯ ПРОГУЛКА

– Любимый, видишь холмик вдалеке?
Давай устроим чудную прогулку,
Свернем на тропку в сельском переулке
И выйдем к тихой сумрачной реке.
Спокойна Волга нынче. Ветра нет.
Наполнен воздух ласковой печалью...
Вечерний теплоход уже отчалил.
На бакене вдали зажегся свет...
Меняют цвет и форму облака,
Напоминая горы серой пряжи,
А мы бредем тихонечко по пляжу,
По кромке влажно-мокрого песка...
Нам омывают ноги всплески волн,
Когда вдруг по реке проходит катер,
Чуть намокает край льняного платья...
Все ближе, величавей дальний холм!
Ну вот и он! Внизу течет ручей,
Журчит, даря природных звуков прелесть.
Любимый мой! Ты не устал, надеюсь?
Вперед! Устроим праздник для очей!
Какой здесь вид! Да оглянись вокруг!
Закат разлит малиновым сиропом.
А вдалеке, чуть слышен грома рокот
И лодочки моторной перестук...

РОДИНА

Запах ржаного, с коричневой корочкой, хлеба.
Холмики сметанных в поле душистых стогов...
Волжский простор и огромное синее небо...
Россыпь ромашек на склоне крутых берегов...
Белая церковь. Старинная, в липах, аллея.

Вишни в садах за рядами бревенчатых изб.
Чайки над Волгой, как планеры белые, реют
И неожиданно камнем бросаются вниз!
Пляшут, искрятся на волнах от солнышка блики
И огоньками веселыми брызжут в глаза.
В левобережье – леса, где в рубинах брусники
Нити травы изумрудной, цветов бирюза...
С ветром закружатся в вальсе янтарные листья,
Осень дождём охладит жизнерадостность дней...
Но и тогда все пейзажи глубинки российской
Будут меня восхищать красотой своей!

В ГОСТЯХ У РЯБИНЫ

Заглянул июль к рябине в гости:
– Все грустишь, красивая? А зря!
– Не краснеют ягодные гроздья?
Подожди, дружок, до сентября.
Улыбнись, пожалуйста, скорее!
Распуши все веточки свои.
Я их светом солнечным согрею,
Чтобы ты росла в лучах любви!
И не бойся, если будут грозы –
Для рябины очень важен дождь!
Но зато, когда придут морозы,
Лучше ягод просто не найдешь!
Чуть качнулись веточки рябины,
Под июльским теплым ветерком.
Мне приятна лета середина,
Рада я, что ты со мной знаком!
Одари меня погодой дивной,
Погости подольше, не спеши!
И теплу июльскому, и ливням
Благодарна буду от души!
Над рябиной ласточка в азарте
Пронеслась. Рябила мошкара.
Воробей чирикнул громко: «Завтра
Точно будет лучше, чем вчера!»

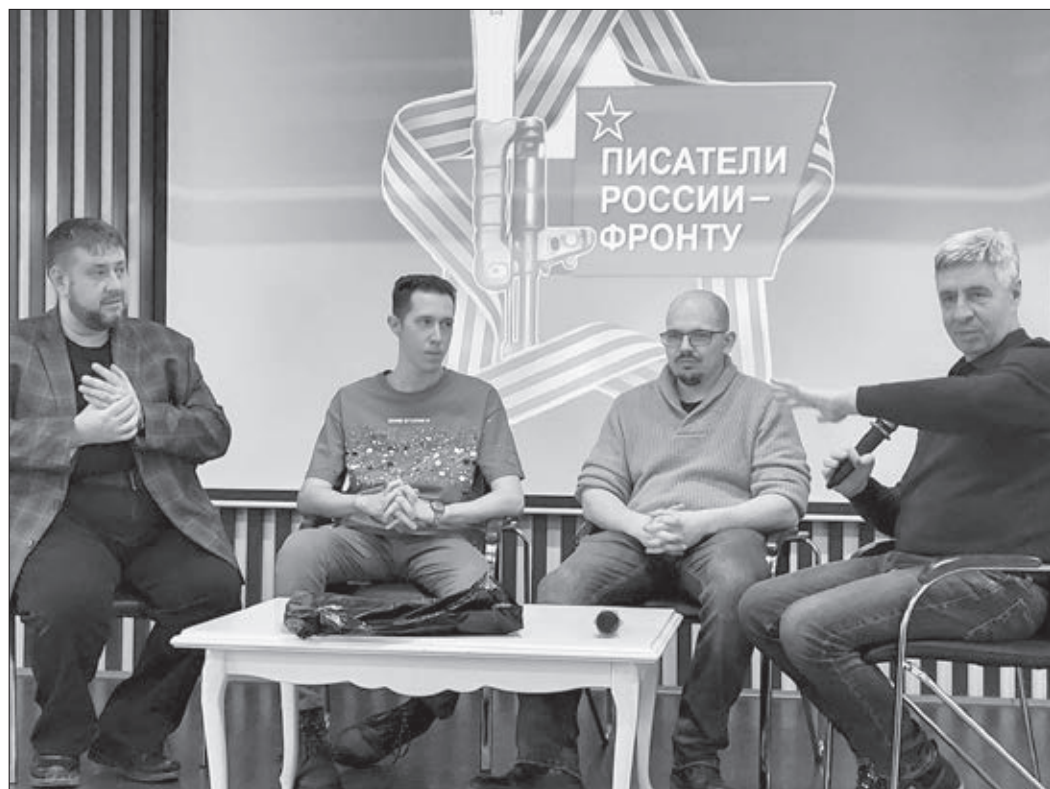

*День Защитника Отечества. Поэтические вечера Союза писателей России
в военном госпитале и в культурном центре им. А.С. Пушкина*

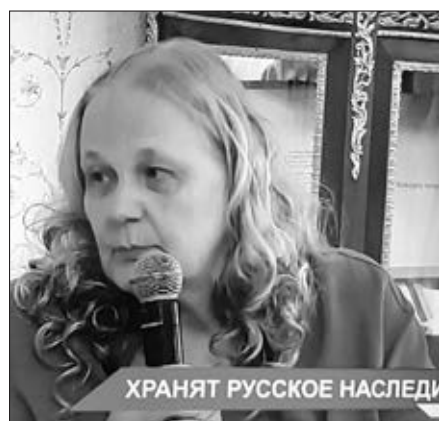
*День Защитника Отечества.
Поэтический вечер Союза
писателей России
в культурном центре
им. А.С. Пушкина*

Юбилейные мероприятия к 225-летию А.С. Пушкина

*Юбилейные мероприятия к 225-летию А.С. Пушкина.
Встреча русской общественности Татарстана
с Раисом республики Р.Н. Миннихановым*

День семьи у памятника святым благоверным князю Петру и княгине Февронии

На Всероссийском Державинском фестивале поэзии

Вечер духовной поэзии в музее Казанской епархии

Литературно-музыкальный вечер Татарстанского отделения Союза писателей России, посвященный Году семьи. Музей им. Е. Боратынского

**ТВОРЧЕСКИЕ ВЕЧЕРА АВТОРОВ ТАТАРСТАНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ. 2024**

Поэт Олег Стоянов

Поэт Сергей Манжелев

Поэт Дина Мухамедзянова

Прозаик Юрий Бормотов

**Прозаик Денис Сидт
(Сугоняко)**

**Поэт
Валентина Зикеева**

**Прозаик
Андрей Драгунов**

Литературно-публицистический альманах

«ЗЛАТОУСТ – 2024»

ТАТАРСТАНСКОЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ»

Главный редактор – **Сушенцова Татьяна Ивановна**

Иллюстрации поэта и художника **Натана Солодухо**

Графический дизайн – **Олег Маковский**

Вёрстка, препресс – **Эдуард Ахмадеев**

Издательский дом Маковского
makovski.ru

На первой странице обложки – памятник А.С. Пушкину, прежде находившийся на территории школы №74 п. Аракчино в полуразрушенном состоянии. Памятник восстановлен по инициативе Председателя Правления Русского национально-культурного объединения РТ, директора гимназии №93 И.А. Александровской при поддержке Раиса Республики Татарстан Р.Н. Минниханова и установлен в 2023 году на территории гимназии №93, которая носит имя А.С. Пушкина.

Подписано в печать 11.11.2024.

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Minion.

Тираж 100 экз. Заказ №11/11.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «ЛМ-Групп»

420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 45.

Пленум
Союза писателей России
«Дружба народов –
дружба литератур».
90-летие
Союза писателей
Башкортостана

